

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
И ИНФОРМАЦИОННЫХ
КОММУНИКАЦИЙ КБР
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР

Главный редактор

ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Общественный совет:

Руслан Ацканов
Анатолий Бицуев
Эльдар Гуртуев
Адам Гутов
Ахмат Гыллыев
Хачим Кауфов
Валентин Кузьмин
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Моттаева
Ахмат Мусукаев
Ахмат Созаев
Зейтун Толгуров
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Юрий Багов
Михаил Балкизов
Хасан Думанов
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Анатолий Туркинов
Юрий Тхагазитов
Аминат Уянаева
Башир Хубиев
Хасан Шугушев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

1. 2008

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ

В издательстве «Адыгея» вышла документальная повесть Александра Курпового (псевдоним писателя А. Сарахова) «Война», посвященная событиям 13 октября 2005 года, когда объекты правоохранительных структур и спецслужб Кабардино-Балкарии были атакованы исламскими боевиками. Книгу автор посвятил светлой памяти безвинных людей, ставших жертвами террористических актов.

Книга призывает к достижению единства в обществе. Это очень важно. Ошибки прошлого нельзя повторять. Уроки истории должны стать наукой на будущее.

Братов Хасин. «Фауна в лексике черкесов» в 2-х томах. «Мир птиц: этноорнитонимия». Т. 1. Черкесск, 2007.

Научно-методическое издание «Мир птиц: этноорнитонимия» из двухтомника лексики всей фауны, с большим иллюстративным материалом, содержит названия видов, встречающиеся в диалектах и говорах черкесского языка, с их русскими и латинскими эквивалентами, научными сведениями о них, а также словарь терминологии с комментариями.

Гукетлов Исуф. «Наследие джигита». Сухум, 2007.

Исуф Гукетлов – личность незаурядная. Несмотря на свой солидный возраст, он и сейчас по-прежнему бодр, подвижен, энергичен.

Автор выражает глубокую признательность абхазскому народу и президенту Сергею Васильевичу Багапш за материальную поддержку в издании этой книги.

К 90-летию со дня рождения З. П. Кардангушева

КАРДАНГУШЕВ ЗАРАМУК ПАТУРОВИЧ

Родился в сел. Псыгансу Урванского р-на КБР, 10.01.1918, – кабардинский драматург, фольклорист. Окончив шесть классов начальной школы сел. Псыгансу, Кардангушев некоторое время обучался в ЛУГе (Ленский учебный городок) и на рабфаке в г. Пятигорске.

В 1935 г. принял участие в отборочном смотре-конкурсе, и был зачислен на актерское отделение Кабардинской студии ГИТИСа в Москве. Являясь с 3-го по 5-й курс Сталинским стипендиатом, с отличием окончил институт и в июле 1940 г. вернулся в Нальчик с дипломом актера драмы.

Зарамук Патурович принимал участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., награжден орденом Отечественной войны III степени и несколькими медалями.

С 1946-го по 1948 г. вместе со своей супругой, талантливой драматической актрисой Зулейхан Куралаевой (она вместе с ним окончила ГИТИС), играл в кабардинской труппе драмтеатра. После кончины жены Зарамук оставил сцену и в 1949 г. перешел работать научным сотрудником в сектор кабардинского фольклора КНИИ (ныне КБИГИ).

В 1952 г. Кардангушев поступил на отделение кабардинского языка и литературы КГПИ, которое окончил с отличием в 1956 г.

В 1956–1959 гг. он занимался редакторской деятельностью в Республиканском книжном издательстве. В 1959 г. решением Кабардино-Балкарского областного комитета КПСС Зарамук Патурович был восстановлен на прежнее место в КБНИИ, где работал старшим научным сотрудником сектора кабардинского фольклора. Член Союза писателей СССР с 1964 г. За заслуги в развитии национальной драматургии, за активное участие в сборе и публикации нартского эпоса и народных песен Кардангушеву присвоено почетное звание «Заслуженный деятель искусств КБАССР» (1961), а в 1993 г. присвоено звание «Народный артист КБР». За вклад в культуру КБР он награжден Почетными грамотами Президиума Верховного Совета КБАССР (1978, 1992), Кабардино-Балкарского Президиума облсовпрофа (1966). Кардангушев – заслуженный деятель культуры Республики Адыгея; лауреат международной премии М. Кандура.

Творческая деятельность Зарамука Патуровича многообразна. Он известен как драматург, фольклорист-исследователь, автор книг для детей и юношества, исполнитель старинных кабардинских песен. На протяжении всей своей жизни занят сбором и публикацией нартских сказаний, пословиц, поговорок, старинных песен и инструментальных наигрышей – всего, что составляет национальное духовное наследие адыгов.

Пьеса «Каншоубий и Гуашагаг» о героической борьбе кабардинского народа против крымских татар приобрела актуальное значение в военный период и звучала призывом к борьбе с фашистским нашествием.

В 1946–1947 гг. им написана историческая трилогия о народном герое Андемиркане, жившем в эпоху Беслана Тучного (XVI – нач. XVII в.).

Рукопись трилогии «Андемиркан», состоявшая из трех частей: «Детство», «Подвиги», «Гибель» осталась неопубликованной.

Старинное сказание о любви и преданности мудрой красавицы Альтуд и благородстве ее славного мужа Кабарды легло в основу пьесы в 3-х действиях «Къэбардэрэ Альтудрэ» (Кабарда и Альтуд). В 1959 г. в соавторстве с А. Маховым Кардангушев написал комедию «Хъужэ» (Ходжа). О событиях в Кабардино-Балкарии во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. драма Кардангушев «Бзэджэ пщӕуэ фӕм ущымыгугъ» (Сделав зло, не жди добра).

Являясь научным сотрудником НИИ, Кардангушев принял участие в фольклорно-этнографической экспедиции (1949), занимавшейся сбором героического нартского эпоса, старинных кабардинских песен, сказаний, легенд, пословиц и поговорок. Кардангушев входил в коллектив авторов первого издания свода «Нартхэр. Къэбэрдей эпос» (Нарты. Кабардинский эпос. 1951).

Совместно с А. И. Алиевой и А. М. Гадагатлем Зарамук Патурович был составителем тома академического издания «Нарты. Адыгский героический эпос» (1974).

Кардангушевым осуществлен первый и единственный перевод на кабардинский язык сочинения Шоры Ногмова «История адыгейского народа» (1958).

Сказки и рассказы Кардангушева «Мыщэ шу» (Медведь-наездник. 1958), «Золотая крупинка» (1961), «Кабардинские народные сказки» (1969, 1980), «Нгъуей и къуэ Лъэпщӕгуэ» (Сын Нагоя Лапшаго. 1981), «Ныбжэгу пэж» (Верный друг; на русск. яз. – 1960, 1981) и др. развивают в юных читателях любовь к родной земле, окружающему миру и людям, способствуют формированию эстетического вкуса.

Зарамук не только составитель песенных сборников «Къэбэрдей народнэ уэрэдхэр» (Кабардинские народные песни. 1955), «Уэрэдыльзэ» (100 современных кабардинских песен. 1962), «Адыгэ уэрэдыжьхэр» (Старинные адыгские народные песни. 1979) и др., но и пропагандист уникальных образцов песенной культуры адыгов. Сохраняя старинную, исконно адыгскую манеру исполнения, Кардангушев великолепно владеет интонационной формой, что позволяет ему донести до сознания и души слушателя смысл песен, заставляя о многом задуматься, воскрешая события давно минувших времен. Песни Кардангушева – уникальная коллекция духовных ценностей в адыгской культуре, которую он, благодаря своему таланту, возвращает народу.

Велика заслуга Зарамука Патуровича в создании этномузыкальной антологии «Адыгэ уэрэдхэмрэ пшынальхэмрэ» (Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов). Это многотомное собрание – история становления национальной адыгской науки об устном народном творчестве. В 1-й том (1980) вошли памятники архаических музыкально-поэтических жанров, наиболее древних, сохранившихся в единичных вариантах. Во 2-й том (1981) вошли нартские песни. Величальные и плачевые песни составляют содержание 3-го тома, вышедшего в 2 частях (Т. 3. Ч. 1. – 1986; Т. 3. Ч. 2. – 1990); 4-й том состоит из песен любовных, аллегорических, смеховых.

Зарамук Патурович и сегодня полон сил и энергии, работает на благо народа, приумножая культурное наследие адыгов. Редакция присоединяется к тем поздравлениям, которые прозвучали в его адрес.

МОТТАЕВА СВЕТЛАНА МУСТАФАЕВНА

Родилась в сел. Верхняя Балкария Черекского р-на КБР – балкарская поэтесса. После окончания средней школы в г. Фрунзе и возвращения вместе со своим народом на родину, в 1957-м поступила в КБГУ. Завершив учебу в 1962 г., работала инспектором школ, завучем Верхнежемталинской средней школы, директором школы рабочей молодежи в Черекском и Чегемском районах КБР. С 1964 по 1975 г. Моттаева Светлана – редактор молодежных и детских передач, а затем главный редактор художественных программ республиканского телевидения Кабардино-Балкарии. С 1975 по 2004 г. Светлана Мустафаевна – редактор, затем зав. редакцией и ведущий редактор книжного издательства «Эльбрус». В настоящее время корреспондент отдела культуры «Кабардино-Балкарской правды». Моттаева – заслуженный работник культуры КБР (1988), член Союза писателей и Союза журналистов СССР, член Президиума Союза журналистов КБР, лауреат премии Союза журналистов КБР (1994) и МВД КБР (1995).

Стихи писать начала рано. По словам поэтессы, «С младых ногтей и дней далеких детства / Мне музыка звучит Любви и Торжества» («Литература, господа, не легкая атлетика...»). Печаталась в журналах и газетах. Стихи пишет на балкарском и русском языках. Издала несколько сборников стихов. Уже первым из них «Хар кюнде» (Каждый день) Моттаева заявила о себе как талантливая поэтесса. Светлана Мустафаевна много работает: один за другим в последующие годы выходят сборники стихов, получившие широкое признание: «Тамга» (1983), «Толгъан ай» (Полнолуние. 1986), «Сад камней» (1991), «Потухший очаг» (1994), «Шартла» (Черты. 1997), «Избранное: Стихи и поэмы» (1999), «Вершины чувств» (2003).

Поэзия Светланы лирична по своему складу, в ней находят отражение различные мотивы: любовь к родине, чарующей красоте ее природы, пристальное внимание к явлениям изменяющейся жизни, размышления о сложных человеческих взаимоотношениях.

В ее стихах видны приметы времени, она не отстраняется от всего, что происходит в жизни ее страны, судьбы которой и тяжелые события не могут не волновать.

*Пять алмазов – пять ущелий –
Горы мои старые,
Стражи многих поколений,
Имя вам – Балкария.*

Слова о любви к родине, к своей земле, к людям труда, об их духовном богатстве обретают в стихах Моттаевой новое звучание, особую значительность и глубину. В них она выражает собственное понимание и смысла бытия, и назначения человека, и сущности жизненных явлений.

Поэтический голос Светланы Мустафаевны с годами становится все более полнозвучным, подкрепленным опытом жизни.

В стихах, наиболее характерных для творчества Моттаевой, не только тревога за судьбы отдельных людей, своих современников, простых тружеников, но и любовь к своему народу, о котором поэтесса пишет с любовью и гордостью.

Несмотря на жесткое звучание стихов Моттаевой, в них в первую очередь чувствуется лирическое начало. Ей удается художественными средствами передавать свои чувства.

О любви Моттаева пишет без слащавости, без женских вздохов, где поэтесса находит нестандартные сравнения, метафоры. Она говорит о непостижимости любви, которую нельзя предавать, и понимает, что любовь не только несет счастье, но и сопряжена с болью разлук.

Интересна по глубине, интонационно выразительна философская, любовная, пейзажная лирика Моттаевой. Она мастер лирических зарисовок. Четкость композиции, лаконизм, образное мышление придают стихам Моттаевой стройность и яркую выразительность, а искренность интонации – особую поэтичность. Только поэт так мог сказать о грозе: «Трава застенчива весной. / И громогласны небеса. / Гремит, летит над головой / Лезгинкой майская гроза...» («Диссонанс»).

Тематика поэзии Моттаевой самая разнообразная. Об этом говорит даже небольшой перечень ее стихов о земле отцов, братстве людей, трагических годах изгнания балкарского народа: «Ночной эшелон», «Дума», «Тамга», «Дых-Тау молчал», «А наш рассвет был хмур...», «У поэтов есть такое право», «Боль», «Сердцем скорбящим», «Я видела степи Абая», «Вернулась в печали из горного села», «Думы моего предка», «Мухажир семи земель», «Мир недобрый», «Неоконченная поэма».

Не чужд творчеству Моттаева и эпический жанр. Заметное произведение – поэма «Правота матери», или «Сентиментальная поэма». Она посвящена, по словам поэтессы, «миру людей и матерям – средоточию земных щедрот и страданий, ее великой любви к детям».

Моттаева – поэт разносторонний, разноплановый, вторгающийся в различные сферы жизни, зорко подмечая все, что может стать поэзией. Книги ее – неотъемлемая часть не только балкарской литературы, но и культуры в целом.

*И на старуху может быть прорука.
Старуха я. И, знайте, ничо чем,
Коли строка моя вам режет ухо,
А песня моя кажется бичом.*

*История такое ли знавала:
Кортит иной творец всю ночь подряд,
Но, очи от бумаг поднимая устало,
И сам тому, что сотворил, не рад.*

*Ловя в ночи светил шальных порывы,
Он, онемев, терял порою речь;*

*Но, господи, а кто не ведал срывов,
Кому в могилу не хотелось лечь*

*До срока, до начертанного знака,
Что в заповедных писан был веках –
Что выведен десницею пророка:
В скрижалях судеб есть его рука.*

*Но тем, кому неведом путь исканий,
Пути творящих чужды, может быть,
В уцербном сердце, сделанном из стали,
Им ни тепла, ни чувства не добыть.*

Борис ЗУМАКУЛОВ

Об редакции

Борис Мустафаевич Зумакулов родился 15 февраля 1940 г. в сел. Гирхожан (ныне г. Тырныауз) Кабардино-Балкарской АССР. Выселение балкарского народа пережил в четырехлетнем возрасте. В Средней Азии, как и другие его сверстники, в полной мере испытал голод и холод, унижения и оскорбления.

В 1947 г. Борис поступил в первый класс Новопокровской школы, а десятый окончил уже в средней школе № 4 г. Нальчика, затем Нальчикское педагогическое училище, позже – историко-филологический факультет Кабардино-Балкарского госуниверситета. В 1962 г., будучи студентом 4-го курса, был избран секретарем Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ по работе среди школьной молодежи и пионеров. В 1963 г., когда окончил КБГУ и получил диплом с отличием, был избран первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ и проработал на этой должности более 8 лет.

Комсомольская организация республики неоднократно признавалась победителем Всесоюзных соревнований, и в 1966 г. Борис Зумакулов был награжден орденом «Знак Почета», а в 1968-м – Почетным знаком ВЛКСМ.

Первым заместителем председателя Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина он стал в 1971 г., одновременно заведую отделом ЦК ВЛКСМ. В эти годы он был также членом редакционных коллегий всесоюзных журналов «Вожатый» и «Пионер». Наряду с работой в центральных штабах «Зарница» и «Орленок», которые возглавляли легендарные маршалы Советского Союза И. Х. Баграмян и И. С. Конев, Б. М. Зумакулов участвовал в научно-практических конференциях по проблемам детского движения, являлся вице-президентом Международной детской организации «СИМБА». ЦК ВЛКСМ наградил его Почетным знаком «За активную работу с пионерами». Во время работы в комсомоле и пионерской организации являлся делегатом трех съездов ВЛКСМ; трижды избирался членом Центрального комитета комсомола.

В 1975 г. был приглашен на работу в Кабардино-Балкарский обком КПСС в качестве заведующего отделом, а с 1980-го по август 1991 г. работал секретарем, вторым секретарем, первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома КПСС, избирался членом Контрольной комиссии ЦК КПСС.

В 1986 году окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС и

получил высшее политическое образование; принимал участие в афганских событиях в качестве советника ЦК КПСС при ЦКНДПА. Неоднократно входил в состав официальных делегаций КПСС, а в декабре 1990 г. решением Политбюро ЦК КПСС был направлен в Чили в качестве руководителя делегации КПСС.

После августовских событий 1991 г. Б. М. Зумакулов, как и другие руководители республики, лишился своих постов. Почти пять месяцев был безработным. Предложение председателя Верховного Совета Х. М. Кармокова возглавить комитет ВС КБР он не принял, аргументируя отказ тем, что не может занять этот пост, пока все работники аппарата обкома, райкомов, горкомов не будут трудоустроены, а также тем, что депутаты Верховного Совета КБР согласились на демонтаж памятника Ленину на главной площади республики, хотя большинство из них коммунисты и были избраны в Верховный Совет при поддержке членов партии.

Этот период был очень тяжелым, но жизнь продолжалась, и он активно включился в борьбу за сохранение мира, согласия, единства республики; выступал на митингах, собраниях, в печати с призывом не идти на поводу у разрушителей, которые облекли свои идеи в привлекательные, на первый взгляд, патриотические лозунги, льстящие национальным чувствам. Эти люди манипулировали сознанием соплеменников, а тем, кто был не с ними, клеили ярлыки непатриотов своей нации и космополитов.

Борьба продолжалась и в период выборов первого президента КБР. Борис Зумакулов был в команде Валерия Кокова, который баллотировался на высокий пост под лозунгами единства, национального согласия и экономического возрождения республики. А когда В. М. Коков одержал убедительную победу и стал президентом республики, он назначил Б. М. Зумакулова министром труда и социального развития. Разрушительная деятельность реформаторов, демократов первой волны привела к поголовному обнищанию населения, появились тысячи безработных, а старики и инвалиды вообще были брошены на произвол судьбы. В этих условиях надо было принимать экстренные меры для смягчения удара стихии капиталистического дикого рынка: была создана надежная инфраструктура социального обслуживания; в городах и районах были открыты центры социального обслуживания инвалидов и престарелых, семьи, материнства и детства; Республиканский детский реабилитационный центр «Радуга».

С 2001 г. Б. М. Зумакулов работает председателем Избирательной комиссии Кабардино-Балкарской Республики. При его активном участии создана стройная система избирательных комиссий, которые успешно провели выборы президентов РФ и КБР, депутатов Государственной Думы, Парламента КБР, органов местного самоуправления. Он избран в состав Совета председателей избирательных комиссий субъектов при ЦИК России, в качестве международного наблюдателя исполкомом СНГ направлялся на выборы в Украину, Азербайджан, Грузию, Армению, Узбекистан, Таджикистан, Киргизию.

Борис Мустафаевич награжден Почетной грамотой Центральной

избирательной комиссии Российской Федерации «За большой вклад в развитие избирательной системы Российской Федерации».

Он успешно занимается научно-педагогической работой. В 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1999 году – докторскую. В 2006 г. доктору исторических наук Зумакулову присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесской Республики». В 1996 г. он был избран членом-корреспондентом Петровской академии наук и искусств, в 1997 г. – академиком Академии социального развития РФ, в 2003 г. – академиком Международной академии социальной работы.

При непосредственном участии профессора Зумакулова в Кабардино-Балкарском государственном университете создано отделение «Социальная работа», и конкурс на эту специальность – один из самых высоких в КБГУ.

Борис Мустафаевич – автор семи монографий и более 100 научных публикаций, в том числе: «Государственная социальная политика РФ и региональные особенности ее реализации в условиях трансформации общества (80–90)». Нальчик: Эль-Фа, 1998; «Государственная социальная политика и особенности ее реализации в Кабардино-Балкарской Республике». Нальчик: Эль-Фа, 1997; «Реабилитация балкарского народа. История, проблемы, решения». Нальчик, 1998; «Командировка на войну (проблемы афганской революции)». Нальчик.

Б. М. Зумакулов избирался депутатом Верховного Совета КБАССР шести созывов, был делегатом XXIV и XXVIII съездов КПСС; на XXVIII съезде КПСС был избран членом Контрольной комиссии ЦК КПСС; он награжден пятью орденами, многими медалями СССР, Российской Федерации, орденом и медалью Республики Афганистан.

В настоящее время Б. М. Зумакулов является уполномоченным по правам человека по КБР.

У Бориса Мустафаевича Зумакулова трое детей и девять замечательных внуков и внучек.

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ...

Я родился в тот период, когда вся наша семья была в трауре. Отца – в то время первого секретаря Эльбрусского райкома КПСС, арестовали, предъявив ложные обвинения, якобы за участие «в контрреволюционных действиях Бетала Калмыкова и его банды».

Отец, Мустафа Башчиевич Зумакулов, 1898 г. р., выходец из самого древнего балкарского аула Шканты. Его отец – Башчи, дед и прадед в седьмом колене жили в этом ауле; об этом напоминают их могилы на родовом кладбище, а также сторожевая башня, которая возвышается над ущельем Черека и как бы охраняет аул и проход в горы.

Когда в 1913 г. начались крестьянские волнения, перешедшие потом в восстание против захвата Жанхотовыми общинных лесов и пастбищ, Мустафа Башчиевич, совсем еще молодой, уже был среди восставших крестьян. Как известно, выступление было жестоко подавлено, а руководители и оставшиеся в живых участники отправлены в Сибирь или бежали в соседние края и области.

Одним из преследуемых царской администрацией за участие в восстании крестьян в Черекском ущелье был и мой отец. Ему пришлось скрываться вплоть до 1917 года.

В дни Февральской и Октябрьской революций Мустафа был уже в родных краях вместе с Хажмуратом Асановым, Юсуфом и Хусеем Настуевыми, которые организовали крестьянские массы на борьбу за новую жизнь. В годы Гражданской войны Мустафа командовал партизанским отрядом, храбро и мужественно боролся за советскую власть, за свободу и счастливую жизнь горцев (во всяком случае, он так считал) и для торжества этого дела не жалел ни сил, ни крови.

Его родную сестру белогвардейцы подвергли пыткам и истязаниям, а родного брата Магомедасана расстреляли. Тем не менее, запугать братьев Зумакуловых – Зулкарнея, Мустафу и Далхата – не смогли.

После установления новой власти Мустафа работал в Черекском районе на разных должностях, активно участвовал в формировании инфраструктуры власти и жизнеобеспечения Балкарии.

По окончании в Москве Коммунистического университета трудящихся Востока в 1927 г., он работал заместителем управляющего Кредитсоюза Кабардино-Балкарии; в 1929 г. был избран Председателем Баксанского окружного суда, а в 1931 г. – членом Областного суда.

Время было тяжелое. Тогда не спрашивали зачем, говорили только когда и куда! Это сейчас люди воспринимают по-другому: если направляют в район или, тем более, в село, считают, что отправили в ссылку, наказали, а тогда даже в мыслях нельзя было этого допускать! Раз направляют – значит, так надо партии и Советской власти. Уезжали из городов, бросая теплые, ухоженные квартиры, престижные должности, – в совершенно необжитые места.

Мустафа как раз и попал в список направляемых для проведения коллективизации в селах и станицах Кабардино-Балкарии. Так он оказался в сел. Гирхожан Эльбрусского района. Именно благодаря отцу тогда был создан колхоз, который в последующем стал передовым не только в районе, но и во всей Кабардино-Балкарии. Он сумел организовать горное орошение земель, на которых до этого хозяйничали степные суслики, собирал рекордные урожаи зерна, пшеницы, ячменя, проса, а стада коров и отары овец состояли из тысяч голов. И сегодня в Баксанском ущелье, в районе Былыма и Гирхожана, сохранились «Жумакулуну илипинлери» – «арыки Зумакулова, и в памяти народа остались его добрые дела.

Затем, когда началось строительство вольфрамо-молибденового комбината, М. Б. Зумакулов, будучи первым секретарем Эльбрусского райкома партии, возглавил штаб стройки; страна получила вольфрам и молибден благодаря и его усилиям. И, может быть, это тоже одна из причин, почему мы смогли противостоять бронированным армадам Германии. Подтверждением заслуг М. Б. Зумакулова является и приказ начальника Главцветмета СССР Гурского о поощрении наиболее отличившихся организаторов и участников строительства ТВМК в связи с пуском производства. Первым в списке значился М. Б. Зумакулов.

Все, казалось бы, складывалось благополучно, имя М. Б. Зумакулова

приобрело известность и его дела были осязаемы. Но настали холодные и черные дни сталинских репрессий. И однажды пришли, что называется «под покровом ночи», трое в кожанках и увезли первого секретаря райкома партии в застенки ГУЛАГа. Три года сидел он в одиночной камере. Не расстреляли, потому что не дал признательных показаний, что участвовал в «...контрреволюционных действиях Бетала Калмыкова». Затем были долгие годы в «Ташлаге», пока его, безнадежно больного, не передали в руки, на счастье оказавшихся в этих местах Баттала Таумурзаева и Ануара Урусбиева (к светлой их памяти, им наша семья благодарна во веки веков), они выходили Мустафу, нашли адрес семьи, уже переселенной в Среднюю Азию. Затем были долгие годы ожидания свободы, реабилитации, возвращение домой, на Кавказ.

Мустафу Башчиевича Зумакулова реабилитировали на основании Постановления Верховного Суда СССР, вернули награды, в том числе и орден Боевого Красного Знамени. Но здоровье вернуть не смогли. Он умер в 1968 г., похоронен в г. Нальчике; на могиле поставлен памятник с изображением горской папахи с партизанской лентой и горской сабли и выбит орден Боевого Красного Знамени.

Моя мать, урожденная Юсупова, Марьям Шамшудиновна, была красивой и видной девушкой, не имея соответствующего образования, работала во вновь открывшейся школе с. Нижний Баксан пионервожатой, одной из первых вступила в комсомол, участвовала в различных мероприятиях, проводимых в Эльбрусском районе. Видимо, там и заметил ее Мустафа – секретарь партийного комитета. Свадьбу играли широко и по новым советским обрядам; как любила вспоминать Марьям, что на ее свадьбе были все руководители балкарского округа во главе с незабвенным Ахматом Мусукаевым. Танцевали под ружейный салют и пели песни. Все, казалось, дышало счастьем и благополучием в семье Мустафы и Марьям. Родились два мальчика – Баттал и Владимир, дочь Танзиля. Но, как говорится, счастье это длилось недолго. Когда арестовали отца, мать оставалась на сносях, практически без средств к существованию. К этому добавлялся моральный терроризм. Ее пытались склонить к отказу от своего мужа Мустафы: «Ты ведь член партии, зачем дети будут носить фамилию и имя «врага народа». Мы сохраним тебя в партии, а советская власть возьмет на воспитание детей».

К счастью, она была волевой и мужественной женщиной, и гневно отвергла эти предложения. На бюро обкома партии партийный билет положила на стол секретарю со словами: «Отец моих детей был и остается преданным советской власти, и у них должно сохраниться доброе имя их отца».

Моя бедная мама выносила, выходила меня, пройдя через боль унижений с клеймом жены «врага народа», исключенная из партии, под улюлюканье одних и недобрые усмешки других односельчан, которые в другое время заискивали, подобострастничали всячески. А тут вдруг все изменились, стали грубыми и жестокими. Также подвергались унижениям и другие члены семьи. Может, пройдя через позор и унижение, в несча-

стью и трудностях сохранив меня, она имела право относиться ко мне по особому всю оставшуюся жизнь и, не скрою, втайне гордилась мною, о чем поведала сестра Танзила в стихотворении «Моему брату»:

*«Считали мы, что ты рожден для слез.
Шептали мы: «Он горе нам принес,
Умножив беды, что влачила мать...»
Да мог ли кто-нибудь из нас предугадать,
Что времени и недругам назло
Ты радость нам подаришь и тепло».*

Не выдержав этих условий, мать, оставив свое имущество и дом, уезжает в селение Лашкута к своим родителям Шамшудину и Шахидат Юсуповым. Этот вынужденный шаг отчаявшейся женщины-матери обернулся большой семейной бедой. Дело в том, что промозглым утром 8 марта 1944 г. нас вместе с семьей деда и бабушки выселили в Среднюю Азию, а все имущество, накопленное годами, осталось в Тырнаузе, в нашей квартире. С четырьмя малолетними детьми наша мать оказалась в селении Новая Покровка Кантского района Киргизской ССР. Откровенно говоря, я в силу возраста не могу вспомнить какой-либо эпизод периода выселения, но – как свидетельствовали старшие – балкарцев везли в холодных, продуваемых со всех сторон студенными ветрами товарных вагонах, где без элементарных человеческих условий размещались седебородые горские старики, старухи, дети и молодежь. Многие умирали в пути, скорее не от физических, а от моральных и психологических страданий. Мертвых предлагалось хоронить на ближайшей железнодорожной станции. Но, чтобы избежать этого, многие везли с собой уже окоченевшие трупы своих близких.

Конечно, в местах, куда выселяли балкарцев, их никто не ждал. Да и само население тех мест жило бедно, скученно, без особых удобств. И, как отмечалось в справке МВД Киргизской ССР, «...с первых дней прибытия в республику основная масса переселенцев (балкарцев) была размещена в порядке уплотнения к колхозникам...» Переселение происходило в весенне-зимний период. Большинство переселенцев было плохо обеспечено одеждой и обувью, скученность в эшелонах и большая завшивленность привели к вспышке в пути сыпного тифа. После прибытия в места расселения в результате неудовлетворительных бытовых условий, а также резкого изменения климатических условий и неприспособленности к местным условиям, эпидемические заболевания получили массовое распространение, вызвали большую смертность среди переселенцев. Так, только в 1944 г. умерло почти 10 процентов от числа прибывших.

А вот как описывает те события Шамиль Шахангериевич Чеченов, боевой офицер, прошедший военными дорогами от предгорий Кавказа до Эльбы: 8 марта, в день выселения, «...старики, дети, женщины успели взять только носильные вещи, многие не хотели уходить, плакали, целовали камни гор, могильные плиты предков... Люди падали на колени, плача, целовали камни...» Много было унижений: офицера-фронтовика, вернувшегося с боевыми наградами в 1947 г. к семье в Киргизию, заставляли каждые десять дней ходить в комендатуру отмечаться, ограничивали

в передвижении. В документах писали: «Имеет право в пределах такого-то селения». Все. Больше никуда не имеешь права уехать. Живи там и умирай там. Это больше всего мучило. Некоторые из переселенцев не могли даже попасть в районную больницу, так и умирали, не получив медицинскую помощь.

На железнодорожном вокзале города Фрунзе нашу семью никак не могли пристроить. Никто из местных жителей такую большую семью не отваживался брать на постой. И вот когда всех разобрали – видимо, сердобольные женщины Белоненко все-таки согласились увезти нас к себе и поселили во времянке. Еды в нормальном понимании не было. Помнится, мать кипятила воду и варила «затеруху». И, может быть, именно этой незатейливой пище мы обязаны жизнью. «Затеруха» готовилась просто: муку в очень малом количестве замешивали с водой, доводили до состояния маленьких тестяных кусочков и засыпали в воду. После кипячения получалось что-то типа очень слабо замешанной баланды. Помню отчетливо и то, что в первые месяцы мы искали репу, а к нашему счастью, ее было много, и ели ее сырой, слегка пополоскав в воде. А конфетами и шоколадом для нас были жмых, как мы его называли – макуха, для корма скота из перерабатывающих предприятий г. Канта. Жизнь постепенно входила в свои берега, надо было обустроиваться, искать и находить возможность выжить.

В то время существовало правило, по которому каждой семье колхоз определял до 1 га площади, засеянной свеклой. С самого начального цикла – от посадки, прополки, копки, семья должна была обрабатывать свою площадь, и все отправлялось колхозом на переработку на Кантский сахарный завод. Конечно, за заработанные трудовни платили натурой (сахаром, жомом), но все-таки это давало надежду на пропитание и выживание. Главной звеньевой и начальницей у нас была наша сестра Танзиля. Ее звали лучшей свекловичницей колхоза «Заветы Ленина». Она и нам спуска не давала. Все мы с утра до захода солнца работали на прорывке свеклы, а к вечеру уже трудно было разогнуть спину. Когда мы выросли – начали посещать школу, ежегодно нас школьников привлекали на сбор колосков. Это после того, как поле уберут комбайном (а это были громоздкие «Сталинцы-6», которые тянули трактора «ХТЗ» (Харьковский тракторный завод). Выходили в поле школьники, собирали оставшиеся колоски и сдавали под строгим контролем представителю хозяйства на колхозный ток. Кстати, ни о какой оплате или организации питания школьников и речи не было. И никто об этом даже думать не смел. Это был, как нам объясняли, наш долг, мы его с благодарностью должны были исполнять.

И сегодня я с содроганием вспоминаю те ночи, когда после хождения по колючей стерне пшеничного поля босиком, по колено обнаженными, всю ночь болели образовавшиеся от пыли на ногах цыпки (пыль, осевшая на царапинах от пшеничных стеблей), которые нарывали и создавали ощущение резких болей по всему телу. Потом каждый из нас пытался помочь чем-нибудь своей матери. В 1946 г. вернулся к нам отец. Я его впервые увидел осенью 1946 г. Я собирал терн в одном из переулков со своими друзьями, и вдруг слышу голос: «Боря Зумакулов здесь?» А

мы сидели в терновнике. Я почему-то сам первый выкрикнул: «Здесь, а что надо?» – «К тебе отец приехал». Трудно передать мое состояние, может быть, все шесть лет ждал, что вот приедет мой папа, постучится в дверь, и сразу я брошусь ему в объятия, а тут сообщили вдали от дома. Я должен был бежать, и бежать с каким-то чувством неуверенности, что вдруг это неправда, просто пошутили. Но чем ближе был дом, тем сильнее билось сердце, тем непонятнее становилась для меня эта встреча. И когда я вбежал во двор нашего жилища – я увидел человека, окруженного многими нашими родственниками, моими братьями, и услышал плач и причитания. Как потом я узнал, это были причитания сквозь слезы радости и всплески эмоций от неожиданной встречи. Помню, увидев меня, толпа раздвинулась, и в образовавшийся коридор я вбежал и бросился в объятия этого неизвестного мне человека, конечно, оказавшегося моим отцом Мустафой. Долго он меня обнимал, прижимал к груди и плакал, а потом долгими зимними ночами он не отпускал меня от себя, сидя у окна, смотрел, как всегда, молча и грустно вдаль. Однако еще не успели мы насладиться радостью встречи с отцом, как однажды вечером пришли в кожанках в сопровождении солдат с винтовками и забрали его «как врага народа», якобы бежавшего из заключения. Впоследствии оказалось, что донос был ложный, отец вернулся на следующий день, но горечь от этого осталась у нас на всю жизнь.

Тогда, как я уже упоминал, мы жили во времянке во дворе вдовы фронтовика Белоненко. Но и она также жила в стесненных условиях, как и все люди того военного времени. Несмотря на то, что это был далекий тыл, было холодно и голодно. Топили зимой соломой или кураем, тепло было, пока солома горела в печи, как только потухнет, становится зябко и неуютно в комнате. Помню, зимними ночами мы все братья – Баттал, Володя и я, спали на одном топчане, прижавшись друг к другу, таким образом согреваясь и дожидаясь утра. Утром на стеклах окон времянки была изморозь в 2–3 пальца. Морозы в Киргизии достигали 30–35 градусов, были обильные снегопады. В школу мы ходили за 5 км, шли, естественно, пешком, проваливаясь в сугробы. Одежду, особенно валенки, носили поочередно. По возвращении одного из школы – надевал другой и шел на уроки. Некоторые из моих соплеменников, чтобы особо подчеркнуть наши страдания спецпоселенцев и вышибить этим слезу у читателя, пишут, что якобы тяжело, холодно и голодно было только выселенцам. На сей счет хочу со всей определенностью сказать: мы жили так же, как жила основная масса населения, в среду которой мы попали. Всем было плохо материально, не хватало многого, но жили дружно, коллективно отмечали праздники и горевали вместе, если случалось. Моральный пресс на спецпоселенцев был очень сильный, особенно ощущалось это со стороны официальных властей, но что касается самих простых людей, они, к их чести, относились к нам с пониманием и сочувствием. В первое время, гордые и свободолюбивые горцы никак не могли привыкнуть и смириться с порядками, которые были введены: ежемесячные отмечания в комендатуре, подписка об ответственности за перемещение из одного населенного пункта в другой. Конечно, ярлык «немецких пособников»

и «бандитов» тяжелым камнем давил на сознание, вызывал в душе горькую обиду. Некоторые наши старшие, особенно те, кто воевал и имел офицерское звание, награды, не могли смириться с тем, что ему, подполковнику, имеющему боевые ордена, идти к коменданту села – младшему лейтенанту НКВД, выстаивать в передней, чтобы получить разрешение навестить свою больную мать, оказавшуюся в другом селе, это было выше всех сил и возможностей. Одни терпели, стоически переносили оскорбления и унижения, другие возмущались, устраивая скандалы, писали возмущенные письма в высокие инстанции, за что наказывались не только в административном порядке, но и получали длительные сроки тюремного заключения. Так было с Адыльгерием Соттаевым, человеком легендарным по тому времени. Он приехал в Ново-Покровку, где мы жили в конце войны, в форме подполковника. На груди сияло много орденов и медалей. Высокий, стройный, еще молодой – мы все бегали посмотреть на «Тачука» (так его звала моя мама).

Так вот этот Соттаев написал на имя И. В. Сталина письмо с возмущением и обидой за несправедливое отношение к балкарскому народу, что его народ выселен по ошибке и т. д. И что вы думаете, письмо дальше Фрунзе (ныне Бишкек) не пошло. Но меры были приняты крутые. Адыльгерия Соттаева посадили на 25 лет строгого режима и отправили на Колыму. И таких примеров можно привести немало.

Постепенно наша жизнь входила в свои берега. Местные жители, разобравшись в том, что никакие мы не «бандиты, разбойники и изменники», а нормальные люди, стали оказывать помощь и поддержку, а когда руководители хозяйства увидели наших старших в работе, то и они вопреки официальной политике и пропаганде стали дорожить своими работниками. Массовым образом осуществлялся прием в колхозы, совсем быстро спецпереселенцы были выдвинуты бригадами, учетчиками, бухгалтерами. Бригаду колхоза, помню, возглавлял Аубекир Мурачаев. Он активно участвовал в партизанском движении в Кабардино-Балкарской республике, награжден боевыми наградами, до выселения работал председателем колхоза. Здесь же в Киргизии должность бригадира была пределом, и он без всякой обиды на власть работал от зари до зари. И, надо сказать, все члены бригады, а состав в основном был из спецпереселенцев, работали на совесть. В результате, через год бригада была признана лучшей. К светлой памяти Аубекира вспомним, что он имел большой авторитет там, а по возвращении на родину активно трудился на разных руководящих должностях и ушел из жизни в преклонном возрасте, всеми почитаемый. Но вернемся к нашей жизни на спецпоселении. Здоровье нашего отца улучшалось с каждым днем, он уже стал принимать участие в общественных делах, к нему за советом приходили наши земляки из разных населенных пунктов, расположенных в Чуйской долине. Мустафа ведь был председателем колхоза и секретарем парткома, первым секретарем Эльбрусского райкома партии. А в Чуйскую долину попали в большинстве своем жители Эльбрусского района, где отца знали хорошо и уважительно относились. Наша семья обустроивалась на новом месте, нам удалось приобрести буренку, которую мы ласково называли «Тамара».

К сожалению, земельного участка рядом с домом не оказалось, зато по соседству жил дед «Моцарт», у которого был огород и сенокосный участок. Нет-нет, но мои старшие братья для «Тамары» травой пользовались из «моцартовских» наделов. Проходит время, и 1 апреля 1947 г. в нашей семье рождаются два мальчика-близнеца – Асхат и Ахмат. Радости отца не было предела. Началась новая жизнь. Все обустроиваются, жизнь продолжается, и этому подтверждение – появление двух здоровых сыновей. И это все после выстраданного и пережитого. В то время ходила по селу байка: «Сидит на завалинке дед Моцарт. Идет мимо дед Кичко (сосед с другой стороны нашего дома) и спрашивает Моцарта: «Что такой грустный?» – «Как же, как же, если еще два «мыстаха» родились, теперь мне ничего не остается как уехать отсюда». Конечно, никуда Моцарт и не думал уезжать, это была его шутка по поводу рождения близнецов – будущих балагуров. Мы жили долгое время – до самого нашего отъезда в 1956 г. – дружно, душа в душу. Правда, мой отец корил порой Моцарта за то, что он выращивает табак, а самосад, рубленный топором, стаканами продает мальчишкам. Но это уже другая история. Мы сами были виноваты – мы воровали из-под кур яйца и обменивали на самосад Моцарта. А однажды отец уличил меня, что я стал покуривать. Он не стал кричать, ругаться, снял ремень и провел доходчиво разъяснительную работу, после которой я забыл о куреве. И признаюсь, закурил по-настоящему, когда попал в Афганистан. Теперь же жизнь сама заставила забыть сигарету, хотя ругать меня, к сожалению, некому.

Годы детства и отрочества мои прошли, как уже читатель догадался, в Средней Азии. Мы, дети, тоже несли свой крест детей спецпоселенцев.

Внешне вроде это не проявлялось. Мы все ходили в одну школу, сидели рядом, играли в одни игры, нас принимали и в пионеры и в комсомол. Вроде бы все честь по чести. Однако то, что мы жили в режиме спецпоселенцев, мы ощущали в полной мере. Я сам не раз испытал это на себе. Однажды наша учительница решила отвезти класс на экскурсию в г. Фрунзе, для чего выпросила в колхозе подводу у знакомого бригадира. Все мы с радостью уселись на постеленную внутри телеги солому и с песнями поехали в столицу Киргизии. На мосту через большой Чуйский канал подводу остановили, и постовой грозно спросил: «Спецпоселенцы есть?» В ответ – молчание. Меня же ребята пытались прикрыть собой и спрятать внутри подводы. Солдат повелел всем сойти с подводы, и здесь он с возмущением воскликнул, схватив меня за галстук: «А ты кто такой?», и повел в комендатуру. Мои друзья поехали дальше, а я пешком, со слезами на глазах, вернулся домой. На утро общешкольная линейка, строгий директор школы Каюм Гимодеевич Сабитов, а с ним комендант села, с возмущением выводя меня из строя, рассказывают, как о каком-то чрезвычайном происшествии: «Вчера этот пионер Зумакулов был задержан на мосту при попытке незаконно проникнуть в г. Фрунзе. Он опозорил нашу школу», и т. д. в этом роде. Конечно, эта обида незаживающей раной осталась в моей душе.

Однако не эти обидные моменты определяли нашу жизнь в период депортации. Главное было то, что в местах, куда нас привезли, жили

люди, обладающие в полной мере, помимо общечеловеческих качеств сострадания и милосердия, и сознанием советского человека, чувствами интернационализма и братства. К этому следует добавить качества горцев, которые мужественно и стойко переносили тяготы жизни и, не раздумывая, включились в трудовые дела. Поддержкой и опорой для всех нас служили мудрые слова Кязима Мечиева. Его голос звучал поистине «как колокол на башне вечевой». Он призывал своих соплеменников не озлобляться, работать, поддерживать друг друга, воспитывать детей и верить, что справедливость восторжествует и народ балкарский вернется на свою любимую родину – Кавказ. О том, как тосковали балкарцы по своей земле хорошо и образно выражено в стихах другого балкарского поэта Кайсына Кулиева:

*«Балкария милая, золота залежь,
Что может сравниться с камнем твоим.
К хвостам лошадей бы меня привязали
И то до тебя б я добрался живым!»*

Но до того, как это было позволено, надо было прожить на чужбине долгих тринадцать лет.

Надо сказать, что сохранению языка, культуры, человеческого генофонда в определяющей степени способствовали лучшие представители народа, которые в песнях своих, в музыке, стихах и просто обычным словом помогали соплеменникам сохранить присутствие духа даже в самые мрачные дни.

Слушая их, люди понимали, что если живут национальная музыка, литература, песни, значит, жив и народ. Благодаря таким людям, как Кязим Мечиев, Кайсын Кулиев, Омар Отаров, Мутай Ульбашев, Билял Казиев, Исмаил Ульбашев, Жанакват Залиханов, Хаким Демпуев и многие другие, переселенцы не теряли на чужбине надежду и веру в то, что они вернуться на землю своих предков.

Все это помогало спецпереселенцам жить и выживать. Помнится, как радовались наши родители, когда им удалось получить ссуду и купить небольшой домик.

Надо отметить, что в то время всем было трудно, жили бедно, надо было помогать родителям, и мы, еще будучи школьниками, старались быть полезными. Пусть не посчитают за нескромность, если скажу, что мне пришлось поработать и рассыльным в колхозе, и телятником на животноводческой ферме, и водовозом полеводческих бригад, и копнильщиком на комбайне, и даже – в составе бригады колхоза – принимать участие в уборке целинного урожая в Казахстане в 1954 г. О моем возрасте и какой я был мужчина, можно не говорить. У нас на всех была одна палатка. Комбайнер со штурвальным и водителем автомашины спали ночью в копнителе комбайна, на соломе, а меня забирали с собой женщины, как не представляющего для них особой «опасности», да и вели они себя раскованно, особо не церемонясь и не стесняясь меня. Для любопытных скажу – вернулся домой я, сохранив целомудрие, но гордый званием «целинник».

Наконец, надежда репрессированных народов начала сбываться. Это благодаря Н. С. Хрущеву, который еще до XX съезда КПСС пошел на смягчение правового режима для высланных. Было принято Постановление Совета Министров Союза ССР от 5 июля 1954 г. «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев». Им разрешалось передвигаться в пределах той области или республики, в которой они проживали, не спрашивая для этого разрешения спецкомендатуры.

В феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, который сыграл важную роль в судьбе репрессированных народов: в соответствии с его решениями 28 апреля того же года Председатель Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов подписал Указ «О снятии ограничений по спецпоселению крымских татар, балкарцев, турок, граждан СССР, курдов, хемшинов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны».

Если сегодня меня спросить, что запомнилось более всего, что отпечаталось навсегда и осталось от тех лет проживания в Киргизии, – о болях и обидах я уже писал, – могу со всей искренностью сказать: день вступления в ВЛКСМ.

Это было в 1954 г., спустя год после смерти Сталина. Несколько ослабился пресс давления на представителей репрессированных народов, разбросанных по селам Средней Азии и Казахстана. Нас, балкарских мальчишек и девчонок, еще не пускали в города, но уже принимали в пионеры и в комсомол. Помню, в февральский морозный день мы, трое балкарчат, шли пешком по сугробам и добрались до райцентра в Киргизии, где в райкоме комсомола нам вручили комсомольские билеты. Праздник был в нашей душе, праздник был и в нашей семье. По этому поводу мать дома накрыла стол и всех нас сытно накормила. Нам казалось, что это большое событие, ибо самим фактом приема в комсомол, участия в общественной жизни, мы как бы становились такими, как все, и не придется смущаться своего положения сецпоселенцев.

Запомнилась романтика дружбы с ребятами нашей сельской школы и класса, где я учился; братья Баратюки, с которыми дружил с первого класса, и которые со слезами на глазах провожали домой и долго бежали за вагоном поезда, который увозил нас на далекий для них Кавказ, а для меня неизвестный, но почему-то до боли знакомый по рассказам стариков. Вспоминаю, и как нас встречали на вокзале в Нальчике. До сих пор в сердце остался неизгладимый след от того, как наш отец был горд, что его на перроне с уважением и музыкой встречали его друзья Камбулат Керефов, Магомед Уначев, Михаил Зацепилин. Как они старались облегчить наше пребывание здесь. Ведь у нас, что называется, не было ни кола, ни двора. Они помогли найти временную квартиру, устроить Асхата и Ахмата в интернат, а остальных забрали знакомые и близкие.

Помню и первый выезд с родителями в горы – Черекское ущелье. Помню, как отец подходил к развалинам родового дома, уже не существующего аула Шканты, откуда пошел род Зумакуловых, как он сидел на камнях фундамента и, не скрывая слез, плакал. Плакал мужчина, который воевал в Гражданскую войну, был не раз ранен, мужественно смотрел смерти в глаза. Плакал Мустафа, переживший пытки в застенках НКВД, а затем Ташкентский «Гулаг».

И теперь, по прошествии многих лет, особенно воспринимаю слова песни тех первых лет возвращения балкарцев в свои горы. Эти слова привожу на память: «Однажды я увидел на рассвете, когда вышел послушать песни скал, – в поношенном коричневом бешмете седой балкарец камни целовал».

Сегодня многие балкарцы задают себе вопрос, зачем наши старшие опять вернулись в эти горы. Нет земли, нет условий. На что можно ответить: да, первоначально были утверждены планы размещения прибывающих балкарцев в плоскостной зоне республики и даже были четко определены населенные пункты, в которых предполагалось расселить. Но прибывающие балкарцы, особенно главы семейств и родов, настолько истосковались по своим камням и родовым кладбищам, что даже слышать не хотели – все рвались в горы. Их можно понять, а потому, как говорится, эту землю выбрали мы сами, и это – наша земля, и на ней нам жить и далее.

И как правильно и образно писал в то время великий Кайсын: «Ушли невзгоды времени лихого. В родных горах огонь горит опять».

Судьбы бывших репрессированных народов, условия их возвращения и обустройства, эффективность мероприятий по их реабилитации во многом зависели от позиции местных руководителей. Надо сказать, что руководители Кабардино-Балкарской Республики В. И. Бабич, К. Т. Глостанов, Т. К. Мальбахов, А. Н. Ахохов, преодолевая сопротивление со стороны ряда «активистов» и руководящих деятелей различного уровня, боявшихся поделиться своими креслами, настойчиво продвигали вопросы восстановления прав балкарского народа в союзных и федеральных органах, о чем свидетельствуют документы. Так, Президиум ЦК КПСС в ноябре 1956 г. принимает решение «О возвращении в течение 1957–1958 гг. балкарского населения в Кабардино-Балкарскую АССР», а Совет Министров РСФСР – постановления от 25 февраля 1957 г. «О мерах помощи Кабардино-Балкарской АССР» и от 27 августа 1957 г. «О мероприятиях по хозяйственному и культурно-бытовому строительству в Кабардино-Балкарской АССР в связи с возвращением балкарцев в республику». На основании этих постановлений в течение двух лет на жилищно-бытовые нужды балкарского народа была отпущена ссуда в сумме 64,4 млн рублей, оказана большая безвозмездная помощь.

Как свою собственную трагедию переживали кабардинцы, русские, представители других национальностей республики выселение балкарцев. Поэтому их возвращение было воспринято с большой радостью, с братским участием. Вернувшиеся семьи были окружены душевным теплом и искренней заботой.

Партийные, советские, хозяйственные органы республики провели большую работу по решению вопросов экономической и общественной жизни, культурно-бытового устройства балкарского народа. Только за 1957–1959 гг. было построено 7355 новых домов, 442 семьи получили коммунальные квартиры. В короткий срок организовались новые колхозы и совхозы, которым выделили землю, технику, строительные материалы, оказали содействие в строительстве производственных и бытовых помещений, в обустройстве населенных пунктов.

Как отмечалось в справке отдела переселения и оргнабора рабочих, на апрель 1958 г. из возвратившихся балкарцев «...было трудоустроено семей 5637 (21312 чел.), трудоспособных из них 9700 чел. Всего же в 1957–1958 гг. переселено было 35224 чел., в колхозы – 17319 чел., в совхозы – 897 чел., на предприятия – 722 чел., в государственные учреждения – 374 чел. Балкарские колхозы уже располагали 85 машинами, 44 тракторами и другой техникой. Им передавалась техника и другими колхозами республики, отпускались семенная ссуда (2570 ц зерна), крупный рогатый скот (4733 головы), 1918 голов овец. В 1958–1959 гг. были открыты 20 балкарских школ (2578 учащихся), 4 детских сада (157 человек) и т. д.

Вопросы обустройства, создания условий для жизни и труда возвратившихся балкарских семей были предметом постоянного внимания различного уровня партийных и государственных структур. В 1962 г. бюро Кабардино-Балкарского обкома партии подводило итоги пятилетней работы по проблемам, связанным с балкарским населением. В большом деле, как отмечал 2-й секретарь обкома партии Г. А. Хубаев, не обошлось без ошибок. Они заключались в том, что была допущена проволочка с организацией колхозов в Баксанском ущелье (Былым, Лашкута). Многие семьи балкарцев (Кичмалка) жили до глубокой осени в непригодных помещениях. Г. А. Хубаев сообщил также, что некоторые балкарские работники предлагали организовать балкарские районы. Они сумели убедить и получить согласие Т. К. Мальбахова. Но бюро обкома партии не поддержало такого решения. «Прошло пять лет, говорилось на бюро ОК КПСС, никакого политического вывиха не было допущено. За весь период не было ни одного случая групповой вражды, носящей национальный характер. Иногда были словесные стычки между руководящими деятелями, но здесь была борьба за портфели».

Следует отметить, что в те первые годы после возвращения был всеобщий энтузиазм среди представителей балкарского народа. Появились знаковые люди во всех сферах жизнедеятельности, в семьях, как и в коллективах, была атмосфера всеобщей радости и желания сделать что-то полезное.

Я учился в четвертой школе города Нальчика, но уже вовлекался в проведение различных мероприятий с участием балкарского населения.

О периоде учебы в школе № 4 г. Нальчика остались двойственные впечатления. Первое: в 10-м классе, куда я пришел 1 сентября, все были сильно удивлены, что появился новый ученик и он балкарец. В классе были и русские, и грузины, и таты, и евреи, один кабардинец и один ассириец. Все они все 9 лет вместе переходили из класса в класс и друг друга знали хорошо, но появлению – откуда ни возьмись – балкарца удивились. Однако мои опасения были напрасны – постепенно недоумение прошло и жизнь ученика вошла в обычное школьное русло. Этому во многом способствовала классный руководитель – Надежда Ивановна Зарубина.

Если есть человек, которому после своей матери и сестры Танзили я благодарен и обязан, то это милой, обаятельной, умной, доброжелательной русской женщине, которая сумела изменить отношение ко мне, помогла мне окончить школу сравнительно неплохо. Об этом я говорю еще и по-

тому, что я учился в сельской школе в Киргизии, конечно, требования программы там и здесь, в г. Нальчике, несколько отличались, и скажу откровенно, что некоторые предметы давались мне нелегко. Надежда Ивановна занималась со мной многие часы дополнительного времени, интересовалась жилищными, бытовыми условиями. А какие условия, если мы все семь человек ютились в одной крохотной комнате, которую нам любезно предоставила Халимат Умарова, родственница по отцовской линии. К светлой памяти вспомним ее, давшую нам не только кров, – она помогла наладить питание, делилась с нами всем, что имела.

В четвертой школе у меня появились друзья – Юрий Секисов, Володя Здравомыслов, Миша Горлов, Эдик Иллазаров, Мушаилов Эдик, Володя Князев, которые, как братья, помогали в то трудное время. В последующем мы поддерживали связи и добрые отношения.

После окончания школы я решил поступить в Саратовский юридический институт. Вместе с Курдановыми Батталом и Зейтуном я поехал в неизвестный мне город Саратов и подал заявление в Саратовский государственный юридический институт имени Курского.

Остановились все трое в домовладении одной милой старушки-татарки, которая пустила нас на постой на время подготовки к экзаменам за 5 рублей с каждого в сутки. Это, как сейчас помню, было на улице Чернышевского. Так как это жилище состояло из крохотной прихожей и маленькой комнаты в саманном домике, то хозяйка сказала, что «этих больших джигитов разместим в прихожей, а ты сынок, сказала мне, будешь спать на диванчике в комнате». На том и порешили.

Саратов мне запомнился как город, расположенный на Волге, а также – институтом, в котором нас завалили на первом же экзамене, причем всех троих. И мы, как говорится, промотав все, что нам дали в дорогу и «на долгую студенческую жизнь», вернулись домой в Нальчик. Мы тогда, в 1957 г., были убеждены: нас отсеяли, потому что в приемной комиссии еще были старые инструкции насчет спецпереселенцев, но с годами это наше ощущение сменилось, мы просто не дотянули до их требований к абитуриентам. Как бы там ни было, мы славно попутешествовали, набрались впечатлений и навсегда заказали себе дорогу «...в глушь, в Саратов».

С тех пор многое стерлось из памяти о тех днях, но глубоко врезалась в память одна ситуация, которая вот уже почти пятьдесят лет не отпускает меня. Дело в том, что однажды поздно ночью к бабуле, нашей хозяйке, явилась внучка. Раздается стук в окошко, я, конечно же, проснулся и слышу разговор: «Я открою окно, и ты влезь сюда, потому что в прихожей уже спят эти черные джигиты с Кавказа». Я притих, едва дышу и делаю вид, что сплю глубоким сном. Когда девочка влезла в окно, бабуля будит меня и говорит: «Приехала внучка, я тебе, сынок, постелю на полу, а на диванчике положу ее». Она сказала со всей искренностью и была абсолютно уверена, что я не такой, как те джигиты, и меня нечего брать в расчет. Помню, была лунная ночь, бабка с внучкой пошептались, из чего я понял, что она окончила школу в селе и приехала, как и мы, поступать в институт. Я спокойно перебрался на матрас, брошенный на пол, а внучка стала тоже готовиться ко сну. Трудно передать испытания, выпавшие на

нашу долю. Я видел очертания лица и силуэт, освещенные лунным светом, и мне казалось – какая-то неземная фея появилась испытать меня. Она легла на диване, я на полу, а бабуля на кровати. Думаю, не надо объяснять – я не спал, не спала внучка, за нами зорко наблюдала старушка. И утром, когда мы встретились взглядами, я понял: на самом деле она не только юная, но и красивая.

В этот же день мы собрали свои нехитрые пожитки и пошли на железнодорожный вокзал, чтобы отправиться к себе в Нальчик.

Не буду рассказывать, как меня встретили отец и мать, два дня со мной никто не говорил, я тоже держался стойко, но мать оттаяла раньше всех. Однажды ночью пришла, обняла меня, всплакнула и посоветовала не отчаиваться, все еще придет, все наладится, образование получишь, а утром объяснись с отцом – он тоже переживает.

Все само собой образовалось. Отец сам, как ни в чем не бывало, сказал: «Давай определяться, я слышал, что у Сосруко Алиевича Улигова в Нальчикском педучилище идет специальный набор из числа лиц балкарской национальности, иди туда, может быть, это тебе подойдет».

Действительно, в педучилище я поступил без особого труда, и учился там отлично, принимал активное участие в общественной жизни. Мы ставили спектакли, готовили концерты, сами писали импровизации, училище приняло участие в республиканском конкурсе, посвященном 40-летию юбилею комсомола, и, надо сказать, что я написал поэму о комсомоле и на удивление всем стал победителем, получил диплом и ценный подарок. Все это побудило меня заняться поэзией, писал много стихов, и однажды показал сестре Танзиле. Она уже была известной поэтессой, издала книгу стихов, печаталась в республиканских газетах и журналах. Она прочла, а на следующий день сказала: стихи – не твое дело, оставь это и не мучайся. Хорошо, что это было сказано на ранней стадии увлечения, а то и я бы стал одним из тех, кто очень много написал стихов, много издал, но сегодня уже никто не вспомнит ни одной их строчки... а может быть, я и ошибаюсь.

Во всяком случае, желание писать стихи перешло в большую и преданную любовь к поэзии. И если я сегодня скажу, что я зачитывался Есениным, Фетом, Блоком, Тютчевым, знал многие их произведения наизусть, – это правда. И сегодня нет-нет, да и обращаюсь к своим любимым поэтическим книжкам.

Но вернемся к студенческим годам. К нам, прямо скажу, со стороны преподавателей и директора училища Сосруко Алиевича Улигова было подчеркнуто уважительное отношение. На нашем отделении училились люди разного возраста, да и школу некоторые окончили на киргизском, узбекском, казахском языках, несмотря на то, что все писались балкарцами, но манера поведения, или, как мы говорим теперь, менталитет был удивительно пестрым. Преподаватели училища старались бережно, терпеливо, я бы сказал, уважительно формировать у нас понятие национальной идентичности, воспитывали чувство общности как граждан теперь уже Кабардино-Балкарской Республики. Несмотря на то, что я проучился в училище всего один год и в связи с поступлением в Кабардино-Балкар-

ской университет ушел из него, я до сих пор в душе несу чувство благодарности к педагогам и воспитателям Нальчикского педагогического училища. Кстати сказать, и сегодня коллектив педколледжа КБГУ, во главе с замечательным педагогом Ниной Харуновой Байчекуевой, продолжает добрые традиции этого славного учебного заведения.

В студенческие годы, уже в КБГУ, я избирался секретарем комсомольской организации курса, историко-филологического факультета, членом бюро университетского райкома комсомола, членом бюро Нальчикского горкома ВЛКСМ. Я не открою секрета, если скажу, что по истечении уже многих и многих лет, эти студенческие, юношеские годы нам кажутся самыми интересными и самыми счастливыми. У нас курс был очень дружным, хотя мы все собрались практически из всех областей Киргизии и Средней Азии. Мы так усердно отдавались учебе, что к концу первого курса о нас уже заговорили не только на факультете, но и в целом в университете. Многие сокурсники были удостоены чести быть на досках Почета и факультета, и университета, и города Нальчика. О нас писали в студенческой газете «Университетская жизнь». Особенно активно участвовали в общественной жизни университета Владимир Аликаев, Исмаил Шаваев, Исхак Тюбеев, Салих Гуртуев, Хусейн Занкишиев, Зоя Оракова.

Деканом факультета был известный педагог Иван Павлович Копачев, заместителем Андрей Ханашович Хакуашев. Они к нам относились подчеркнуто внимательно, может быть, потому, что (я уверен, именно поэтому) мы все были детьми подвергшихся репрессиям и после тяжелых испытаний на чужбине вернулись на родину.

Надо признать, что вообще к нам, возвратившемуся балкарскому народу и его представителям, в том числе молодежи, было отношение хорошее. В целом психологический и нравственный климат в школах, вузах, училищах, техникумах был хороший, старались максимально облегчить поступление, а во многие иногородние вузы, и даже столичные, направлялись по брони, выделяемой центральной властью специально для обучения балкарцев. Именно благодаря этой особой заботе многие представители балкарской молодежи смогли получить те специальности, которые не профилировались в КБГУ – в единственном ВУЗе республики, но были крайне важны для экономики республики, для интеграции в нее балкарцев, вернувшихся после депортации.

Но вернемся к нашему курсу. Каждую осень студентов возили на уборку сельхозкультур. Большею частью это была кукуруза. Как правило, мы работали в колхозе «Кахун» Урванского района и размещались в помещении животноводческой фермы. Мы заранее набивали соломой матрасы. Подушки, если их так можно назвать, также были из мешков, набитых соломой. Работали дружно, весело, задорно. Днем ломали кукурузу вручную, а ночью возили на Докшукинский элеватор. Здесь надо сказать о том, что ночи в октябре-ноябре у нас бывают не только прохладными, но и холодными. Мы грузили вручную, когда же машина наполнялась и была возможность передохнуть, пальцы рук не разгибались, фаланги были замерзшие и потертые, да и вообще было зябко и неуютно. Но мы не стонали, не ныли и не роптали. Считали, что так работать положено.

Кормили нас из колхозных запасов. В основном это были овощи, картошка, хлеб, молоко. Мясо давали, но, естественно, не вдоволь. Но вот однажды мы почувствовали перебой со снабжением, не только мяса и масла не привозили, но однажды не привезли ни хлеба, ни молока. Я был уже секретарем комсомольской организации факультета, вижу недовольные лица ребят, чувствую: если еще один день будет перебой со снабжением продуктов, может произойти «бунт на корабле». Вечером, на наше счастье, объезжая поля района, на наш полевой стан заехал первый секретарь Урванского райкома партии Жираслан Касимович Эфендиев. До сих пор его статная, стройная фигура у меня перед глазами, широкая отеческая улыбка и теплые рукопожатия со всеми студентами, которые находились на полевом стане. «Как дела, молодежь?» – обратился к нам. «Да ничего, работаем, но вот почему-то наблюдаются перебои с продуктами», – ответил я за всех. Тут он побагровел, при этом показался мне еще выше ростом, и обратился к председателю колхоза: «...Где тот, который обязан заниматься обеспечением продуктами студентов?» И мы все увидели тачанку, (мы называли ее фаэтоном), в которой восседал наш «кормилец». Тот слез с тачанки, подобострастно подошел к Эфендиеву, поздоровался сначала с ним, потом сказал «салам алейкум» всем. Жираслан Касимович смерил его суровым взглядом, обратился к нему по имени и спросил: «Ты из какого села родом?» Он ответил, что из Уруха. «Так вот дорогой товарищ, ты сегодня найди все необходимые продукты, сам привези и будешь здесь на месте, пока не поужинают студенты, а если еще раз будет перебой с продуктами у молодежи, отправишься в свой Урух, но уже не на тачанке, а пешком и с позором!» Попрощался с нами Эфендиев, сел в свой «УАЗик» и уехал. Мне навсегда это врезалось в память. Во-первых, секретарь знает по имени какого-то снабженца колхоза, во-вторых, он этим жестом засвидетельствовал свое отношение к тому, что мы делали. И, к слову сказать, мы работали в Кахуне до поздней осени, снабжение было бесперебойное, и каждый вечер сам «Мухаммад» приезжал на своем «фаэтоне» удостовериться. Прошли годы, Эфендиев, уже работая в должности секретаря парткома крупнейшего треста «Каббалкпромстрой», вложил большой вклад в дело экономического развития республики. В многотысячном коллективе он – фронтовик, крупный организатор производства, партийный вожак – пользовался непрерываемым авторитетом. И я, уже будучи секретарем обкома партии, не раз заезжал к нему на огонек, посоветоваться и выслушать его мнение по тем или иным, на мой взгляд, крупным проблемам.

Вспоминается еще такой случай. Однажды мы работали в том же «Кахуне». Нам, как уже давним знакомым, руководители колхоза поставили задачу: уберете отведенное кукурузное поле, отвезете собранное на элеватор, и все могут досрочно уехать домой. Перед нами замаячили дни и недели, свободные от занятий, отдых на природе, танцы в городском парке. Работали по очень напряженному графику и, конечно, все выполнили раньше срока. Председатель, как и обещал, устроил прощальный вечер, поблагодарил всех нас, даже привез благодарственное письмо на имя ректора Хатуты Мутовича Бербекова. Наутро, как и обещал, председатель

прислал грузовые машины для нашего отъезда в Нальчик, и вдруг к нам подъезжает «Волга», из которой выходит руководитель сельхозуправления Урванского района и начинает начальственным тоном, не терпящим возражений, спрашивать, куда это вы собрались раньше времени, вы должны переехать в другой район. Никто из нас не ожидал такого поворота. Я не знал ни имени его, ни отчества, ни кто он такой, тем не менее вежливо ответил, как бы за всех, что мы выполнили задание и, как условились, уезжаем домой, и попросил не повышать на нас голос. Видимо, он не ожидал от меня такой наглости, и, уничижительным взглядом посмотрев в мою сторону, резко, громко сказал грубые непечатные слова, затем спросил: «Где ваш начальник?», имея в виду преподавателя-куратора. А он еще вечером уехал домой (это был Хадис Аппаев – добрый и очень порядочный человек. До сих пор мы вспоминаем его с глубоким почтением). Есть преподаватель или нет, мы все равно уедем домой, – и все, как по команде стали грузиться в машины. В этот момент, подъехал на машине Мухажир Ахматович Кульбаев – секретарь парткома университета, и тихо обратился к нам: «Знаю, вы свое отработали, собрались домой. Но, понимаете, надо бы помочь прохладянам, они сильно отстают, а синоптики обещают через день-два сильные заморозки. Может быть, поможем?» И по лицам ребят я понял – они согласны. И мы поехали в район, отработали еще пять дней. Но эти два момента для меня стали уроками на всю жизнь, как надо и как не надо говорить с людьми и каким должен быть руководитель. Таким для меня навсегда остался образ Мухажира Ахматовича Кульбаева, который потом, уже будучи секретарем обкома партии, много лет, тихо, без крика и шума делал свое дело. Именно в те годы, когда он курировал сельское хозяйство, республика обеспечивала устойчивое развитие.

Я уже вспоминал о том, что наш курс считался в университете образцовым. Мы учились прилежно, много участвовали в общественной жизни, ибо каждый из нас жаждал самоутвердиться, реализовать появившиеся возможности. Как бы там ни было, но мы чувствовали себя там, на чужбине, в школе, общественных местах как бы людьми второго сорта, без родины, своей земли, а страдания наших старших – дедов, бабушек, отцов и матерей – откладывались в сознании, и это все тяжким грузом давило на душевное состояние.

Поэтому вольный и свежий ветер отчизны своей, сознание того, что вокруг все твое, и ты – счастливый студент Кабардино-Балкарского университета, – все это вдохновляло. И, может быть, именно это ощущение давало нам возможность учиться хорошо, дружно участвовать в общественных делах. Да и в последующем, после окончания вуза, многие выпускники тех лет стали видными учеными, деятелями литературы и искусства, работниками государственной и общественной сферы. Достаточно назвать Салиха Гуртуева, Хамида Биттирова, Хусейна Занкишиева, Исхака Гузеева, Исхака Тюбеева, Зою Оракову, Исмаила Шаваева, Юсупа Гулиева, Владимира Аликаева и других, широко, размахисто вошедших в науку, журналистику. Они много лет трудились в партийных, государственных органах. И сегодня их имена прочно вошли в современную историю Кабардино-Балкарии.

Зарина КАНУКОВА

ОГОНЬ И ЛЕД

Грань

Стрелки часов
ход вершат, не спеша...
Там, где нет слов,
заплутала душа.

Там – только Бог,
букв не знающий звук...
Кто ж ей помог,
кто избавил от мук?

Разница ль – кто,
коль она в небесах?!
Словно пальто,
вещность брошена в прах...

Как ей легко!
Так могла бы и я...
Пусть – далеко,
но она же – моя?!

Не отпущу!
Хорошо ей во снах,
но воплощу
ее снова – в словах!

Это ж она
приучила к словам?
Я ей верна –
никому не отдам...

Слово ишу
в мире вечном опять –
ей по лучу
от меня не сбежать.

В миг, когда ночь
обращается в день,
делом помочь
нам друг другу не лень.

Знаю тогда:
что увиделось нам,
в том и нужда
правды ждущим словам.

Если ж во сне
с нею будем витать,
слово по мне
снова будет скучать.

Аритмия

Куда мне приткнуться? куда?
 Минувшее – только пузырь,
 что лопнул, и нет ни следа
 от дней, составлявших мой мир.

Средь нервов теряю тропу.
 О, как же звонка тишина!
 Куда мне поставить стопу?
 Не знаю, не знаю, не зна...

Уходит земля из-под ног.
 Ну как же мне выстоять? как?
 Мой пульс... он уже изнемог,
 стуча беспрестанно в висках.

Со мной препирается тень –
 мне снова переча, она
 бросается в завтрашний день,
 поскольку, как завтра, темна.

Сколь много, кто зол на меня?
 Сколь многие брезгают мной?
 Свою непреклонность кляня,
 по горло сыта я войной.

Кружусь я осенним листом.
 Опять – ни просвета в душе.
 А самое страшное в том,
 что к сбоям привыкла уже...

***

Воспоминанье о со мной не бывшем,
 ты поводырь мой в жизни и судьбе:
 одной обидой блеклою мы дышим,
 стихи свои я черпаю в тебе.

Воспоминанье, будущего завязь,
 на доньшке сознания ты живешь,
 но, до конца никак не раскрываясь,
 терзаешь и загадкой душу рвешь.

Воспоминанье... хоть ты мне знакомо,
 описывать тебя мне не дерзнуть.
 Все могут различить раскаты грома,
 но молнии никто не знает путь.

***

Все – то ли правда, то ли ложь,
 когда родник – исток болотца.
 О розу если уколется,
 где ложь, где правда – как поймешь?

Когда закат рождает дрожь
 и только имя остается

мне от тебя, то кто возьмется
 сказать, где правда здесь, где ложь?

Один лишь выход будет гож –
 шагать, сполна испив сиротства,
 пока то небо не найдется,
 где, отраженный, ты живешь...

Спутник

Как избавиться от маеты?
 Занесло все дороги пургой...
 Моим спутником будешь не ты,
 моим спутником будет другой.

Привыкая к потерь череде
 и твердя: «Не сойти бы с ума...» –
 я блуждаю по улицам, где
 не успели достроить дома.

Их пустые глазницы следят
за усталой походкой моей,
и, как спички горелые, – ряд
фонарей вдоль закрытых дверей.

Голос друга – не думай, не твой –
иногда вроде слышится мне;
он хранит меня, теплый, живой,
но – чужой в этой он стороне...

Не гадай – что случилось со мной?
Извини, мне неведом ответ.

День новый (который забуду)
тихонько вступает в права.
Тянусь к нему ныне, как к чуду,
его расплетая слова.

Миг, малая доля мгновенья...
Неужто вся жизнь – только сон?
Ответами внятными вея,
следы мои высветил он.

О, эти тропинки ошибок –
излучины чуткой души!
Лишь память печальных улыбок
со мною пребудет в тиши.

Серость стен занесет белизной,
только вновь их изменится цвет.

Точно так же – и краски в судьбе,
и «теперь» не сравнится с «потом»...
Что с того, что привыкла к тебе?
Посмотри – я жалею о том.

Моим спутником стать ты не смог,
что же толку в сердечной волшбе?
...Только улиц лукавый клубок
меня снова приводит к тебе!

***

Гляжу в свое прошлое снова,
но выхода, видимо, нет.
Я все же, как прежде, готова
в потемках изыскивать свет.

Отдушина – вот что мне нужно,
но с криком срастается крик.
Весь мир, содрогаясь натужно,
к последней надежде приник.

День новый, отверстая рана,
ты в прошлое канешь, поверь.
Тебя сохраню я – мне рано
искать запредельную дверь.

Лабиринт

Шла я в чистое поле –
но об этом забыла.
...По своей ли я воле
двери в дом тот открыла?

В доме множество комнат,
много разного люда,
только лиц нет знакомых –
но и страха покуда.

Ни один, здесь сидящий,
мне не молвит ни слова,
взгляд лишь бросит скользящий –
отведет его снова.

Можно б выйти наружу,
но, вперед все шагая,
тишины не нарушу...
Дверь, за нею – другая.

Коли сдамся сомнению,
отступлюсь от задачи, –
от испуга сомлею
перед тем, что там дальше.

Лабиринт в свои сети
завлечет, ввергнет в бездну –
я, как сон на рассвете,
растворюсь и исчезну!

Вот опять дверь открылась,
а за ней – только темень...
Гнев сменяя на милость,
отпусти меня, демон!

Мне не сделать и шагу!
Схлынь с меня, наважденье!
Я теряю отвагу...
Где тот дом? В сновиденье.

***

Если солнце садится,
то, что ты есть на свете,
не дает заблудиться,
угодить в чьи-то сети.

Если пламя заката
душу мне опалает,

то душа, словно брата,
лишь тебя восхваляет.

Углей жаркая залежь
в пепел вмиг обратится...
Только ты и спасаешь,
если солнце садится.

Щит

Я в осень ухожу, но мне легко,
а лето этим вроде недовольно –
злословит... Но душой я далеко,
и мне от хода времени не больно.

К ответам моя тень меня ведет –
она дает умелые намеки.

Я знаю: будет радости черед,
и важно это знание, а не сроки.

Листва, что вянет, зря морочит взгляд.
Все стынет не внутри, а лишь снаружи.
Твои слова, как щит, меня хранят,
я их храню, и что мне эти лужи?

Спросонья

Отряхиваясь на рассвете,
деревья недоумевают:
на сны их дождь накинул сети...
Но сновиденья забывают.

И я вполне согласна с ними –
ведь с ними выросла в соседстве.

Когда во сне шепчу я имя,
«Чье?» – тихо спрашивает сердце.

Рассвету птицы дарят чувства,
дрожит спросонья терпкий воздух...
Обрывки снов порхают чутко
и о родных тоскуют звездах.

***

Что за день такой? откуда?
Обновляется душа?
Слово – свято, это – чудо...
Говори же не спеша!

Все отринь, что не от сердца,
пусть такое не звучит.

Никуда тому не деться,
в чем Бог душу различит.

Из ста строк бери лишь злату,
чтобы людям подарить...
Жизнь, о Боже, дам в уплату
за возможность говорить!

Огонь и лед

Одна ладонь – что лед,
другая – что огонь.
Обида сердце жжет,
тоска кружит пургой.

И вкрадчивая лесь,
мой выморочный враг,
внушив обманом весть,
ведет меня в овраг.

Оврага не терплю,
но часто снова в нем
бываю... «Улюлю!» –
кричат мне лед с огнем.

Внушают: «Все, теперь
с любимым распростишься,
внеси в число потерь –
и в камень обратись!»

А ночью снится он,
и днем дышу им я –
но ранит стылый звон
его отсутствия...

Мне грудь обида жжет,
язвят уколы чувств.
Когда растает лед?
Когда оставит грусть?

Я знаю: грусть-тоска
не мне добро сулит.
Но я душой крепка,
мой безмятежен вид.

Я верю: он поймет,
что нет такой другой.
...Огонь расплавит лед,
а лед уймет огонь.

***

Растворяется в солнечном свете,
по предгорьям тихонько течет
юный вечер... В мгновения эти
стать частицей заката влечет.

Чтобы тоже под пением птичьим,
под дурманящим запахом трав
погрести себя, разноязычем
все заботы дневные поправ.

Чтобы так же терять свои силы,
растворяться, тускнеть, уходить,
всех прощая, кто – милы, не милы –
моей жизни распутывал нить.

Вновь к нему моя светлая зависть
устремляется – бликом, лучом...
Я в его зеркалах отражаюсь –
где же он исчезает потом?

Он объятия лени сладчайшей
раскрывает сегодня опять,
и мне кажется, горькою чашей
мир не сможет мне, нынешней, стать.

Да, мне кажется, скомканным будням
не наступит когда-то черед.
...Дня конец взял за правило людям
то дарить, что потом отберет.

***

Вечер, ты душе созвучен,
позови меня, поведай,
по которой из излучин
я блуждаю в жизни этой.

Сумрак, ты слегка печален,
но, надежде потакая,
не томи меня молчаньем,
расскажи, кто я такая.

Мир чуть-чуть приотворился,
кое-что я различила.
Слушай, вечер, укоризна –
для прощанья не причина.

Ты, в котором красок столько,
погодил бы с умираньем
рядом с той, кто от восторга
так и льнет к тебе с лобзаньем.

Проведи меня, мой вечер,
в тайну ту, что стала внятна.
Тени копишь ты, беспечен,
в закоулках – мрака пятна.

Я по взгляду угадаю,
угадаю по улыбке –
понесешь ты в даль за далью
мои чувства, как ни зыбки.

***

Подстраиваясь к собственной душе,
одно лишь сердце слушая свое, –
так выбираю жить, презрев клише,
я, прежде чем уйти в небытие.

В той стороне, что всем я предпочла,
светлей, чем в прочих, – кажется мне так.
Мне чудится, что больше там тепла,
которого так жаждет каждый знак.

Коль солнце солнцем будет пребывать
и коль луна останется луной,
то все, с чем жизнь должна я срифмовать,
не обойдет судьбины стороной.

Мгновенье

Увидела себя я, обернувшись:
то смех звенит, то тучи возле глаз.
И поняла я многого ненужность...
Мне жить – в новинку, все – как в первый раз!

Я, это различив, освободилась
и легкой стала, чуть не улетев...
То ль он чужой? То ль впала я в немилость?
Все испарилось – слезы, горе, гнев.

Изведав это чудо обновления,
я поняла, куда мы держим путь.
«Ты этого прекрасного мгновенья, –
я душу умоляла, – не забудь!»

***

Прошу, скажи об этом мире,
подай о нем хотя бы весть...
В зените мы или в надире?
Нас нет в нем? Или же – мы есть?

Друг друга часто мы не слышим,
смеемся, попирая прах.
Нам холодно, но как-то дышим...
А может, все мы в небесах?

Прошу, поведай мне об этом.
Как мало то, что видим в нем!
Открой, что выхвачено светом
твоим – твоим святым огнем...

***

Мечты, что светла,
вовек не разрушу.
Два нежных крыла
врачуют мне душу.

А коль отлетит,
забудет, забросит –
душа заболит,
застонет, заропщит.

Откуда пришла,
мечта моя, птица?

Из мглы приплыла,
чтоб мне воплотиться?

Порою тверда,
порою – вся в шоке,
припомню ль когда
свои я истоки?

Мечта на мой путь
свой свет излучает –
души моей суть
судьба изучает.

***

Рассеивается – свет.
Развеивается – след...

Так что же такое – жизнь?
Мой праотец, вновь приснись!

В мой сон, я прошу, приди,
поведай, что впереди.

Устала душа от тайн...
Ответ, умоляю, дай!

Мой праотец, только ты
подскажешь из темноты!

*Перевод с кабардинского
Георгия Яропольского*

ЧЕРЕМИСИН БОРИС ПЕТРОВИЧ*(литературный псевдоним Б. Петров)*

07.02.1923–01.03.2002

Русский писатель, журналист. После окончания средней школы г. Тамбова призван в Красную Армию и послан в Мичуринское военно-инженерное училище. После завершения учебы в звании лейтенанта в конце 1942 г. был направлен на фронт и в составе 61-й инженерно-спасательной бригады воевал на Дону. В 1943 г. в рядах 5-й гвардейской армии сражался на Курской дуге. Будучи командиром 14-й отдельной штурмовой моторизированной разведроты, выполнял боевые задания командования в районах Обояни, Белгорода, Харькова. Тяжело раненный под Полтавой в 1943 г., лечился в госпиталях, а затем был направлен в 5-й запасной саперный полк для обучения солдат подрывному и минному делу. Демобилизовавшись в декабре 1945 г., поступил в Тамбовский государственный педагогический институт, который с отличием закончил в 1951 г. по специальности «Русский язык и литература». В 1951 г. заочно прошел полный курс Литературного института им. А. М. Горького при Союзе писателей СССР по специальности «Литературная работа». Осенью того же года был направлен на курсы по подготовке корреспондентов для заграничной печати при Московском институте международных отношений, после окончания которых находился в Чехословакии в качестве корреспондента ТАСС (1952–1954). С октября 1954 г. являлся корреспондентом газеты «Правда» по Пензенской области и Мордовской АССР, а с июля 1956 г. – по Дагестану, Грозненской области, Кабардинской, Северо-Осетинской АССР. С 1959 г. до ухода на пенсию в 1988 г. Борис Черемисин возглавлял редакцию газеты «Кабардино-Балкарская правда». С 1957 г. – член Союза журналистов СССР, с 1974 г. – член Союза писателей СССР.

За участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. награжден орденами: Красной Звезды, Отечественной войны I степени и медалями.

В мирные дни труд Черемисина отмечен орденом «Знак Почета» и медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд». За заслуги в области советской культуры ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР» (1981). Черемисин – лауреат премии Союза журналистов КБАССР за повесть «Украденное детство» (1968). За многолетнюю плодотворную работу в печати награжден многими почетными грамотами.

Борис Черемисин – автор многочисленных статей, очерков, рассказов, повестей, пьес. Он принадлежит к поколению, жизнь и судьба которого тесно связаны с событиями войны 1941–1945 гг. Она стала не только суровой вехой в биографии, но и определила основную тематику произведений Черемисина.

Черемисин известен не только как журналист и прозаик, но и как драматург. Его пьесы «Это было в Чехословакии» (1956), «В ночь на Седьмое» (1980), «Грустные дни в Развеселой» (1976), «Счастливая женщина» (1987), «Знакомые наших знакомых» (1983) и др. были поставлены на сценах Пензенского областного драмтеатра им. А. В. Луначарского, КБГДТ и на телевидении КБР.

От редакции

В почтовом ящике журнала «ЛКБ» всегда много писем от наших заинтересованных читателей. Среди отзывов на те или иные произведения, замечаний, пожеланий, довольно часто встречаются просьбы рассказать о жизненном пути, знаковых этапах биографии, о личностных качествах авторов, чье творчество было представлено на страницах журнала и полюбилось нашей многочисленной аудитории.

Сегодня, уважаемые читатели, мы хотим ближе познакомить вас с одним из таких авторов – Людином Аминовичем Бозиевым.

Людин окончил физико-математический факультет при Кабардинском госпединституте в 1956 г. и в качестве учителя физики и математики вернулся в среднюю школу родного села. Начался новый учебный год. Молодому учителю с первого взгляда понравилась Рая, его будущая супруга, в то время ходившая в девятый класс этой школы. Сокровенная мечта Людина исполнилась после того, как Рая окончила десятилетку: 25 ноября 1957 г. они создали семью. А в ноябре 2007 г. супруги отпраздновали золотую свадьбу.

С первого дня совместной жизни они живут в любви и согласии, у них двое сыновей – Олег и Заур, оба – гордость родителей. У Олега тоже два сына – Азамат и Мурат, и дочь Лалина. Сыновья Людина Аминовича пошли по стопам отца – окончили физико-математический факультет КБГУ. Образовалась династия математиков: Рая и ее старшая невестка работают в университете, также в свое время закончив физмат. Сыновья Олега учатся на факультете «Систематехника и управление», непосредственно связаны с математикой, оба – отличники учебы. Людин и Олег – кандидаты физико-математических наук, доценты; отец сейчас на заслуженном отдыхе, а сын преподает в университете. Заур, помимо физико-математического, окончил юридический факультет, и в настоящее время возглавляет агентство на

Людин Бозиев с семьей

железнодорожной станции. Супруга Заура Лена окончила экономический факультет КБГУ, работает экономистом, продолжая традицию семьи математиков.

Людин Аминович не только математик, но и писатель, член Союза писателей России, его произведения печатаются в средствах массовой информации, издаются отдельными книгами.

P.S. Когда этот материал уже готовился к печати, в редакцию пришло печальное известие – на 75 году жизни – в результате перенесенного инсульта – Людин Аминович Бозиев скоропостижно скончался.

Редакция приносит свои глубокие соболезнования родным и близким покойного.

Людин БОЗИЕВ

МИЛОСЕРДНЫЙ

Рассказ

Зима, на дорогах скользко, пешеходы идут осторожно, стараясь не поскользнуться. Опасно переходить улицы на перекрестках, где машины не могут резко притормозить.

Хажмурат шел к остановке автобуса. Перед ним, сильно сутулясь, семеняла старушка с изогнутой тростью в руках. Как только она дошла до перекрестка, загорелся красный свет светофора. Пожилая женщина либо не заметила этого, либо не придавала должного значения, продолжала идти, глядя только себе под ноги. Вдруг на большой скорости из-за перекрестка выехала легковая машина. Хажмурат ринулся вперед, чтобы догнать и остановить старушку. Но его опередил невесть откуда появившийся высокий парень, схватил за руку и остановил. Старушка, испуганная подобным обращением, тут же увидела проскочившую мимо машину и поняла, в чем дело. «Спасибо, сынок, – ласково сказала парню. – Если бы не ты!.. боже мой! Как они несутся!..» Загорелся зеленый свет. «Вот теперь можно идти, мамаша, – сказал парень и помог старой женщине перейти улицу. «Сто лет тебе жить, сынок», – сказала она и хотела идти дальше, но парень, все еще придерживая под руку, спросил:

– Вам куда надо, мамаша?

– Мне надо на остановку автобуса, закружилась голова, ничего не соображаю.

– Ничего, мамаша, бывает, – сказал он, поворачивая между тем к автобусной остановке.

Они, как давнишние знакомые, поговорили до прибытия автобуса, парень помог ей взобраться в салон, помахал рукой и лишь после этого заторопился по своим делам. А старуха ехала и думала: «Какой милосердный парень! Побольше бы таких парней среди молодежи! Но, увы!..»

А того парня окликнули двое других, измятых и с утра уже явно навеселе:

– Поздравляем тебя, малыш! Подхватил ты шикарную невесту! Желаем удачи!..

Он остановился, хотел ответить, но – махнул рукой, словно говоря: стоит ли в вами, придурками, связываться, и пошел своей дорогой, видимо, опаздывал на работу.

«Вот как! – подумал Хажмурат, увидев все это. – Какое счастье иметь такого сына! А те? Их тоже родили мать и отец...» Тем временем подъехал и его автобус.

Рабочий день Хажмурата был на редкость долгим: сказывалось недомогание, кое-как потом добрался до дома. В подъезде его догнала соседка с двумя тяжелыми сумками. Он по своему обыкновению помог пожилой женщине: взял сумки и, задыхаясь, донес до пятого этажа. Когда, от души поблагодарив его, соседка вошла в свою дверь, он еще некоторое время оставался неподвижен – никак не мог отдышаться, затем спустился на свой третий этаж.

Дома никого не оказалось. Он прилег на диван в зале. Чуть позже пришла Хаужан – его супруга, и сразу поняла: с ним что-то не так.

– «Скорую» вызвать?

– Нет, – ответил Хажмурат, – пока не надо. Подай мои лекарства и воду.

– Лекарства прими, а «скорую» я все-таки вызову. Сам знаешь, с сердцем шутки плохи.

– Вызвать-то можно, а вдруг приедет тот же самый, который заставил меня нервничать и оставил в еще худшем состоянии, чем до него.

– Нужно надеяться на лучшее. Быть может, сегодня приедет хороший доктор?.. тут так много лекарств... какие подать?

– Накапай корвалол... тридцать капель... теперь анаприлин, целую таблетку... а теперь валидол...

– Адельфан не нужен?

– Не знаю... Надо бы измерить давление, но нечем.

– Да. Сколько лет тебя мучает давление, а тонометра у нас нет.

– Да. Ты права. Обидно, но факт. Надо купить.

Хаужан решила немного отвлечь его разговором:

– Сегодня проведала Баблицу... Там немного задержалась, – сказала виновато.

– А как она?

– Неважно. Ей стало плохо, вызвали «скорую». Приезжал такой приятный, милосердный парень. Боже мой! После укола бедняжка Баблица открыла глаза. Дай Бог, чтобы и к тебе он приезжал...

Хажмурат умолк и некоторое время лежал совершенно неподвижно, с побледневшим лицом... Хаужан прислушалась к дыханию мужа и в испуге принялась звонить в «скорую». Как ни странно, машина приехала за считанные минуты. Хаужан открыла дверь и... глазам своим не поверила:

вошел врач – молодой симпатичный парень, тот самый, который был у Баблицы, а следом женщина средних лет, тоже симпатичная, но не та, что была с ним прежде. Парень, увидев Хажмурата, сказал шепотом своей спутнице, что где-то он его уже видел. А та ответила, дескать, все может быть, мир тесен. Затем доктор обратился к супруге больного:

– Что с ним случилось?

– Не знаю, – тихо ответила Хаужан. – Был на работе, пришел и лег...

– Раньше с ним такое случалось?

– Да. Он сердечник.

– Он сейчас принял какие-то лекарства?

– Принимал вот эти, – показала корбочки и пузырьки.

– Та-ак, – сказал доктор, измерив давление, послушав затем сердце. – Мерцательная аритмия... нормосистолия. Видимо, подействовал анаприлин. Мы сейчас... Набирай, Лалина, новокаиномид.

– Сколько, Беслан?

– Пока десять кубиков, потом посмотрим... Дай-ка сюда шприц. Сейчас, отец... в два счета приведем Ваш пульс в порядок.

Он ввел только половину того, что в шприце, как у Хажмурата открылись глаза.

– Вот и все, – сказал врач, присел возле дивана и добавил: – Ваша болезнь не такая уж страшная, отец. С такой болезнью люди живут десятки лет. Правда, хорошей болезни нет, но не падайте духом, старайтесь не нервничать. Если что, сразу вызывайте нас.

– Надо же! – сказала Хаужан, проводив медиков и вернувшись в комнату к мужу. – Это тот самый парень...

– Чудесный парень! Такой милосердный!.. – сказал Хажмурат. Он хотел рассказать жене, что видел сегодня утром по пути на работу, но, видимо, подействовало лекарство, и он с явным облегчением уснул.

Сафарби ХАХОВ

ВЕЛГА

Глава из повести *

Мы с Велгой сразу же поехали в это село. Нашли школу, походили по пустым коридорам, в одном из его ответвлений обнаружили дверь с надписью «зам. директора». Когда я увидел хозяйку кабинета – седую, смуглую и худую, словно высохшую, женщину, подумал, что ничего из нашей затеи не получится. Но делать нечего, не ехать же обратно, даже не попытавшись поговорить о цели нашего приезда.

Я представился, назвал имя и фамилию, втайне надеясь, что эта строгая женщина наверняка слышала их и пойдет навстречу из уважения к известному человеку, добавил, что работаю в газете, полагая, что и это поможет делу.

– Понимаете, мы хотели бы устроить нашу племянницу, – кивнул в сторону скромно помалкивавшей Велги, – в городе. Там у нас проблем с работой не будет... если, конечно, вы ее отпустите...

Оправдались только мои худшие предположения. Мое имя, как и название газеты, не произвели на нашу собеседницу должного, по моим расчетам, воздействия.

– Как бы я могла это сделать? – всплеснула руками завуч. – Сегодня я отпускаю работника, направленного к нам министерством, а завтра иду к тому, кто направлял, и жалуюсь, что у меня не хватает учителей, некому работать? Зачем же ты отпустила прежнего, скажут они, если тебе нужен специалист. Они обязательно спросят. А что я им отвечу? Нет, даже и не просите, не могу я этого сделать. – Видя мое расстроенное лицо, завуч добавила: – Попробуйте договориться в министерстве. Если они согласятся, обещают: мы препятствовать не будем.

Мы шли к остановке автобуса по густой пыли проселка. «Те – сюда, эти – обратно! – злился я. – Пинают, как мяч... Знаешь, Велга, думаю, сейчас ничего у нас не получится. Придется поработать здесь. Но через полгода, максимум через год я все улажу...»

На том и условились. Она работала в сельской школе, старалась, как могла, терпела обычные в таких случаях неудобства, а к концу учебного года я приехал к директору и обо всем договорился. Велгу устроил в краеведческий музей, она и по сей день там работает, между прочим, одна из лучших сотрудниц.

Итак, после ее возвращения в город мы сблизились окончательно. По своему служебному телефону она звонила почти каждую минуту. Когда же в моем отделе что-то заподозрили и попытались прослушивать наши разговоры по параллельному телефону, я настоял, чтобы она больше на работу не звонила. Встречались мы, если не мешали обстоятельства, – как и прежде, каждый день, на старом месте, без предварительных звон-

* Продолжение (см. № 6, 2008).

ков. Приходилось быть осторожными. Мы таили нашу любовь, вели себя, словно заговорщики, но права оказалась Велга, сказав еще в начале нашего знакомства, что тайное обязательно станет явным, жить в обществе людей и делать что-то втайне от них – невозможно. Мы ходили в кино, вместе загорали на пляже, иногда она приходила ко мне на работу во время моих ночных дежурств, как-то переночевали в гостинице, – везде в любой момент могли оказаться либо мои, либо ее знакомые. И даже уезжая на выходные в областной центр, мы не могли поручиться, что не попадемся на глаза кому-то из этих знакомых на вокзале...

Моя речь, может быть, сумбурна и не слишком убедительна, но это оттого, что хочется рассказать сразу и обо всем. Многое упускаю из вида, что-то забываю... многие случаи, когда не заметить нас вместе было просто невозможно. Как-то я ездил навестить родных в село. Помогал им по хозяйству и, такая незадача, поранил ногу, когда колот дрова. Месяц – на больничном, на работу не выходил. Это было, кажется, на третий год нашего знакомства с Велгой. Наша взаимная привязанность со временем не ослабла – мы, как и раньше, дня друг без друга не мыслили. Признаться, навещали меня и не совсем радостные раздумья. Бывало, я беспокоился, что Велга может увлечься другим. Но не такова она была, моя райская птичка...

В общем, зашел однажды проведать меня сосед. Пожаловался ему, что нога заживает медленно, а он и давай тормошить, дескать, в унынии и одиночестве и вовсе не заживет, пойдем лучше во двор в шахматки сразимся. Сосед говорил дело, и я, прихрамывая, кое-как спустился по лестнице. Только вышел, смотрю, а у соседнего подъезда... на лавочке сидит... Велга! Сидит и разговаривает с какой-то незнакомой девушкой. Как же я обрадовался тогда! Один мой старший коллега частенько говорил: «Всех радуют дети, а меня обрадовал ты». У меня было то же самое. Ребенок так не радуется неожиданному подарку, как радовался я в тот день. Играя в шахматы, я мельком поглядывал в сторону моей Велги, делал опрометчивые ходы, проигрывал, но никак не мог прогнать с лица счастливую улыбку. Велга, насколько было видно, тоже была рада этому незаметному для окружающих общению и тоже улыбалась украдкой.

Позже, «совершенно случайно», я встретил Велгу на концерте заезжей знаменитости. Она привела с собой подругу, ту, что сидела с ней в прошлый раз у подъезда. Велга сказала ей тогда о «большом родственнике, которого надо проведать». Девушки посидели на лавочке и ушли – Велга якобы не могла вспомнить адреса, но ведь ее подруга видела, как мы улыбались друг другу, не была она настолько глупой, чтобы ничего не понять.

Иногда я уезжал поработать в санаторий, расположенный в тихом пригороде. Мне и дома никто не мешал, но директором санатория был мой давний приятель, и когда я сказал, что скоро должен выйти сборник моих стихов и мне необходимо поработать над рукописью, он выделил в своем хозяйстве отдельную комнату, которая всегда была в моем распоряжении. В нашем, учитывая, что это было устроено для наших встреч.

В первую ночь не смог уговорить Велгу не уходить так поздно – был уже двенадцатый час, а она отнекивалась, говорила, что это неприлично. А разве приходится домой за полночь более прилично, удивлялся я, что скажут родные? Она не поддавалась на уговоры, и нам пришлось оставить уютную комнату. Я вышел проводить. Такси, как всегда в подобных случаях, из этого района исчезли, автобусы уже не ходили. Так, простояв на остановке битый час, мы пошли пешком.

Проводив Велгу до подъезда, я еще некоторое время стоял в буквальном смысле на распутье: идти домой? Но что скажу своим я? Ехать обратно в санаторий не было решительно никакой возможности. Я пошел в редакцию и кое-как перемогся до утра на зашарпанном посетительском диване.

Этот случай прибавил нашим отношениям неизведанного ранее ощущения взаимного недовольства. Я долго не приходил в обычные часы на наше место, не звонил. Бросал трубку, если звонила она. «Неправильно набирают номер!» – возмущался в сторону сослуживцев, объясняя тем свое раздражение. Много раз замечал, как Велга прогуливается под окнами редакции, но не выходил, – словом, я был не на шутку обижен. И все-таки разговора не избежал. Однажды пришлось взять трубку: в отделе больше никого не было, а звонить мог кто-нибудь из начальства. Едва поднес трубку к уху, услышал:

– Что, в этом и выражается твоя поэтичность, твои слова?! – Без всяких предисловий моя райская птичка засыпала меня упреками. Отругала, не дав и рта открыть в оправдание, и бросила трубку. Я встал и принялся ходить по кабинету. Чувствовал себя отвратительно, мысли метались во всех направлениях, однако верного я не находил, наконец подошел к телефону и набрал ее служебный номер. Долго никто не отзывался. Когда же на том конце провода заговорили, меня постигло глубокое разочарование: это была не Велга, а говорить с ее сотрудниками было нельзя – в музее меня хорошо знали. Я положил трубку. Что делать? И врагу не пожелаю тех тревог, которые мне пришлось пережить. Человек не знает цену того, что не терял! Зрячий не замечает света. Нельзя понять его значения, ощутить можно, когда ты перестаешь видеть, когда душа болит, а сердце плачет...

На что я обижался? Почему не брал трубку? Вместо того чтобы носить на руках полюбившую меня девушку, я веду себя как капризный ребенок. Так мне и надо! Она встретила достойного молодого человека, а моя обида и глупое поведение – хороший повод, чтобы расстаться. Наверное, встретила его в музее. Там много холостых парней, которые, конечно же, не упускали возможности, чтобы поухаживать за новенькой – красивой девушкой. А имею ли я право осуждать ее за это? Рано или поздно она должна обзавестись семьей, не будет же она всю жизнь украдкой встречаться с женатым мужчиной. Велга не раз ведь выговаривала мне с укоризной: «Все мои однокурсницы уже замужем, детей своих растят, одна я в девках, как уродина какая-то! Найди мне мужа!..» А ведь я всерьез воспринимал эти ее слова и в мыслях приискивал ей

подходящего жениха. Тогда почему удивился случившемуся? Почему принял так близко к сердцу?

Мне было так плохо, что я ни есть, ни пить не мог, и работу забросил. «Если это и вправду произошло, – думал я, – для чего она так настойчиво искала встречи со мной?» И сам отвечал на свой вопрос: «Не из-за любви. Просто, как и все женщины, она не пожелала быть брошенной и оставила последнее слово за собой». Когда приходили воспоминания наших встреч, сердце мое надрывалось от тяжелой боли, чувство непоправимой ошибки сводило меня с ума. И все-таки в один из вечеров, не выдержав тягостного, безысходного одиночества, я решил поехать к Велге на работу. Приехать было несложно, а вот войти... не осмелился, стоял неподалеку от входа. Рабочий день подходил к концу, улица шумела, мимо шли оживленные прохожие, все куда-то торопились, у всех были какие-то неотложные дела... Один только я болтался неприкаянно у входа в музей, не зная, куда девать время.

Вошел в соседний магазинчик, без какой-либо надобности спросил бутылку пива. Открыл тут же, у прилавка. Продавщица, отметил про себя, очень приятная девушка. Но – в сравнении с Велгой – ничто! Все женщины на свете – ничто по сравнению с ней! Как же я ошибся, как я мог допустить такое – не оценить любви самого прекрасного в мире создания!..

Меж тем из главного входа в музей вышла Велга. Я оставил на прилавке недопитое пиво и выскочил на улицу. Шел за ней в некотором отдалении и наблюдал. Она была с подругой, уже знакомой мне. Прибавил хода, догнал их, вежливо улыбаясь, поздоровался, при этом больше глядя на подругу Велги. Не замедляя хода, извинился и – скоро оставил позади неторопливый стук их каблучков.

Я знал, где Велга обычно садится на автобус, поэтому решил подождать ее на остановке. Через некоторое время знакомый стук каблучков снова раздался за спиной и стих совсем рядом.

– Вам тоже на этот автобус? Какое приятное совпадение, – снова обратился к подруге Велги. – Давно не видел вас в редакции. Почему не заходите? Должен признаться, ваши материалы всегда читаю с интересом и удовольствием. Есть что-нибудь новое?..

Когда подошел автобус, я посторонился и пропустил обеих девушек вперед. Через несколько остановок подруга вышла, одарив меня на прощанье обольстительной улыбкой за мои неумелые комплименты насчет ее скучнейших на самом деле заметок о краеведении. Велга должна была выйти на следующей. Так и ехали, не сближаясь, лишь поглядывая временами друг на друга, и мне никак не удавалось понять, что же в этих взглядах. Что она думает обо мне? Думает ли вообще обо мне? Желает ли примирения? Нет, не похоже, слишком спокойно ее лицо, слишком независим взгляд. Что тут поделать, хоть смейся, хоть убейся – былого не вернешь. Не будет былой радости, не проведет она по твоей щеке своими нежными пальцами. Все, что было, утрачено! Свободен, Жамал! Умоляй, проклинай, – все напрасно, теперь ты не властен над ней...

Велга вышла из автобуса и направилась в сторону дома. Примерно два квартала пешком. Шла в темноте, не оглядываясь. Знала, что я иду следом, но не оглядывалась.

– Велга...

– Что?

– Погоди немного... если можно...

– Для чего?..

Поравнялся с ней, пошел рядом.

– Объясни, что произошло? Почему ты так странно себя ведешь?

– Ничего не случилось.

Взял ее под локоть. Она сделала движение освободиться.

– Извини, но я спешу, дела...

– Какие дела, можно узнать?

Велга промолчала.

– Ухажер, наверное, ждет. К нему спешишь?

– А если и так? Мне, по-твоему, нельзя иметь ухажера?

– Да нет, в общем, твое право... – смутился я.

– В чем же дело, Жамал?

Взрослый мужчина, в тот миг я готов был заплакать от отчаяния. Говорить не мог, чувствуя себя бесконечно несчастным.

– Ну что ж, – все-таки выдавил из себя, – поступай как знаешь. Думаешь, плакать буду!

– Не думаю... Послушай, чего тебе от меня надо? Почему ты не даешь мне спокойно жить? Я больше не хочу быть глупенькой девчонкой, все кончено! Прошу, оставь меня в покое! – с этими словами она высвободила свой локоть и пошла, убыстряя шаги... Я застыл на месте.

Да, все кончено, сомневаться не приходилось. Но я не хочу, не могу так расстаться с человеком, общение с которым наполняло мою жизнь смыслом, дарило столько сладких мгновений... Так нельзя, надо как-то по-человечески... Мне захотелось сказать ей что-нибудь приятное, если уж прощаться, то добрыми друзьями...

– Велга! – снова окликнул ее.

Она не обернулась, не отозвалась, но – вдруг замедлила шаги и остановилась. Я подбежал к ней. Велга подняла глаза, лицо ее изменилось: должно быть, темнота не смогла скрыть влажного блеска в моем взгляде. Мне все не удавалось сказать, что хотелось, – что-то очень важное, необходимое в эту минуту. Она не торопила, снова опустив голову, терпеливо ждала.

– ...Я не хочу так прощаться, – заговорил наконец, выговаривая каждое слово отдельно. – Все-таки мы любили друг друга... несколько лет...

– Именно поэтому мне было невыносимо твое молчание, и вообще – поведение. Я не думала...

– Подожди, прошу, я сейчас не об этом. Я не хочу, чтобы мы расстались врагами. Понимаешь?.. Я никогда не забуду тебя, ни одного твоего слова, ни одной нашей встречи... Это – самые лучшие часы моей жизни. Лишь с тобой я познал сладость женщины, ее красоту. Ни с кем ничего

подобного не было... и, я думаю, не будет. Ни одна женщина на свете не даст мне даже частицу того счастья, которое дарила ты. Все женщины в мире, соберись они вместе, не способны на это! Но – конечно – одну спичку два раза не зажжешь! Вспыхнул один раз благодаря тебе – и все! А ты должна быть счастлива, я от всей души желаю тебе этого! У тебя будет семья, дети... У тебя все еще впереди. Мое же счастье позади, свои лучшие дни я провел с тобой. Надеюсь, что и тебе было со мной хорошо. И если так, желаю, чтобы эти дни оказались самыми плохими, по сравнению с тем, что ждет тебя впереди. И еще: дай бог, чтобы ты никогда ни в чем не нуждалась, но я хочу, чтобы ты обращалась ко мне в случае любой необходимости, приходи с любой просьбой, от мужа, от детей, от себя... Я помогу, сделаю все, что в моих силах, и даже больше. Мне будет приятно заботиться о тебя, о твоих близких. И одно напоминание: помнишь, что мы пообещали друг другу в нашей кизиловой «беседке»? Ты будешь там, как условились, именно в тот год, день и минуту? Сдержи слово, даже если «беседки» не будет, мы узнаем это место. Приходи... или приезжай, если будешь далеко. Знала бы ты, сколько пар на свете не испытывали и малой доли той любви, которая была у нас. Во имя их всех я заклинаю тебя: приходи к тому месту, как обещала! Я хочу знать, как сложится твоя жизнь, какой ты будешь. Я, надеюсь, по-прежнему буду заниматься своим делом: писать стихи, работать в газетах, журналах, на радио, так что меня ты из виду не потеряешь. Но я не смогу жить, не зная, что у тебя все хорошо, что жизнь сложилась и ты счастлива. Приезжай, и пусть ничто тебя не остановит. Хорошо, Велга?..

– Да, – едва слышно ответила она, – я сдержу слово...

– Тогда мне больше нечего сказать. Будь счастлива! ...Подожди, подожди... в последний раз, чтобы запомнить на всю жизнь...

Я крепко обнял ее, поцеловал, затем повернулся и пошел прочь, унося в памяти ее лицо, залитое слезами...

***

Последовали дни, месяцы, отделившие нас друг от друга, от времени, проведенного вместе, от встреч, признаний, робких надежд и безумных мечтаний. Вся предстоящая жизнь, долгая ли, короткая, будет напоминанием о любви, всегда единственной, всегда неповторимой... Но как же – без нее? Нет, не хочу! А для чего тогда все, что сделано, что сказано? Все кончено! Тогда почему я надеюсь, и днем, и ночью, ложусь и встаю с ее именем на устах? Не знаю...

Я очень хорошо понимал, что так дальше и будет, то есть что ничего больше не будет. Знал, что в таких случаях излечить память, заполнить пустоту может только другая женщина. Но нет в моем сердце иной женщины, и каждый день бежит оно к милому образу, и не остановить его в стремлении любить.

Словно ужаленный, но чудом выживший, так и не пришедший в себя после потрясения, подобный скошенной и увянувшей траве, я приходил к кизиловой «беседке» – месту наших былых встреч. И до сих пор я

прихожу на это место, каждый день. Невидимый за деревьями, с шумом останавливается автобус, из него выходят люди, идут мимо... А я все жду, присаживаясь иногда на поваленный ствол... Но не входит в этот полумрак, образованный густыми кронами, моя Велга, не раскрывает мне своих объятий, не обжигает поцелуями. Все прошло. Пройдет время, у меня, возможно, появится любовь... нет, не могу назвать любовью чувство ни к одной из женщин, кроме Велги. Сколько бы ты ни стоял под дождем, одна капля коснется тебя всего лишь один раз. Как повезло ее мужу! Счастливец, он может открыто, не прячась от взглядов, идти рядом с ней по улице, гордясь ее красотой, молодостью... Это счастье могло быть моим, если бы не семья... Если бы я только мог... я бы ворвался к ней на работу, крикнул: «С сегодняшнего дня я свободен! Вот, загляни в паспорт!..» Люди разведятся сплошь и рядом, ничего особенного в том не видя. Почему же я не могу решиться на это?

Думая подобным образом, я всегда понимал, что не смогу решиться на развод. Не было во мне сил на это, хотя со временем все могло утрястись: и молва, и осуждение, и стыд... А иногда, в каком-то бреде, в помутнении рассудка мне хотелось, чтобы с моей женой что-нибудь случилось, и ничто бы уже не мешало мне соединиться с Велгой.

В один из вечеров я пришел к тому месту, где мы прощались, когда я провожал ее до дома. Пришел в надежде увидеть хотя бы ее силуэт в окне. Побродил там, погружен в невеселые рассуждения, так ни с чем и ушел. Но на другой день, когда я сидел за своим рабочим столом в отделе и готовил статью в очередной номер, зазвонил телефон. Мне не хотелось отвлекаться, но поскольку в кабинете я был один... Снял трубку.

– Здравствуй!

Велга! Некоторое время я смотрел на телефонную трубку в дрожащей руке и не мог снова поднести ее к уху и хоть что-то сказать, меж тем губы мои расплывались в блаженной улыбке. Бежали счастливые секунды, надо было ответить, а я не хотел, чтобы мой голос выдал меня. Я хотел выглядеть равнодушным, во всяком случае – уравновешенным. Не знаю, насколько мне это удалось.

– Здравствуй. Ну, как твои дела? Все уже забылось?

– Да... я ведь сама так хотела. – Она немного помолчала, затем обиденным тоном продолжила: – Жамал, у меня небольшая просьба, если, конечно, не затруднит. Ты не мог бы взять в типографии немного лазури? Хочу добавить ее в краску для окон. Никак не можем найти...

– Хорошо, посмотрю. Перезвони... примерно через час.

Конечно, я нашел ей нужную краску. Я бы и звезду с неба достал, попроси она об этом. Через час Велга перезвонила и мы условились встретиться на старом месте. Но от радости, что она снова появилась в моей жизни, что предстоит столь желанная и ожидаемая мной встреча, я совсем забыл о сегодняшнем совещании, на котором должен присутствовать, которое немилосердно перекрывало назначенный нами час. Попробую отпроситься, но отпустят вряд ли, мне и так поставили на вид мое пренебрежение служебной дисциплиной, когда я пропустил прошлое сове-

пание. Лихорадочно бросился звонить Велге... Не все еще понимают спасительной роли телефона в нашей жизни... Долгие гудки в трубке... Нет, это не она. Даю отбой и набираю ее номер снова. Не подходит – снова отвечает чужой голос, я снова молча кладу трубку. Если бы она была на месте, все бы почувствовала и перезвонила сама, так бывало много раз. Снова набираю номер – результат тот же. Я забеспокоился, в очередной раз отмерил расстояние от двери кабинета до окна в моих шагах. За окном текла обычная жизнь, плавно, по заведенному распорядку, совсем иное творилось в моей душе. Еще один звонок!

– Да... я слушаю...

– Ты где была?

– У директора. Долго ждал?

– Не очень. Дело в том, что сегодня после обеда у нас совещание. Наверное, я немного опоздаю. Сиди на работе, жди, Позвоню, как только освобожусь. Идет?

– Ладно, Жамал, ты только не слишком задерживайся. – Далее короткие гудки и ликование у меня на сердце.

Совещание, вопреки ожиданию, оказалось не таким уж и долгим. Я вспомнил одно правило, установившееся между мной и Велгой во времена нашего... да, прошлого: когда кто-то из нас запаздывал на свидание, другой ждал не менее часа. Но так было раньше, теперь все по-другому. А как теперь? Меня снова охватило волнение, тем большее, чем ближе подходил назначенный час.

К месту встречи мы подоспели одновременно. В руках у меня был сверток с краской, в голове – полный сумбур: я не знал, что сказать, как держаться. Некоторая неловкость обозначилась в дежурных фразах приветствия. Какая она красивая! Счастливая, должно быть... Минута, на которую я уже перестал надеяться.

Велга как ни в чем не бывало направилась к деревьям, я – следом, отчетливо вспомнив сегодняшнее утро, не освещенное возможностью подобной встречи, серое и безрадостное. А теперь? Что принесет этот вечер? Может, редкая краска – это только повод для встречи? О, я бы тогда обнял ее, мою прилетевшую райскую птичку... Нет, это было другое. Просто им надо срочно покрасить окна, в белую краску они хотят добавить лазури. Все понятно. Я обещал помогать – помогаю. Сейчас она возьмет завернутую в бумагу баночку, поблагодарит и уйдет.

Передавая сверток, задержал свою ладонь на кисти ее по-прежнему нежной руки. Она не торопилась уходить, стояла, улыбаясь мне знакомой улыбкой, от которой у меня всегда сладко замирало сердце.

– О чем говорили на собрании?

– Да так, обычные дела. Меня, кстати, проформом избрали.

– Поздравляю!..

– Велга, ты спешишь?

– В общем, да, извини...

– Есть к кому? У вас сегодня свидание?

– Да... Какой же ты глупый! Поверь, я бы не стала его скрывать от тебя!

Темноту снова осветила ее улыбка, и я полетел на этот огонь, как безумный мотылек. Прижал к себе, осыпал поцелуями все лицо. «Велга, милая, не будь такой... прости меня... зачем же мы терзали друг друга?!

В такие минуты, я знал, Велга становилась мягче воска, поэтому попросил:

– Приходи ко мне в гости, на ночь? Я еще три дня работаю в том санатории, помнишь?

– Помню. Но если ко мне кто-нибудь придет, спросят и не найдут?

– Но почему именно сегодня спросят? Велга, поехали! Квартирной хозяйке скажешь, что переночуешь у подруги. Тогда и беспокоиться не надо, если нагрянет кто-то из родных.

– Знаешь, действительно моя подруга Зоя уже давно приглашает меня к себе. Она живет на другом конце города...

– Вот и хорошо, – обрадовался я, видя, как рушится между нами стена, нами же и возведенная. – На нее и сошлешься, если что.

– Хорошо, я только занесу домой краску...

В автобусе, ехавшем в пригородный курорт, мы расселись так далеко друг от друга, что вошедшие на следующих остановках люди не дали возможности даже переглянуться. На мгновение я похолодел, подумав: а не привиделось ли мне все это, не возникла ли наша встреча в моем придавленном долгой разлукой сознании, не придется ли мне, выйдя на конечной, тащиться в мою санаторскую «обитель труда» в полном одиночестве, к чему я давно уже привык.

Кстати говоря, проникнуть в санаторий постороннему было довольно сложно. На вахте обязательно требовали оставить какой-нибудь документ, удостоверяющий личность, гостить у кого бы то ни было больше часа было нельзя. О том, чтобы оставить гостью на ночь, нечего было и думать.

– Велга, – сказал я, останавливаясь неподалеку от входа, – давай представим, что ты не посетительница, а отдыхающая. Вахтерша старенькая, зрение у нее неважное, может, номер и пройдет. Ты только держись уверенно, иди смело и не останавливайся перед ее столом. Но первым войду я. Выжди немного и поднимайся следом – четвертый этаж, сорок девятая комната.

В фойе глухо бормотал телевизор, несколько отдыхающих, лениво развалившись в креслах, дремали перед экраном. Дежурная – более оживленно – обсуждала с какой-то пожилой дамой цены на центральном рынке, в мою сторону никто и бровью не повел. Я быстро поднялся на свой этаж, вошел в комнату, оставив дверь полуоткрытой. Минут через пять в нее радостно впрорхнула Велга.

– Птичка ты моя райская! – я запер дверь на ключ и заключил любимую в объятия. – Знаешь, что мы сейчас будем делать?

– Сейчас узнаю, – засмеялась она.

– Мы разденемся, – голосом массовика-затейника объявил я, – и ляжем спать!

– Так рано же еще спать!

– Думаешь? Ладно, ляжем, но спать не будем!

Эта ночь – после мучительной полосы, последовавшей за нашей размовкой, – прошла как единый миг, пронизанный томительной сладостью вновь обретенного единения.

Утро вернуло к реальности: надо было думать о том, как выбираться из санатория, в котором царил жесткий пропускной режим. Но нас еще несла волна праздника – нашего личного праздника, и мы пренебрегли осторожностью. Я должен был выйти первым и подготовить, говоря языком военных, условия для ретирады, то есть отступить с наименьшими потерями, в нашем случае – моральными. Вместо того я приоткрыл дверь, прислушался и, не уловив ни одного постороннего звука, выпустил Велгу. Уборщица, мывшая пол в дальнем конце коридора, тут же насторожилась и сделала стойку, как добрый сеттер при виде дичи. Подбежала, потрясая своей поганой метлой, раскричалась на весь этаж, думаю, ее было слышно и в соседних корпусах. «Совратитель, негодяй, мерзавец, бесовестный...» – всего и не упомяну. Проглотив оскорбления, я принес работнице метлы, старой ведьме, свои глубочайшие извинения. Какое там! «Я тебе сейчас устрою!» – завизжала она и ринулась вниз по лестнице. Крик ее эхом продолжал разноситься по этажам растревоженного санатория. Через пять минут бдительная уборщица вернулась с какой-то женщиной, должности которой я не знал, но она была из породы насекомых, которых даже микроскопическая власть над людьми приводила в состояние эйфории и преисполняла сознанием своей непомерной значимости. Не дай бог быть уличенным такой женщиной в таком деле. Однако она все же старалась придать нашему разговору внешнее приличие. Говорила негромко, отчего легче мне не стало. Сказала, что я буду немедленно выселен из санатория, о моих антиобщественных деяниях сообщат на работу, где должны принять соответствующие меры, кроме того, уведомила он, у меня в санаторной книжке записан мой домашний адрес, и это тоже направление, по которому она будет работать, чтобы – в порядке профилактики – предупредить подобные инциденты на вверенном ей участке работы. Отмахнувшись от просьбы хотя бы выслушать меня, побежала к директору.

Ничего хорошего на ум не приходило. Я не против выселения, черт с ними, с оставшимися в курсовке днями, но что скажут на работе? Дело даже не в том, что именно скажут, а в том, что моя тайна, так тщательно оберегаемая от всех, откроется. Ну а если узнают дома... Одна надежда на рассудительность директора: он должен меня понять и погасить пожар здесь, пока пламя не перекинулось на мои положительные служебные характеристики, на семью... Зачем я привел ее сюда? Счастье прошедшей ночи пеплом летало над нашими поникшими головами.

Я не выдержал и сам отправился к директору. В дверях столкнулся с мегерой, пять минут назад сулившей мне массу неприятностей. Что-то с ней произошло за это короткое время... Глаза масляные, улыбка не сходит с лица, интонации льстивые.

– Вы – писатель? – спросила она так радостно, что я подумал: сейчас бросится обниматься.

– Писатель, – ответил я, немного приободрившись.

Словом, директор, как я уже говорил, – мой старинный приятель, сумел каким-то образом урезонить своих не в меру ретивых подчиненных. Сообщать куда бы то ни было никто не стал. Тогда, спрашиваю я себя, как узнал об этом Мухамед – мой сослуживец и родственник Велги?! Он знал и многое другое. Думаю, знал не он один, и в том была и моя вина. Признаться, в подпитии я становлюсь излишне разговорчив. Кажется, мой язык меня и подвел. В дружеских застольях я иногда болтал о своих встречах... нет, я никогда не называл ее имени. Довольно туманно описывал места, столь же туманно некую прекрасную незнакомку... «Знаю, с кем ты был», – угрюмо сказал мне как-то Мухамед, когда я разошелся в хвастливых излияниях за столом. Мне пришлось прикусить язык, и с того дня я начал опасаться этого чертова родственника моей любимой. Старался подладиться к нему, подружиться, откровенно заискивал. Но как-то бывший профорг – мой предшественник – сказал, чтобы я забрал из его кабинета сейф и поставил к себе, это был, так сказать, непременный атрибут моей новой должности. Зачем мне эта должность, этот ободраный сейф? Но, делать нечего, притащил его в наш отдел – и задумался: стол мой стоит в середине комнаты, а куда приткнуть этот небольшой, но тяжеленный куб? Решил поставить его на книжный шкаф. Пока я натужился, поднимая сейф, Велгин родственник, сидя на диванчике, стал с неудовольствием комментировать мои действия, дескать, загромождаю комнату лишними предметами. Я не удержался и резко его осадил. Он ответил еще резче. Слово за слово... и тут я вспомнил про Велгу... и пошел на попятную – разрядил грозившую скандалом атмосферу шуткой. Мне долго еще пришлось заглаживать ту ссору, между тем меня не отпускала вязкая тревога, как если бы за мной по пятам шли охотники – за выбившейся из сил дичью.

Когда мне переслали гонорар с радио, я пригласил «дорогого друга» Мухамеда в ресторан. Это было на второй или третий день после той позорной сцены в санатории.

– Ну как отдохнул? – спросил он меня, едва мы выпили по первой. – Хорошо провел время на курорте?

– Да, в общем, неплохо...

– Еще бы, – усмехнулся Мухамед, – я, между прочим видел там одну нашу общую знакомую...

Что я мог ответить?

Эх, райская моя птичка, моя Кармен! Наша любовь была похожа на жизнь со всеми ее подробностями.

Каждый день, приходя с работы, я неприметно вглядывался в лица домашних: не просочился ли и сюда слухок о моих отношениях с Велгой. Прислушивался, не проскочит ли в разговоре какой-нибудь намек...

Встречи же, несмотря ни на что, продолжались. Однажды Велга, прижимаясь ко мне, с грустью принялась за старую тему:

– Знаешь, Жамал, у меня уже не осталось подруг, ни по работе, ни бывших однокурсниц: у всех семьи, дети... свои заботы, свои интересы. Они теперь замужние женщины, дружба как-то сама собой распалась, не

будешь же каждый день ходить в чужую семью. Один ты у меня и остался... да и то – не мой. Но не только это угнетает меня... Знаешь, я хочу родить ребенка, своего... Женщина ведь создана для этого. Когда вижу молодых мамаш с детьми на руках, так тоскливо на душе становится, и завидую я им... Недавно сон приснился, будто выхожу из роддома с ребеночком, а меня встречает радостная толпа, с цветами, шампанским... Проснулась и долго плакала...

– Велга, а нельзя совсем не выходить замуж? – Я высказал вслух то, что давно уже крутилось у меня в голове. – Со мной ты ни в чем не будешь нуждаться. Я смогу, я буду работать день и ночь. Буду писать для газет, радио... буду, бог даст, издавать свои книги, это тоже поможет. Я смогу обеспечить тебя не в ущерб моей семье. Поверь мне, Велга, я настойчивый и умею работать...

– Да разве в этом дело, – вздохнула она и посмотрела на меня с укором. – Слышишь, о чем я говорю? Я согласна вообще не идти замуж, я согласна родить ребенка, если его запишут на твою фамилию.

«Она шутит или всерьез?!»

– Велга, я не решаюсь официально соединиться с тобой не потому, что люблю свою жену. Ты все про нас знаешь. Но я не справлюсь с позором, который неминуемо последует за разводом. Что поделать, таков уж я есть. В то же время есть много людей, которым эти мои терзания просто непонятны или смешны. Для большинства это приемлемо, для меня – нет. Поэтому я и не смогу исполнить твою просьбу...

– И ты поверил! – засмеялась Велга. – Я, представь, тоже не смогу сделать этого. Лучше умереть, чем прославиться таким образом!

Да, у нас было много общего, в характерах, в жизненных установках, в принципах. Отсюда и все наши беды.

Как бы ни были мы осторожны, но с течением времени наша связь становилась все более явной для окружающих. Велга рассказывала, что однажды, приехав в родительский дом, она застала свою сестру за чтением моих стихов, опубликованных в газете. «...Сестра ничего особенного как будто не сказала, просто протянула мне эту газету, чтобы и я прочла. В этом был даже не намек, она всем своим видом дала мне понять, что и дома все обо мне знают. О нас с тобой...»

Я вспомнил, как мы с Велгой садились в автобус, едущий в ее село, а там оказалась ее младшая сестра. Мало ли незнакомых людей садятся на одной остановке, успокаивали мы себя, но люди ведь не слепые. Да и встречались мы с Велгой не день, не два, а несколько лет. Так что было бы странно, если бы мы могли сохранить наши отношения в тайне.

Нас беспокоило и другое: красавица Велга в течение этих лет не выходит замуж – это ненормально, это тоже вызывает недоумения, подозрения. Как бы я ее ни любил, рассудком я понимал, что лучше бы ей было познакомиться с кем-нибудь, выйти замуж. Наши встречи, хоть и частые, продолжались час-другой, остальное время она была предоставлена самой себе, то есть попросту прозябала в одиночестве. Я не хотел, чтобы она была несчастна. Но именно так и было – с самой лучшей на

земле женщиной, которую я любил. И это была моя вина, и я чувствовал себя подлецом.

Очевидно, она и сама понимала, что так продолжаться больше не может, и однажды пришла на свидание с таким отрешенным видом, что я изумился. Ни объятия, ни поцелуи не действовали.

– Что случилось, Велга?

– Ничего. Разве я что-нибудь тебе сказала?

– Нет, но почему ты такая?..

– Какая? Все нормально, как обычно... – пожала она плечами. Затем все-таки заговорила более оживленно: – Давно надо было такой стать. Я отдала тебе свою честь, трачу на тебя свою жизнь. Тебе ведь нужна была именно такая дурочка! Я давно это поняла, не сегодня. Но ты, наверное, знаешь, почему я до сих пор молчала. Теперь я буду бороться с чувствами, теперь я смогу. А если нет – незачем больше жить. Я недостойна жизни! – и она заплакала навзрыд.

Я пытался успокоить, утешить, подыскивал какие-то слова. Все напрасно. Она и слушать не стала, повернулась и пошла прочь. Я – догонять.

Вдруг Велга остановилась и резко сказала:

– Разве ты не понял моих слов? Не приходи больше и не звони! Я не буду с тобой встречаться. Не хочу!

Она не захотела выслушать, хотя я пытался, как тогда, сказать напоследок что-то хорошее. В общем, понятно. Подавленный, я шел домой и убеждал себя, что это действительно конец, вот с этого дня, с этого мига! Отношениям с Велгой пришел конец. А не потому ли мне так досадно, что она опередила меня, сказала то, что назревало между нами уже давно? С тяжелым сердцем я пришел домой, посидел еще какое-то время за письменным столом, делая вид, что работаю, предупреждая расспросы со стороны домашних, а вид у меня был, я думаю, не слишком здоровый.

Машинально придвинул к себе перекидной календарь, посмотрел, какое сегодня число, затем взял ручку и жирно обвел его. День нашей размолвки. У меня не хватило духу назвать эту дату определенной, не то чтобы я еще надеялся, но слабый отзвук надежды звучал в моих мыслях, когда я всю ночь ворочался в постели без сна.

Рано утром я отправился на работу. Вспыльчивый, раздражительный, я сердился на коллег из-за любой мелочи, придирался к каждому слову. Жизнь будто потеряла стержень, развалилась, расплзлась в серую вязкую массу будней, безрадостных, бесполезных дел. Не признаваясь себе в том, я ждал ее звонка, особенно по вечерам, когда сослуживцы расходились, а я оставался, чтобы привести в порядок свои личные записи. Смотрел на часы, подаренные Велгой к моему сорокалетию, на портрет Маяковского в лакированной рамке, на диван, где мы иногда проводили ночи в мои дежурства, на телефон, бывший нашим связным... Немые, равнодушные предметы... Весь мир, казалось, потерял ко мне интерес... В такие дни, как ни странно, сами собой рождались стихи, строки текли без всяких усилий, приходили неожиданные образы, я увлекался, мир в этих стро-

как представал ярким, словно мои терзания очищали его, с него слетала шелуха повседневности, и мне казалось, что я близок к постижению чего-то очень важного...

В один из таких дней зазвонил телефон. Отвлекаться от работы не хотелось: наверняка звонит кто-то из знакомых, чтобы предложить партию в шахматы или составить компанию в ближайшем кафе, где мы иногда пили пиво... Телефон был настойчив – мне все-таки пришлось снять трубку.

– Здравствуй, ну как ты? Как дела?

Я так долго ждал этого разговора, но оказался совершенно не подготовленным к нему.

– Как им быть... сама знаешь...

Голос Велги, ее дыхание – так знакомо, так ожидаемо и – неожиданно. Все-таки она не выдержала первой, как это уже случалось после наших размолвок.

– Может, встретимся? Там, на старом месте? – предложил я, обретая некоторую уверенность.

– Нет.

– Почему?

В ответ – долгое молчание в трубке.

– Я приду, поняла! Приду и буду стоять, пока не надоест. А ты решай сама! Не в первый раз...

– Слушай, а во сколько теперь темнеет?

– Не знаю... какая разница? Я все равно приду, понятно?

Она молча положила трубку. Придет или нет?..

Я не стал маячить перед ее домом, придя слишком рано, и до наступления сумерек бродил по соседним улицам, поскрипывая выпавшим недавно снегом. Когда же стемнело, я вошел под деревья, там даже птичьих следов не было, не то что человеческих. В ожидании я стал вытаптывать на снегу ее имя – большими буквами – «Велга». А ее все нет и нет. Я забеспокоился всерьез...

Скрип шагов по снегу за спиной. Резко обернулся: она! Идет, улыбаясь навстречу мне, а на глазах... слезы.

– Что случилось?

– Моя младшая сестра вышла замуж.

Я слышал, что ее сватали, но она как будто не хотела. Знал, что это может произойти – жизнь идет своим чередом, но все же стало жалко Велгу. Их было пятеро детей в семье, сначала братья, а из сестер самой старшей была она. Когда несколько лет назад, на этом самом месте, красивая смуглая девушка сказала мне, что боится остаться старой девой, я не поверил ей. Она не была похожа на тех, кто коротает женский век в одиночестве...

Велга, не удерживаясь больше, заплакала. От моих неловких попыток утешить поток слез еще обильнее. Что жгло ей сердце, о чем она думала? О том, как приедет домой, какими глазами посмотрит на нее мать, сестры. Не знаю, как у вас, а у нас незамужняя женщина не пользуется тем авторитетом, какой имеет мать семейства, жена... и это при нашем

выработанном веками преклонении перед женщиной. В общем, я почувствовал, что наша тайная связь стала приносить свои неприглядные плоды. И надо было что-то срочно предпринять.

А Велга каждый день со слезами на глазах высказывала свои новые обиды. Что соседки выражали сочувствие, что отец от жалости не мог смотреть на нее, избегал разговоров, мать плакала, потом утешала... Каждый звук этих рассказов отзывался в моей голове колокольным звоном. Я должен был что-то сделать для нее, страдавшей теперь по моей милости.

Первая жизнь на земле зародилась в период таяния снегов, так мне, во всяком случае, представляется. Ученые могут соглашаться или опровергать подобные мнения, но я убеждаюсь в этом каждую весну. В тот день по всему городу струились ручейки талой воды, воздух над ними – пронизанный первым теплом, – поднимался невидимыми волнами, мягко изгибая увиденные сквозь них предметы. Я гулял со своим внуком: у них почему-то отменили занятия. «Дедушка, а это как? А это что?..» Вопросам, разговорам не было конца, с ним не соскучишься.

На одном из перекрестков столкнулся с давним своим знакомым.

– О, откуда ты?

– Улахи, я живу здесь, в городе!

– Я тоже здесь живу. Почему же мы никогда не встречались?

– Вот и встретились, – засмеялся он и погладил по голове моего маленького спутника. – Это, наверно, твой?

– Да, мой. Внук.

– Серьезно? Так ты, выходит, дед?!

– Давно уже, не видишь? А ты? Кто у тебя?

Он переменялся в лице.

– Да никого у меня нет. Так и не завел семью. Всякое было в жизни...

Прошлое, настоящее, будущее... О чем мы только не переговорили с моим старым приятелем. Работал он, по его же словам, на заводе, получил двухкомнатную квартиру, где был прописан с матерью.

Мы обменялись адресами и уговорились встретиться, посидеть, вспомнить былые дни...

– Я записал и свой телефон. Обязательно позвони! – крикнул я, когда, наскоро попрощавшись, он побежал к автобусу.

Позвонил через несколько дней. Встретились, расположились за ресторанным столиком. Выпили, повторили, он расчувствовался, стал жаловаться на судьбу... А лет двадцать назад мы с ним работали в строительной бригаде, арматурщиками, неплохо работали, надо сказать, нас считали одними из лучших. Я тогда только женился, любил принимать в доме гостей, он, разумеется, бывал у нас, иногда оставался ночевать. В то время он ухаживал за одной очень милой девушкой, никто не сомневался, что у них скоро сладится свадьба, но... потом они расстались.

– Я после нее встречался с другими, – продолжал он свой невеселый рассказ, – однако создать семью как-то не получается...

Мы выпили еще по одной.

– Уjalaхи, трудно так жить в нашем возрасте.

– А я и не говорю, что легко. Но выбрать жену – тоже не плевое дело. Видишь ли, мне незачем связываться с восемнадцатилетними девчатами, не уживусь я с такой, да и ей со мной будет неинтересно. Разные поколения, разные взгляды... Да что говорить, ты сам это знаешь. Но когда я смотрю на более старших женщин, опытных... признаюсь, не вижу, с кем из них я бы смог создать семью. Так и идет: женщин как будто много, а ни одна не мила сердцу. Есть у меня хорошая знакомая, но я не верю, что и с ней получится серьезно. Я становлюсь старым холостяком...

– Понимаю, Борис, я тебя понимаю. Трудно. Но, как бы то ни было, семью завести надо, нельзя всю жизнь проходить в холостяках. Это будет продолжаться, пока есть сила, а что потом? Надо и об этом подумать, такое дело...

Мой приятель сидел, охватив голову руками, задумался. Ничего нового я ему не сказал, он и сам все прекрасно знает, но разговор затронул наболевшую тему. Я знал Бориса как мягкого, уступчивого человека, и решил убедить его, но как бы ненавязчиво, заставить принять решение.

– Ты верно говоришь. Нечего и думать о молодых. С другой стороны, не обязательно искать невинную девушку, но и опозоренных нам тоже не надо. Чем плоха разведенная женщина, даже если с ребенком: мало ли что в жизни бывает, не всегда у людей складываются отношения, вроде бы оба приличные люди, любят друг друга, а совместная жизнь не идет. Даже если не было мужа, но была в жизни девушки ошибка, нельзя считать ее порочной. Если она хороший человек, не надо искать причин, чтобы придрататься...

– Да чего там, ты прав, конечно.

В тот вечер я больше на эту тему не говорил. Достаточно было посеять доброе зерно, а в хорошей почве оно прорастет. Главное, Борис был тем человеком, который меня устраивал по всем статьям. И я чувствовал: все должно получиться. Мне не терпелось встретиться с Велгой. Что скажет она? Сама ведь просила найти хорошего человека. В то же время я опасался, что она раньше меня найдет кого-нибудь, и заранее мучился ревностью. Но сейчас – другое дело, иного выхода не было.

Всю ночь я не спал, думал обо всем, что с нами приключилось, и иначе как эгоистом, сгубившим невинную девушку ради своей прихоти, себя не называл.

На другой день мы встретились. Весенний вечер выдался теплым, Велга казалась веселой, и это меня ободрило, потому что в последнее время из-за ее плохого настроения наши встречи превращались в безрадостные беседы, без надежды на какой-нибудь результат. Но сегодня было по-другому. Я не знал, чему приписать ее радость. Может, каким-нибудь переменам в жизни. А может, ей надоело думать о грустном, и она смирилась со своим незавидным положением, решив жить как живется, не тревожась о будущем. Или просто весеннее тепло заставило забыть о плохом, вселило уверенность.

Я начал рассказывать. Так, мол, и так, холостой, характер мягкий, масса достоинств... Она слушала и улыбалась. Двухкомнатная квартира, продолжал я, в самом живописном районе города. Живет совершенно один, работает на заводе, простым рабочим, хотя образование получил высшее, кое-что подкопил, так что семью обустроить сумеет...

– Почему же, – перебила меня Велга, – такой прекрасный мужчина до сих пор не женился?

– Эх, дурочка ты моя. Вы теперь будете спрашивать друг у друга, почему не женился, почему замуж не вышла? Не женился, потому что не встретил ту единственную, которая назначена ему судьбой. Я вчера сидел с ним в ресторане, мы долго разговаривали на эту тему. Понимаешь, человеку трудно жениться, когда прошла молодость-дурость. И женщине тоже. Думаю, он – тот самый мужчина, который тебе нужен. И дом, и двор, как говорится, и не беден.

– Это все не имеет значения, если он нравится женщине. А ведь, знаешь, есть такие мужчины, которые житья не дают своим женам. А если бить начнет?

– Ты что такое говоришь?! Уахаи, он совсем не такой! Подобного ему тюфяка и тихоню днем с огнем не сыщешь.

– Ну, такого тоже не надо. Пусть будет строгий, но справедливый.

– На тебя не угодишь, милая. Он замечательный парень, познакомьтесь – сама увидишь. Он тебе понравится, я знаю. Он не такой, как я, намного красивей. Лицо белое, сам жгучий брюнет...

– Ну, такой красавец в мою сторону даже не посмотрит.

– Еще как посмотрит! Все сделает, как я скажу. Ты на этот счет не беспокойся, это – мое дело.

Говоря столь уверенно, я между тем понятия не имел о том, как отнесется к моему предложению Борис, заранее уже просватанный мной...

Перевел Л. Местич

Эльдар ГУРТУЕВ**За морем -
голина ветров***Рассказ*

Азрет даже приблизительно не мог бы сказать, когда и за что полюбил он море. Море, которого никогда не видел. Может быть, потому, что его отец был моряком? Или потому, что оно было далеким и манящим, но не как в сказке – недосыгаемым, о котором можно только мечтать, но до которого можно было добраться и увидеть?..

Старый Бисолтан был для него и дедом, и отцом, и другом. Он многое видел и многое умел: мог за день смастерить люльку для новорожденного, да еще с веселым узором, мог косить траву почти на отвесном склоне, мог рассказать о событиях ушедших лет – и ни одна сказка не казалась такой увлекательной.

Только вот моря он не видел. Так и умер старый Бисолтан, не увидев моря.

В родных горах было огромное небо, по ночам усеянное близкими крупными звездами. Были в них грохочущие водопады, бурные реки, глубокие ущелья. Но моря не было.

С давних времен ходили легенды об удивительных странствиях и морских приключениях Синдбада-морехода. То были древние арабские сказки. Старый Бисолтан в долгие зимние вечера у горящего очага таинственным голосом рассказывал о страшных злоключениях неугомонного Синдбада так, будто сам был свидетелем всего, что рассказывал. Азрет слушал, пока глаза не начинали смыкаться...

В маленьком киргизском поселке, где жил Азрет, сверкал под солнцем пруд. В нем ловили рыбу и купались. Была даже одна ветхая лодка: если заткнуть в ней все дыры соломой, можно было успеть переплыть пруд.

Наверное, пруд совсем был бы как море, если бы все вокруг стало в сто, в тысячу раз меньше, чем на самом деле.

Жил в поселке один человек, который знал, чего не хватает пруду, чтобы стать морем.

– Пруд маленький, потому что лодка большая, – сказал Сережа, друг Азрета, и Азрет увидел, что так оно и есть.

Поэтому они сделали маленький парусник и спустили его на воду. И пруд стал значительно больше; и волны, которых не боялись даже куры, вдруг превратились в могучие валы, взметавшие корабль к самому небу, и противоположный берег стал загадочным и таинственным, и его предстояло еще только открыть...

Парусник, будто робея перед открытой водой, покачался нерешительно у берега, но тут кто-то из рыбаков подтолкнул его длинным уди-

лицем, и он тихонько тронулся в путь, и голубые паруса наполнились свежим ветром.

Плававшие недалеко утята недоуменно поглядели на странную птицу и отплыли подальше. Рыбаки, позабыв о своих неподвижных поплавках, смотрели на корабль, который все смелее набирал ход. Прохожие останавливались и тоже смотрели – и у всех в глазах появлялась одинаковая добрая печаль и еще непонятная мечтательность, будто они находились на палубе этого корабля.

Когда славный корабль достиг почти середины пруда, который он превратил в море, вдруг рядом с ним взметнулся фонтан от камня, прилетевшего с плотины. Второй пролетел над парусами, третий попал в переднюю мачту. Это был обстрел. Корабль покачнулся, но, не останавливаясь, продолжал свой путь. Снаряды летели один за другим, но ничего не могли поделать с кораблем.

Из-за плотины выскочил парень со злым лицом и схватил новый камень.

– Зачем ты? – окликнул его какой-то рыбовод.

Парень не ответил. Упрямый, непотопляемый корабль злил его. Он схватил большой камень и бросил вдогонку. Настоящий водопад обрушился на корабль. Намокшие паруса обвисли, корабль накренился сильнее, но снова выпрямился и упрямо продолжал свой путь.

Рыбовод оставил удочку и направился к плотине.

– Прекрати! – крикнул он на ходу. – Зачем ты это делаешь?

– А чего он? – злобно ответил парень и снова швырнул камень. – Пусть утонет.

– Наш корабль не утонет. Пусть бросает! – закричал Сережа.

– Не утонет! – дружно поддержали на берегу. – Такой корабль нельзя потопить.

А корабль, как и полагается настоящему кораблю под обстрелом врага, бесстрашно шел к своей цели, сопровождаемый восторженными криками...

На пионерской линейке Азрету подарили портрет знаменитого русского адмирала Ушакова. Морской бой, по мнению директора школы, имел большое воспитательное значение: строители корабля снискали уважение жителей поселка, а злому парню задал хорошую трепку отец.

Сережу справедливый директор не наградил: он был его сыном...

В пору летних каникул сельские ребята собирали ягоды шелковицы и сдавали в колхозную кладовую. Заготовители решили заплатить ребятам за первый день работы, чтобы они знали, что их труд действительно нужен колхозу. На приемном пункте Азрету и Сереже выдали по несколько рублей.

– Это хорошо, деньги нам будут нужны, – сказал Азрет.

– Ясное дело, – не задумываясь согласился Сережа.

– Ты меня не понял, – испытующе глянул на него Азрет. – Много денег, понимаешь?

– Зачем много?

– Пока это тайна, – ответил Азрет. – Скажи, ты мне друг?

– Друг.

– Тогда терпи. Придет время – узнаешь...

Однажды за обедом Азрет, как бы невзначай, вытащил из кармана деньги и протянул отчиму.

– Вот, на хозяйство. – Он слышал, что мужчины, принося домой получку, всегда говорят так.

– Откуда они у тебя? – спросил отчим.

– Это за ягоды, – небрежно ответил Азрет. – Возьмите.

Азрет-старший с серьезным видом пересчитал деньги и так же серьезно заметил:

– Спасибо. Вот эти, – и он отделил несколько бумажек, – мы потратим в магазине, а остальные оставь себе. Ты уже взрослый и не должен просить денег, если умеешь их зарабатывать.

– Зачем мне они? – пожал плечами Азрет, чтобы отчим и мать не подумали, что ему жалко денег; на самом деле они были нужны ему позарез.

– Он правильно говорит, сынок, – поддержала отчима мать. – Ты уже взрослый.

Азрет спрятал деньги в пенал, где лежала свернутая в трубку схема, срисованная с крупномасштабной карты Средней Азии. На ней жирная красная линия тянулась до Ташкента, а оттуда, круто сворачивая на запад, до самого Каспийского моря.

Два цвета были главными на этой схеме: красный – путь к морю, и ярко-синий – само море.

Странную роль играют в жизни человека деньги: когда их просишь – это стыдно, когда заработал – тебя уважают. На этот раз деньги сделали главное дело – родители сами сказали, что он уже взрослый. Ну, а если взрослый, то, следовательно, не маленький – именно то, что и нужно было Азрету.

– Ты мне друг? – на следующий день спросил он Сережу.

– Ну что ты заладил! – не вытерпел Сережа. – Говори, что надо.

– Тогда слушай сюда. – Азрет достал из кармана самодельную схему и деньги. – Вот это – карта, а это – деньги. Понимаешь?

– Деньги и карту понимаю, а что ты хочешь сказать – не понимаю.

– Объясню, – терпеливо сказал Азрет. – Если ты мне друг – едем к морю. Увидим море и вернемся.

– Ты что, с ума сошел? – воскликнул Сережа. – Да кто нас пустит?

– Увидим море, посидим на берегу денек и сразу обратно. Что тут страшного?

– Не отпустят родители, – грустно ответил Сережа. – А так, я не против.

– Я знаю, что не отпустят...

– Тогда к чему этот разговор?

– Мы уедем без разрешения, – твердо сказал Азрет и внимательно посмотрел в глаза Сереже. – Мы уже взрослые.

– Скажешь тоже...

– Оставим записки, чтобы не волновались. Так, мол, и так, не беспокойтесь, мы уехали вдвоем, скоро вернемся. Увидим море и вернемся.

– Азрет, ты только не обижайся, но я не могу. Ты же знаешь моего отца!..

– Ты трус, Сережа. Твой отец! Что – твой отец? Директор школы? Он тебя пальцем не тронет. Он же воспитатель! Это не-пе-да-го-гич-но!

– Нет, Азрет, я не трус. И мне хоть одним глазком хочется взглянуть на море. Очень хочется! Но что поделаешь?..

– Ну ладно, Сережа, – холодно ответил Азрет. – Я на тебя не обижусь. Поеду сам. Ты, видно, не можешь себе представить, как мне хочется увидеть море. С настоящими кораблями, штормом, волнами до самого неба... Мои ведь тоже меня по головке не погладят. Но я решил: завтра утром оставлю записку и еду.

Сережа думал. Конечно, отец, как директор школы, и пальцем не тронет. Мать, правда, не утерпит, но это что – бьет и тут же жалеет... Может, решиться?

Утром следующего дня Азрет вскочил раньше всех, надел ботинки, недавно купленные отчимом новую рубашку и пиджак, хотя в такую жару никто не носил пиджаков. Странное чувство жалости и тревоги наполняло Азрета. Впервые он поднялся раньше мамы. И тишина в доме была какая-то непривычная.

Он положил записку на стол, разгладил ее ладонью и придавил уголок железной кружкой, чтобы записку не сдул легкий ветерок из открытого окна, и вышел из дома.

Солнце еще не взошло. По предрассветной улице спешили на станцию, на утренний базар торговки кислым молоком с огромными кастрюлями на головах. Азрет настороженно оглянулся, чтобы не попасть на глаза какому-нибудь знакомому, и заторопился на вокзал.

Но знакомый сам ждал Азрета. Он стоял у переезда с котомкой в руках и смотрел на длинный товарняк. Это был Сережа.

– И куда ты так рано собрался? – спросил Азрет нелюбопытным взрослым голосом.

– К морю, – так же равнодушно ответил Сережа. – А ты куда?

– Туда же, – как бы нехотя ответил Азрет.

– Ну, тогда поедем вместе, веселей будет, – предложил Сережа.

– Как же ты решился? – спросил Азрет.

Сережа засмеялся.

– Вечера возвращаюсь домой. «Где ты болтаешься так поздно?» – спросил отец. «С Азретом, – говорю. – Разве нельзя?» Он отвечает: «Ну, это другое дело. Азрет – хороший малый. С таким хоть на край света...» Ну вот наутро я и оставил им записку, мол, еду с Азретом, только не на край света, а к морю. Скоро вернемся. Не беспокойтесь.

– Ну и дела, – покачал головой Азрет. – И чем это я ему так понравился?

– Не знаю. Надоело: чуть что – смотри, какой твой друг Азрет! Как будто я хуже тебя.

– Педагог, – пояснил Азрет. – Учит на примере. Радуйся, что он так сказал. Может, не влетит?

– Все равно влетит... Ладно, – махнул рукой Сережа, – там видно будет.

Они шли мимо длинного товарняка с досками и бревнами. Паровоз набирал воду из огромной колонки на соседнем пути. Небольшого роста мужчина в черной замасленной и потому казавшейся кожаной одежонке молоточком на длинной ручке постукивал по колесам, открывал и звонко закрывал буксы.

– Как бы не пришлось долго ждать, – сказал Сережа. – Проснутся наши, прочитают записки и побегут на вокзал искать.

– Не бойся, нам сгодится любой поезд до Ташкента. А дальше – просто. И денег хватит, я подсчитал.

– У меня тоже кое-что есть, – сказал Сережа и вдруг дернул Азрета за рукав. – Смотри!

– Что там увидел?

– Прочитай-ка!

На облупленном борту платформы было написано мелом: «Ташкент – Ашхабад».

– Просто здорово! – просиял Азрет. – Теперь бы найти начальника поезда и договориться с ним.

– Зачем? – удивился Сережа.

– Как – зачем! Мы же хотим ехать...

– Ну и поехали, если хотим.

– Нет, – покачал головой Азрет, – мы должны спросить.

– Иди, спрашивай, он тебе разрешит... вернуться к мамочке, пока она еще не проснулась. Как раз успеешь, – сказал Сережа с таким пренебрежением, что Азрет даже удивился.

Он засопел и насупил: на такое оскорбление настоящий мужчина должен ответить достойно. Но оказалось, что паровоз уже успел прицепиться, товарняк вздрогнул, лязгнул буферами и тронулся с места.

– Давай! – всполошенно крикнул Сережа и прыгнул на подножку. – Быстреей!

Раздумывать было некогда, и Азрет вскочил следом. Некоторое время они ехали молча, не глядя друг на друга. А товарняк все набирал и набирал скорость, как будто хотел обогнать черный паровозный дым, который стлался над ним, как густая грива.

– Плохи наши дела, – придвинувшись поближе, сказал Азрет.

– Почему?

– На первой же остановке могут схватить, и попробуй докажи, что ты не жулик или какой-нибудь бродяга.

– Ты опять начинаешь? – возмутился Сережа. – Может, он до самого Ашхабада – без остановки?

Товарняк мчался мимо бескрайнего хлопкового поля. Коробочки

только начинали раскрываться. Вдали, над темными горами, клубились пышные белые облака. Колеса стучали по рельсам, отбивали железную дробь.

– Если так будем ехать, за сутки доберемся до Ашхабада! – крикнул Сережа. Он оказался отчаянным малым, вовсе не похожим на того тихоню, которого Азрет уговаривал еще вчера.

А поезд мчался, обгоняя ветер, оставляя за собой большие и маленькие селения, сады и степи, речки и озерца. Близился вечер.

Рядом с поездом неслась его длинная тень. Металлические части открытого тамбура раскалились за день, как плита, – не притронешься. Горячий запах смолы и дерева несся вместе с вагоном – спокойный, домашний запах.

Мальчики, прислонившись спинами друг к другу, стали подремывать под размеренный стук колес, изредка вздрагивая от гудков паровоза, который, должно быть, и сам гудел, чтобы не уснуть...

Грозный окрик разбудил ребят. Товарняк стоял на какой-то станции. Первым опомнился Сережа, вскочил с места и попытался удрать, но коренастый человек – по всему видно было, что он не из тех, кто любит шутить, – успел схватить его за руку.

– Где вы сели? Кто такие? Куда едете? – скороговоркой спросил он. Конечно, он не дождался ответа.

– Что я тут с вами разговариваю? Можно подумать, у меня своих дел мало! Ну-ка, быстро!

Сережа и Азрет молча шли впереди железнодорожника, который ругался, не умолкая, и слово «хулиганы» было не самым обидным в его речи...

– Мы не хулиганы, – наконец не выдержал Азрет.

– А кто ж вы такие есть? Бродяги, да?

– Мы едем в Ашхабад, – сказал Сережа. – Там живет наша тетя, может, знаете...

– «Тетя!» – перебил злой железнодорожник. – Тетя! Я вам сейчас покажу тетю! У всех тети, один я – сирота...

Навстречу им из здания вокзала вышел круглолицый человек в железнодорожной фуражке, расстегнутой мятой рубашке и с заспанными глазами. Лицо его было кислым, как будто он хотел сказать: «Ни днем, ни ночью нет покоя. Ну что за жизнь, в самом деле...» Но вместо этих слов он сказал: «Садитесь» – и кивнул на грязную деревянную скамейку, стоящую на пустынном перроне. При этом он так сладко зевнул, что на его узких глазах выступили слезы.

– У нас нет времени сидеть, – заявил злой человек (мальчики были твердо уверены, что именно он – хозяин поезда). – Этих бродяг оставь при себе, утром сдашь в милицию. А я пошел, эшелон должен скоро отправиться.

Но Сережа и тут не растерялся: он начал говорить, и трудно было разобрать, где он говорит правду, а где и не совсем, так хорошо и складно у него получалось.

– Мы школьники, – говорил Сережа. – Мы не хулиганы и не бродяги. В Ашхабаде живет наша тетя. Не скрою, двоюродная, но все же тетя, и мы решили во время каникул проведать ее. Разве это плохо? Она такая старенькая и больная и очень нас ждет.

Теперь настоящие слезы появились на честных глазах Сережи.

– А-а, голова болит от ваших сказок, – пробурчал хозяин поезда, отворачиваясь, чтобы не видеть слез. – Почему все твердят одно и то же? Неужели нельзя придумать дядю, бабушку? Э-э, неинтересно! Почему тогда не поехали пассажирским?

Азрет гордо вытащил из кармана деньги и протянул их злому начальнику поезда.

– Возьмите. Мы просто не успели купить билет на пассажирский. Здесь как раз на два билета.

– Возьмите, – поддержал друга и Сережа. – Мы их честно заработали в нашем колхозе.

Хозяин поезда не спеша взял деньги и поочередно посмотрел на мальчиков.

– Честно – говорите?

– Послушай, дорогой, – заговорил, наконец заспанный мужчина, – ну что вы в самом деле: ни днем, ни ночью покоя нет! Что за жизнь, а? По всему видно, неплохие ребята. Вези-ка ты их в Ашхабад, и пусть передадут от меня привет своей тете. Если бы у меня была такая тетя, я бы к ней даже пешком пошел.

– Слушай, день кончается, а ты еще не проснулся! – закричал злой хозяин поезда. – У меня и своих забот по горло. Тетя! У всех тетя! Один я – сирота...

– Милицию звать, бумагу писать, телеграмму давать... Э-э, зачем ерундой заниматься? Ты не приводил, я не видел...

– Шайтан вас всех заберит! – проворчал хозяин поезда и повернулся уходить.

Ребята поняли, что надо идти за ним.

– Меня зовут Эрмек, – остановившись возле небольшого вагончика, неожиданно миролюбиво сказал хозяин поезда. – Впрочем, какое это имеет значение? Садитесь побыстрей, уже семафор открыт.

Ребята переглянулись и быстро забрались в полуоткрытую дверь, из которой шел запах свежескошенной травы. Внутри было тепло и тихо.

На противоположной закрытой двери висел фонарь, а под маленьким окошком – деревянные нары, прикрытые серым байковым одеялом.

– Вот, значит, такие дела, – сказал дядя Эрмек, почесывая за ухом. – Мало у меня было забот, так Аллах послал еще и вас. Но раз такое дело – вы тоже должны поработать.

– Мы согласны, – тут же откликнулся Сережа.

– Что мы должны делать? – с готовностью спросил Азрет.

– Состав сторожить. Смотреть, чтобы никто не сел на остановке. До Ашхабада шесть остановок. Чуть что – свистите. А я со своим ружьишком буду пугать всяких там умников, которые к тете торопятся. Все ясно?

– Ясно!

– Мухе не позволим сесть!

– Ну и ладно. А теперь, – сказал хозяин поезда, – чай будем пить.

Подайте вон тот узелок...

Когда человек едет без разрешения, путешествие не может доставить ему удовольствия, потому что он ничего не видит в пути. Он думает о том, чтобы его самого не увидели, и сидит тихо, забившись в угол между бревнами.

Но судьба играет не только в скверные игры. Иногда в одну минуту все меняется: человек из ловимого становится охотником. Он уже ничего и никого не боится: стоит ему свистнуть, как прибежит дядя Эрмек и скрутит любого, кто посмеет ехать на товарном поезде, везущем государственный груз.

И жизнь сразу становится прекрасной. Злющий хозяин поезда превращается в заботливого дядю Эрмека, теплушка становится родным домом, можно свободно сидеть в открытой двери, свесив ноги, как солдаты, возвращающиеся с войны. Вокруг было столько нового, интересного...

Вот за большим барханом показались глинобитные домишки, разбросанные как попало и будто забытые кем-то впопыхах, а между ними торчат тополя, упираясь острыми верхушками в синее небо. Но синее синего неба высится над ними лазоревый купол и будто плавится под лучами солнца.

Поезд уважительно замедлил бег. Легкие стрелы минаретов сторожат этот купол, узоры и каменные письма, хранящие в себе древнюю мудрость. Но безжалостное время и жестокие бури пустыни оставили свои следы: разрушились углы древнего сооружения, осыпались местами пластинки мозаики, по куполу зазмеились широкие трещины. Но назло всем ветрам, наперекор солнцу и вопреки времени стоит этот великолепноый корабль пустыни и, не замечая ран своих, снисходительно поглядывает на дымную гриву светливого состава со строительным лесом.

– Кто его построил? – тихо спросил Азрет.

– Э, – сказал дядя Эрмек. – Люди! Люди строят, люди разрушают... Разве вспомнишь – кто...

Сережа сказал:

– Эмиры привозили великих мастеров и заставляли их строить себе дворцы. А потом – убивали.

– Зачем? – удивился Азрет.

– Чтобы они в другом месте не построили еще лучше. Мне отец рассказывал.

Азрет повернулся к дяде Эрмеку: неужели правда?

– Убивали, – кивнул тот. – Чтобы у них было, а у других не было. Таков человек, который стоит над всеми.

– Зачем же они тогда строили? Они же знали, что их убьют!

Дядя Эрмек не ответил. Да и кто может сказать: почему мастер создает красоту, даже если знает, что его убьют за это?

– Здесь мы можем долго простоять, – после задумчивого молчания

сказал дядя Эрмек. – Глядите в оба. А утром, даст бог, будем в Ашхабаде.

Вообще-то он говорил мало. Со стороны могло показаться, что он терпит своих пассажиров только потому, что взял с них деньги. Но тогда зачем он их кормит и поит чаем, и уступил на ночь свою постель, как будто они ему родственники? Станный человек, этот хозяин поезда, – и злой и добрый, и жадный и щедрый.

Вот он сидит в углу вагона и вполголоса мычит однообразную грустную песню. И ребятам почему-то жалко его.

– Дядя Эрмек, – сказал Азрет, – вы бы отдохнули, а то из-за нас всю ночь ни сна, ни покоя.

– Зачем мне теперь отдых и покой? – усмехнулся он и покачал головой. – Это, может быть, мне даже вредно...

Товарняк замедлил ход, пошел осторожной, будто боялся зацепиться за вагоны и платформы, которые потянулись с обеих сторон. Бревна, ящики, цистерны, кирпичи забили станцию, и непонятно было, что за ними – пустыня или же город.

– Ашхабад, – грустно сказал дядя Эрмек. – Вот и приехали, ребятки. Он совсем не радовался, странный хозяин поезда.

– Вы разве не ашхабадский? – спросил Азрет.

– Ашхабадский... Почему спрашиваешь?

Азрет замялся.

– Вы как будто не рады, что приехали.

– Э-э, – вздохнул дядя Эрмек, – раньше радовался. Теперь не радуюсь...

– Почему? Вы все время грустите.

– Грущу, говорите? – переспросил дядя Эрмек и посмотрел на плывущие за вагонной дверью платформы. – Когда здесь случилась беда, я был в поездке. Дома оставались жена и сын. Когда вернулся, город был в развалинах. Землетрясение... Живые разбирали завалы, чтобы найти заживо погребенных. Не всех удалось спасти... Этого горя на всю жизнь хватит.

– Простите, что напомнил о несчастье, – виновато сказал Азрет.

– Вы ничего не напомнили, – погладил его по голове дядя Эрмек. – Это перед моими глазами. Я ничего не забывал. Даже во сне не могу забыть. Вот так, мальчики... Теперь доски вожу, цемент, кирпичи... Город был и всегда будет. Людей не вернуть...

Лязгнули буфера, поезд остановился.

– Подождите, ребята, – сказал дядя Эрмек. – Возьмите свои деньги.

– Не надо, – сказал Азрет и даже отступил на шаг.

– Не надо, – повторил Сережа и стал рядом с ним.

– Глупые, – сказал дядя Эрмек. – Я взял их, чтобы вы не сбежали. А теперь – берите. Да будет ваша дорога счастливой!

Кто может сказать, когда радость сменяется грустью?..

– Сережа! Сережа! Я вижу море!!! Настоящее море! – Азрет падал

и снова вскакивал, бежал вперед, туда, где в лучах солнца играла яркая серебристая полоса.

Они бежали долго. Или это им только показалось?

Море! Громадное, до самого неба, море глухо дышало, подкатывая небольшие волны к ногам ребят, и здесь волны уходили в песок, оставляя на нем нежную, быстро гаснущую пену.

Солнце серебрило его, и оно было будто металлическим, кажется, даже позванивало еле слышно.

– Азрет, – тихо сказал Сережа. – Ведь это море. Самое настоящее море.

Азрет молчал. Он вспомнил старого Бисолтана, который первый рассказывал ему о море, а сам умер, так и не увидев его. Умер. Азрет уже знал, что это значит.

– Сережа, – сказал Азрет. – Что там за морем, знаешь?

– Знаю, – кивнул Сережа. – Там Кавказ. Там Долина ветров.

– Верно, Кавказ...

Азрет набрал в ладони воды.

– Эти капли не раз побывали там, и сейчас, может быть, отправятся туда...

– Ясное дело, – не возражал Сережа. – Если подняться высоко-высоко, можно увидеть горы Кавказа и огни Долины ветров.

Сказал и осекся: глаза друга были так грустны, что никакие слова не могли сейчас утешить его.

– Азрет, – тихо позвал Сережа. – Я знаю стихи... Когда человек о чем-нибудь мечтает и сильно-сильно хочет, чтобы мечта сбылась, она обязательно сбудется.

– Наверное, так, – вздохнул Азрет, сел на песок и обнял колени.

– Смотри! – вдруг крикнул Сережа. – Пароход! Он похож на плавающий дом. Смотри, – бодрился Сережа, – трактор пашет волны!..

Он не умолкал, как будто развлекал маленького, которому нужно сунуть игрушку, чтобы тот не заревел.

– Это не трактор, – все понимая, тихо сказал Азрет. – Обыкновенный катер.

Катер, вспарывая спокойную воду, стремительно приближался к берегу. Сережа от восторга начал прыгать и размахивать руками, как Робинзон, которого наконец-то заметили с проходящего мимо судна.

Погасив скорость, катер ткнулся носом в песок. Двое загорелых военных ловко спрыгнули на берег. У переднего на груди висел большой черный бинокль, у другого из-за плеча, как тяжелое крыло, торчал приклад автомата.

Солдат с биноклем был, наверное, старшим, потому что имел на погонах по три красных полоски. У автоматчика волосы напоминали спелую пшеницу, а глаза синели, как небо над морем.

– Ребята, что вы здесь делаете? – спросил старший.

– Мы? – растерянно спросил в ответ Сережа.

– Да, вы. Других я здесь не вижу, – проговорил старший недобрым голосом.

– Товарищ начальник, мы совсем не знали, что здесь нельзя находиться, – заговорил Сережа жалобно и торопливо, как тогда, на станции.

«Расскажи ему про тетю», – усмехнулся про себя Азрет, который вдруг почувствовал небывалую смелость, похожую на безразличие. Он даже не поднялся с места: а, все равно!..

– Документы! – железно сказал старший и поправил на груди бинюк; от этого движения тихонько звякнули две новенькие медали.

Но Сережа не стал рассказывать про тетю.

– Мы приехали, чтобы увидеть море, – сказал он. – Издалека приехали. Из Киргизии. Чтобы только увидеть, и все...

Военные переглянулись. Автоматчик пожал плечами. Старший еще раз оглядел Сережу и Азрета.

– А что тут смотреть? – спросил он и оглянулся на море.

– Мы его никогда не видели, – пытался объяснить Сережа.

– Мало ли что... Здесь приграничная зона.

И тут встал Азрет и твердо посмотрел в глаза пограничнику.

– Мы приехали, чтобы увидеть море и вернуться, – сказал он. – Мы не знали, что для этого нужно разрешение. Мой отец погиб на море...

– Где погиб? Здесь? – спросил старший.

– В Севастополе...

– А не врешь?

– Товарищ сержант, – тихо вступился белобрысый солдат, – не врет... Сейчас заплачет...

– Я не заплачу! – возразил Азрет. – Еще чего!

– Это хорошо, – сказал старший и, немного подумав, добавил: – Но все равно: здесь нельзя оставаться. Так что посмотрели и хватит.

Он опять оглянулся на море, как будто видел его первый раз.

– Действительно... красиво.

– Красиво, товарищ сержант, – подтвердил автоматчик. – Вроде как луг, только без травы... Это что же вы, ребята, из самой Киргизии пиляли?

Старший насупился:

– Разговорчики! Поехали.

– Пока, – кивнул белобрысый и побежал к катеру вслед за своим начальником.

Катер взревел и умчался, ударяясь о тугую морскую волну.

– Вот видишь, – сказал Сережа, – ничего они нам не сделали. Люди вообще-то хорошие, они только иногда бывают злыми...

Далекий белый пароход, залитый лучами предвечернего солнца, шел на запад, на Кавказ. В сторону Долины ветров. Азрет на горизонте даже заметил несколько крошечных огней. Он мог поклясться, что это и были огни Долины ветров. Его далекой родины.

Катер был уже далеко, но вдруг развернулся и опять устремился к берегу.

– Что это они? – забеспокоился Сережа. – Мы же сказали, что уйдем...

Азрет молча смотрел на приближающийся катер, будто и не слышал слов своего друга.

– Эй! – крикнул белобрысый солдат. – Ну-ка, давайте побыстрей сюда.

– Куда? – не понял Сережа. – Мы же уходим, мы же все понимаем... Автоматчик засмеялся, что-то сказал сержанту и опять крикнул:

– Ну! Вы же пришли посмотреть море. Кто же смотрит на него с берега...

* * *

Когда пограничники, высадив их, умчались продолжать свою важную службу, мальчики долго стояли и смотрели им вслед; в ушах у них еще свистел ветер, под ногами дрожала мелкой дрожью палуба, а руки сжимали горячий, жарко горящий на солнце поручень...

– Пойдем... – наконец сказал Азрет.

– Ты что, не рад?

– Почему? Рад... Я очень рад, – задумчиво ответил Азрет.

Как он мог объяснить, что человек, мечтающий увидеть море, и человек, увидевший его, – совсем разные люди? Сперва он думает, как до моря добраться. А добравшись, становится другим и думает, как это море переплыть...

Хамзат КУБАНОВ

РЕКА ЛЮБВИ

Пусть шею талисман твою обвил,
Во всем неся удачу. Но однажды
Ты вдруг поймешь, что лишь река любви
Убережет тебя от страшной жажды.

О ней узнал я, встретившись с тобой.
И с каждым днем прошу все непреклонней:
Омой мне сердце чистою водой
И дай испить из собственных ладоней.

Я по реке любви мечтаю плыть,
Как полная луна плывет по небу.
Дай мне, прошу, глоток воды испить,
Как будто нищий просит корку хлеба.

На мирном небе звезды сеют свет,
И девушки гуляют под луною.
Тебя милее в целом мире нет,
Я не сравню и светлый день с тобою.

Река любви. Дай мне ее глоток,
Омой мне сердце чистою водицей.
И радуясь, что он не одинок,
опять на ветку соловей садится.

***

Вот и пришла зима, ребята.
Опять замерзло все вокруг.
Проголодались птички, надо
Их покормить из теплых рук.

***

Спать слишком долго – неприлично
Даже для птичек, ведь у них
Сперва одна проснется птичка,
А после – будит остальных.

***

Забыв про все печали и невзгоды,
Чудесен, будто зимняя краса,
Живущих поздравляя с новым годом,
Снег засыпает горы и леса.

ЖЕРЕБЕНОК

На лугу жеребенок пасется
И пятно на макушке как солнце.

Ветерок растрепал его гриву.
Он на птиц в небе смотрит игриво.

Скоро станет он сам легкокрылым,
У хозяина будет любимым,

Всех коней обгоняя бывалых
Через горы и перевалы.

ЛЮБОВЬ

Любовь – не гниющая рухлядь,
Не дом, что был кем-то оставлен.
Она – и не крепость, что рухнуть
Способна, став грудой развалин.

Любовь – как заря ранним утром,
Как в поле цветов переливы.
И – как с золотою подпругой
Молоденький конь торопливый.

Перевел Дмитрий Лунин

Борис АШИЖЕВ

Борьба волны с утесом

Несутся волны,
выгибая спины.
Так, высунув из пасти языки,
собачья свора,
вмиг собрав все силы,
стремится во врага
вонзить клыки.
Тая усмешку,
будто бы пытаясь
безумья волн соединить в одно,
несется вал,
отчаянно вздымаясь,
нелепо обнажив морское дно.
Но кто решил,
презрев закон природы,
сняет где всегда свободы сталь,

у моря отобрать глоток свободы
и море изловить
капканом скал?
Поэтому волна,
устав от боли,
стараясь унести из моря слез,
упрямо вырывается на волю,
в который раз
разбившись об утес.

Дождь сильнее стучит в окно

Осенний дождь стучит в окно,
как будто
желает в нашу комнату войти.
И в такт дождю уносятся минуты,
друг друга обгоняя на пути.

Мать в комнату заходит,
вся промокла,
и у нее улыбка на губах,
а дождь еще сильнее стучится в окна,
и наполняет лужи во дворах.

Дождь застревает в маминых морщинках,
и наблюдаю я в который раз:
из глаз у мамы катятся дождевики,
как будто слезы катятся из глаз.

Прошу я:
«Дождь, оставь в покое маму!
Она промокла вся»,
но все равно –
по-прежнему надменно и упрямо –
осенний дождь
стучит в мое окно.

По одной звезде

Когда тревога
душит, что есть мочи,
мне просто вспоминается всегда:
в бескрайних небесах
глубокой ночью
для каждого
горит своя звезда.

И что бы все вокруг ни говорили,
С годами
чаще кажется всерьез:
те люди,
что добро всегда творили,
имеют не одну,
а сотни звезд.

Как среди них
свою бы отыскать мне,
в которой все мое отозвалось?
Но часто звезды
падают, как камни,
Чтобы желанье
чье-нибудь сбылось.

И жизнь прожив
в нелепой круговерти,
они ушли,
загих их сердца стук.
Горят их звезды
даже после смерти,
вселенной освещаая темноту.

Утро

Всю ночь пахал, но словно поневоле
увидел я, едва настал рассвет,
как ночью перепаханное поле
лежит, у ночи выкрав черный цвет.
А, может, темнота, рассвет почуяв,
пугаясь наступающего дня
легла на пашню, говоря: «Хочу я,
чтоб не увидел светлый день меня».

Размышления в бессонную ночь

Дни убегают,
в спешке непрерывной
друг друга торопя.
Издаലെка
они уходят чередою длинной,
сливаясь в годы,
месяцы,
века.
Они то жарким пламенем пылают,
то охлаждаются
каплями дождей.
Эпоха их беспечно погоняет,
как плетью погоняют лошадей.
За днями век
уносится в погоню,

я лишь с тоской гляжу ему вослед,
пока
на бесконечном небосклоне
звезды далекой
различаю свет.

Летучая мышь

Неслышно ночь
спускается на крыши,
по миру темной краской потекла.
Едва заметный
писк летучей мыши
с той стороны оконного стекла
вновь различаешь ты.
Но эти мыши
явились в мир задолго до людей
и были здесь,
когда по воле свыше
ослепли
ненавидящие день.

Раздался гром

Раздался гром.
И ливневые косы
свисают до земли.
А у окна
грустит отец, сжимая папиросу.
И вспомнилось отцу:
была война,
повсюду смерть.
Но в этот день, на фронте,
где места нет для слабых и святош,
такой же дождь
мешал ползти пехоте
по склону вверх.
Такой же точно дождь.

Стволы орудий голыми руками
схватив,
солдаты шли, услышав зов.

Срывались сели с гор.
И скрежет камня
вплетался в гул солдатских голосов.

И до вершины
все-таки долезли,
каждый свое оружие обнял.
И враг,
и ливень
были бесполезны, —
не заглушить им было шквал огня.

Раздался гром.
И ливневые косы
От ветра ощущают снова дрожь.
Грустит отец, сжимая папиросу.
Такой же дождь.
Но только мирный дождь.

Перевел Дмитрий Лунин

Людмила ЗАГАШТОКОВА

Не печалься напрасно и сердце свое не томи:
В этом мире изменчиво все и, как миг, скоротечно.
Постоянны лишь споры за первенство между людьми,
Было так изначально, пребудет так вечно.

Не блуждай в чужеземных краях, ибо счастья там нет,
Твое счастье однажды само постучится с порога
И войдет, удивляя количеством точных примет,
По которым узнаешь присутствие бога.

Ты увидишь его, устремляя свой взгляд за окно,
На предметы, знакомые с детства, на камни и травы...
Все наполнится смыслом, все чувства сойдутся в одно, –
Предрекавшие радость окажутся правы.

Этой радости хватит на весь человеческий срок,
От нее в твоём сердце любовь разгорится земная.
Как щедра эта жизнь, как простор для надежды широк –
Ты поймешь, малыша своего пеленая.

Воцарится в тебе непреложным законом добро,
Направляя и мысль, и поступок, и каждое слово.
Избегай равнодушия, что скажет: все в мире старо...
Удивляйся привычному снова и снова.

***

Ни дня, ни часа, ни минуты –
Без ожиданья: почему ты
Так непонятлив, так далек?
Тебе ведь даже невдомек,

Что ты – исток моей печали.
А ведь глаза твои встречали,
И не однажды, робкий взгляд...
Конечно, много есть ребят

На нашей улице надречной,
Но в нежной памяти сердечной
Один лишь ты нашел приют...
Часы тревожно полночь бьют,

Не смяв и край моей постели,
Сны, пошептавшись, улетели.
Все потому, что и во сне
Ты не идешь, мой свет, ко мне.

***

Как тяжело мне было этой ночью,
 В кошмарных дебрях я тебя искала,
 Блуждая, вышла на поляну волчью, –
 Протяжный вой и жуткий блеск оскала.

Я жгла траву и высохшие прутья,
 И мысль моя горела вместе с ними.
 Уже и к дому потеряла путь я,
 И темноте твое кричала имя.

Напрасно взгляды в стороны бросая,
 Я шла вперед, слаба и бесполезна,
 Вдруг край скалы нащупала, босая.
 Внизу бурлил поток, стонала бездна...

Я отшатнулась, каменная осколок,
 Скользнув из-под ноги, упал с обрыва.
 Полет его неслышим был и долог,
 А пропасть и меня звала игриво.

Потом кустарник рвал на мне одежду,
 Когда я убежала от соблазна
 Шагнуть за камнем, всех резонев между,
 Зане с рассудком не была согласна.

Ну а когда проснулась – вид постели
 Подобен был безмолвной укоризне:
 Тебя здесь нет не более недели,
 А без тебя не будет здесь и жизни.

***

Я прошу, отзовись, дай мне знать,
 Где ты бродишь? Быть может,
 без славы,

Потеряв горделивую статью,
 Ты погиб от любовной отравы...

Может, в зимнюю стужу, один,
 Замерзаешь в заснеженном поле,
 Зная: нет золотых середин –
 Всюду край, изошренный до боли...

Может, летнее солнце печет
 Твое тело, небесной лишь сенью
 Защищенное, времени счет
 Для тебя – как призыв ко спасенью...

Может, ветер весенний раздул
 В твоём сердце желание чуда,
 Чтобы вместе пуститься

в разгул,
 Все забыв – и куда, и откуда...

Может, в бурке осенних дождей
 Ты идешь по размокшей дороге,
 Мрачным взором тревожа людей,
 Сам увязнув в тоске и тревоге...

Дай мне знать... мои ночи и дни
 Уподобились серым полоскам,
 Что – свиваясь – удавкам сродни...
 Объявись, хоть молвы отголоском!

Перевел Л. Местич

Мусса БАЙДАЕВ

Златоуст балкарского аула

Он жил в горах, в моем краю,
Ценитель, маг родного слова –
Деревьям, птицам и зверью
Жизнь возвращал в легендах снова.

И, не боясь ни вьюг, ни гроз,
Он обходил родные дали –
Сказанья, песни людям нес!
И люди дар охотно брали.

Он бедно жил. Но, не лентясь,
Шли на поклон к нему: и князь,
И селянин в худом бешмете,
Чей дом богатств не знал вовек.

И как прекрасно: жил на свете,
Живет поныне человек...

***

Теплый вечер спускается в горы.
Ночь огней золотистых полна.
И глядит на земные просторы
В тихом свете улыбки – луна.

Грустно-грустно на пару с луною
На лугу проводить вечера.

Неужель ты не хочешь со мною
говорить о любви до утра?

Помнишь, пел для тебя я когда-то.
Я сто песен спою тебе вновь –
Как я стал, словно птица, крылатым...
Подарила мне крылья любовь.

***

Ты любишь мать свою? О нежной
страсти
Скажи и ей – имеешь ты права.
Пусть даже ты словесных дел
не мастер,
Все ж подбери ей лучшие слова:

Не обижай живого человека,
Тем более, когда роднит и кровь...
И пусть ее не видел ты полвека
Иль более – скажи ей про любовь!

Для ласки сердце матери готово.
Но помни: и в далеком кишлаке
Родная мать должна услышать слово
Лишь на ее, на кровном, языке –
На том, что с молоком дала тебе
когда-то.

Но если речь заводишь на другом,
То чувство, что ты выскажешь...
не свято,
Хоть речь завел о самом дорогом.

***

Мы все рабы у Времени. Оно
 Неумолимо к нам ко всем сурово:
 И видит все, где глухо и темно,
 В любую впадину опустится, на дно,
 И всюду руку приложить готово.

Но погляди на древнюю мечеть,
 На стены храма, на картины эти.
 Где смог художник жизнь запечатлеть.
 Великий Труд – ему не умереть
 Ни ныне и ни в будущем столетье.

И нет надежды на продленье лет, –
 Не даст бессмертья мудрая аптека
 И не избавит от смертельных бед:
 Мы все рабы у Времени! И нет,
 Кто сверг бы власть его
 над человеком.

Так вот где ключ от «хитрого» замка!
 Вот единенье в мнении едином:
 Лишь Труд, его всесильная рука
 Освободит от рабства на века
 Всех нас – невольника поставит
 господином.

***

Тропа в горах дается нам с трудом.
 Там людям и орлам как мать – свобода.
 И горы – это наш родимый дом,
 где мы живем под кровлей небосвода.

И пусть в Балкарии тропинки гор круты,
 Мы восхожденья знаем все секреты.
 Есть в каждом горце чувство высоты –
 На этой высоте – отцов заветы.

Крепки заветы – родину беречь,
 Правдивым быть, не избегая сечи,
 И выше золота ценить родную речь,
 Что сберегли в веках для нас предтечи,

Детей любить, на зло – идти с мечом,
 Не брать слова для клятвы, что убоги,
 И в темноте крошечной быть лучом,
 Что из ущелья выведет – к дороге.

И всех заветов здесь не перечеть,
 Что сжились с нашим сердцем и простором.
 Но среди всех – завет особый есть,
 Вся красота, бессмертье гор в которм.

О нем все помнят дочери, сыны
 В любых селеньях милого Кавказа –
 Пускай легенды горской старины
 Не обмелеют в нас до глубины
 Обыденного скучного рассказа.

Роза УРУСОВА

Об авторе

В 1971 году окончила Тифлисский академический театральный институт им. Шота Руставели, отделение актера драмы и кино, руководитель курса – Михаил Туманишвили. С 1972 года работает в Кабардино-Балкарском Государственном драматическом театре им. Кайсына Кулиева (г. Нальчик).

* * *

Журавли горланят, улетая,
Нас зовут в заоблачную даль...
Не было и нет у меня стаи
И... ничуть мне все-таки не жаль...
Лег туман на грустный перелесок.
Осень – беспощадная пора!
Впереди сплошная неизвестность –
Словом, просто черная дыра...
Ах, судьба! – беспутная подруга!
Мечешься, как белка в колесе.

Где искать потерянным друг друга
В Магомете или во Христе?
Журавли! Куда вы шумной стаей?!
Душу ранит ваш неровный хор
Отчего мы – люди – не летаем?..
Не летаем все же с каких пор?
Наши крылья в злобе оскудели,
И вступили души с Богом в спор...
Высшие до Бога долетели,
Низшие блуждают до сих пор.

* * *

Как боюсь я прихода весны –
Мои весны проклятыми были...
Приходили, как страшные сны,
И надежды мои уносили...
Вот еще одна грянет весна,
Чем зловещим она обернется?
И еще раз я выжить должна,
Надо верить, что осень вернется...

Осень тучная, как ни добра,
Ты закончишься вновь снегопадом.
Мне б забыть все, что было вчера,
Мне б на завтра надеяться надо...
Вдовья доля – тревожные сны,
В тупиках, лабиринтах дорога.
Безмятежную ярость весны,
Сиротливая, жду у порога...

* * *

Хлопья мокрого снега летят...
В нашем городе вновь снегопад.
Той тропой, что гуляли вдвоем,
Провожает меня воронье.
Страшным хором горланят они,
Начисляя последние дни...
Ты о чем там, гарцуя, поешь?
Бедный ворон, кого ты зовешь?

Как неласкова песня твоя!..
Так «гладка» и судьбина моя!
Кто ж из нас теперь, ворон, бедней?!
Спой о «сладости» прожитых
дней...

Спой для нас...
Я пришла не одна.
Одиночество, старость и Я!

* * *

Я вернусь к вам рождением сына,
Ясноглазой дочуркой вернусь,
Я вернусь первовсходами тмина,
Алой розой осенней вернусь!..
Майским утром, первейшей грозой
Иль... январской метелью вернусь.
К сожалению, горькой слезою...
Может, радостным смехом вернусь.
Я вернусь колыбельною песней
Иль весенним обвалом вернусь.
В путь за всеми, дорогой извечной,
Во тьму веков, в бесконечную грусть!..
Я восходом вернусь иль закатом,
Пред рассветом, в разгаре ли дня,
Нам Создателем путь наш заказан,
Дочь моя, для тебя и меня.
Облетев все созвездья во Млечном,
Не звездой, так пылинкой вернусь.
Мой ответ на вопрос этот вечный:
Я была, да, я есть! Я вернусь!

* * *

Я пришла Человеком всемогущей Божьей десницы,
Только стала навек одинокой, израненной птицей...
Лишь когда стану ветром, я стану свободна от боли,
Тихим майским рассветом встану радугой яркой над полем
Ах, каким стану ветром! Я им обязательно стану...
Только тайну об этом хранят мои жуткие раны.
Все же стану я ветром и буду свободнее птицы
В поднебесье бессмертном, чтоб сеять добро без границы.

* * *

Кто там гуляет при полной луне,
Машет легонько тебе или мне?..
Так он и стелет с высоких небес
Снежной постелью... да в сказочный лес;
Теплого снега не ведал никто,
Райская нега – не явь и не сон!..
Чу! На мгновенье, меж злом и добром,
Легло откровение нежным ковром.
Нет, не январская это метель...
Не одолела меня канитель...
Странно!.. По следу пропавшего сна...
Самоотверженно бродит весна...

Глянь! Подвенечно одетые, в ряд,
В ладном сиянье деревья стоят...
Томно моргает, при полной луне,
Тихое счастье... Тебе?.. Или мне?..

* * *

Мы в прятки играем с тобою...
Я надеждою раны прикрою.
Ты ж, подруга, совсем не глупа.
Знаешь точно – догонишь меня.
От тебя ничего мне не надо –
Ни райского сада, ни ада.
Только Бог мне отмерил свой срок.
А пока ты не рвись на порог!..

Номинальная любовь

Вновь деревья понуро стоят,
В нашем городе вновь снегопад...
Той тропой, что гуляли вдвоем,
Провожает меня воронье...
Милый ворон! Меня узнаешь?
Ты о чем там, гарцуя, поешь?
Пой, дружище, ты пой, не стыдись
У кого же счастливее жизнь?!
Бог дал каждому песню свою,
Счет кукушке, а трель соловью...
Спой, каркуша, ты спой и спляши
На осколках согбенной души...
...Смех и слезы – пустая игра.
Что есть – Завтра,
А было ль – Вчера?!!
Вслед кровавой слезе невпопад
Белым саваном лег снегопад...

* * *

Я уйду, как пришла, внезапно.
Хладной ночью иль теплым днем.
Я была не нужна... Но завтра...
Пожалее вы о том!

* * *

Надежды светлой два крыла
Нас манят и зовут...
Земная наша суета,
Поверь, напрасный труд.

Борис КУДАЕВ

Эссе

Сегодня вторник, по-немецки произносится – динстаг, а переводится якобы «служебный день»; неправда, так можно было бы назвать любой рабочий день от понедельника до субботы; это совпадение, на самом деле – Óдинстаг, день Óдина, бога викингов, а у древних германцев Óдин назывался Вотан, это грозный бог, громовержец; две молнии Вотана – изломанные буквы SS на воротниках эсэсовцев, и кокарда в виде черепа – символ ведомства Мюллера...

Хорошо его сыграл Броневой в фильме «Семнадцать мгновений весны»; отец ругался: «Так хорошо сыграл, что вся страна теперь горячо любит этого прохвоста». Отец, во время войны – комиссар партизанского отряда, так и не смог привыкнуть к тому, что немцы уже – не фашисты, и во время поездки в Германию, несмотря на инструктажи в горкоме партии, не раз пытался рассказать немцам, как они, партизаны, «били фрицев»... Он часто говорил, что Кудяевы помирают по понедельникам, а сам умер во вторник... Наверное, потому, что не верил в бога и не верил приметам...

Приметы... Можно верить, можно не верить. Тем, кто верит, всегда легче – есть уверенность, что раз сегодня с утра ничто не предвещало плохого – день должен удался. Нильс Бор всю жизнь говорил, что в приметы не верит, но, когда пригласил друзей обмыть свой новый загородный дом, те с удивлением увидели над дверью прибитую подкову.

– Ты же не веришь в приметы!

– А вдруг эта штука работает вне зависимости от того, верю я в нее или нет?..

Это – остроумие ученого, за которым он попытался скрыть истину – верить (и в приметы, и по-настоящему) начинаешь тогда, когда у тебя появляется то, что можно потерять, и ты осознаешь вдруг, что и дом может сгореть, и дитя твое может (не приведи, Господи!) заболеть, да и ты сам не вечен. Как говорил Булгаков, скверно не то, что человек смертен, а то, что он *внезапно* смертен. Жизнь – это езда ночью без фар и на приличной скорости. Бог знает, что будет через несколько секунд. Тем, кто верит по большому счету, легче жить, и легче умирать. Летчики не любят фотографироваться перед полетом, арабы никогда не скажут: «Увидимся завтра!», не прибавив тут же: «Иншаалла!» – если бог даст. И на войне неверующих не бывает...

Верить было бы хорошо... Если бы не служители Господа и не толкователи его заветов. Нальчик окружен горами, к ним мне не привыкать – с балкона отцовской квартиры открывалась величественная панорама главного Кавказского хребта. Горы, говорят, привораживают к себе... Казак скажет то же самое про степь, камчадал – про Камчатку, а северянин, я уверен, – про Север... Чукча, наверное, без ума от Чукотки. Кстати, о

чукчах, или эскимосах – как им быть, если они захотят принять ислам? Ведь в Коране сказано, что мусульманином может стать любой человек, надо только верить в единого бога и произнести догмат веры – «нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк Его!». Ехать никуда не надо – живи, где живешь – американец Кассиус Клей принял ислам в своей родной Америке, стал Мухаммедом Али и живет припеваючи. Вот тут и начинается парадокс. Живет, потому что живет в Калифорнии или Нью-Йорке. А если бы он жил в Америке, но на Аляске? Ведь надо не только молиться и раздавать беднякам милостыню, но и поститься в месяц Рамадан. Поститься надо в светлое время суток – ни пищи, ни воды. Даже лекарства принимать или курить нельзя до наступления темноты. Пока нельзя будет отличить светлую нить от темной. То есть не по часам, а по фактическому состоянию естественного, природного освещения. Арабские месяцы короче общепринятых по григорианскому календарю, и месяцы «дрейфуют». Рано или поздно Рамадан придется на конец июня – июль. То есть на то время, когда за Северным полярным кругом солнце не заходит вообще в течение двух месяцев. У нас в это время в Питере «белые ночи» – это отголосок двухмесячного дня на Аляске, да и на Кольском полуострове. Я бывал в Северноморске в это время – полночь, ясный, солнечный день, только на улицах ни души... Два месяца не есть, не пить воды, не курить и не принимать лекарства – как это возможно? Так что тем, кто очарован Заполярьем, лучше верить в богов, про которых так страшно поет под звуки бубна шаман из соседнего стойбища... Или верить так, как я – без поста и без молитв. Живи на заработанное, не убий, не воруй, чти родителей, люби детей, не обижай старых и немощных – остальное Бог простит!

Чти родителей... Люби ближнего. Лучше родителей любить, а ближнего чтить... Вы заметили, что все кокосовые пальмы на берегу наклонены в сторону моря? Странно – сильный ветер дует *с моря*, а пальмы все же наклоняются *к воде*. Они как женщины – не могут налюбоваться собой в голубом зеркале лагуны. Стройные и высокие, они делают вид, что кокосы – это вовсе не главный смысл их жизни, что старость и увядание – не их удел. Даже жестокое испытание – шторм – они используют, чтобы отломать и незаметно сбросить старые, увядшие ветви и предстать наутро свежими, умытыми и с кокетливой короткой прической из венчика остролистных ветвей. Совсем другое дело – банановые пальмы. Это матроны, обремененные множеством детей и внуков, им совершенно безразличен их внешний вид, и отработавшие свое длинные и увядшие рыжие ветви висят неопрятно вдоль ствола. Банановые пальмы не могут наклониться, чтобы посмотреть даже в лужу – рыхлый и тяжелый от связок плодов мясистый ствол не выдержит наклона. Но даже переспелые плоды свои банановая пальма, в отличие от кокосовой, не сбросит небрежно на песок, а, надломив свою ветвь (больно!), опустит бережно к стволу. Она никогда не поедет за границу и не обижается, что молодая гроздь, завернутая в целлофан, отправится в дальние края, и на красивой наклейке на ее коже будет не имя родной долины или даже ее родины, а наверняка – название совсем другой страны, плоды которой просто ценятся на рынке выше... Женщины – как пальмы, они или кокосовые или банановые; ис-

кать такую, чтобы была и банановой и кокосовой – дело безнадежное... Я только теперь понимаю, почему у мамы были печальные глаза... Она понимала, что свои ошибки я должен осознать сам: советовать взрослым детям – бесполезно, потом тебя твоим же советом и попрекнут... И у моей учительницы английского языка были такие же глаза, когда я к ней пришел похвастаться в новенькой лейтенантской форме, – она во время войны по принуждению оккупантов работала переводчицей в гестапо и знала, что в армии переводчики – лейтенанты они или полковники – не всегда трудятся на пользу общечеловеческого блага и взаимопонимания народов...

Все лейтенанты – лейтенанты и все полковники – полковники... Казалось бы – совершенно абсурдная французская военная поговорка... Но нет, в ней заложен вполне конкретный смысл, и я даже знаю, кто первый пустил ее в оборот! Смысл тот, что и к лейтенанту, и к старшему лейтенанту надо обращаться «лейтенант», а к подполковнику и полковнику – «полковник». Но заметьте – выигрывает здесь в основном только подполковник. А насчет автора этого «мotto» я могу привести еще один великолепный пример. Военным положен бесплатный проезд в отпуск или по служебным делам. Солдатам и сержантам – в плацкартном, прапорщикам, лейтенантам, капитанам и майорам – в купейном, подполковникам и полковникам – в мягком купейном, а генералам – в двухместном спальном. Теперь отгадайте – кто в генеральном штабе писал проект директивы о проезде военнослужащих? Конечно – подполковник. Ведь логично было бы распределить купе по группам, на которые испокон века по уставу делаются военные – солдаты и сержанты, младшие офицеры (от прапорщика до капитана), старшие офицеры – от майора до полковника, и генералы. Но... майоров почему-то оставили в жестком купейном, а подполковников и полковников благодетельствовали мягким вагоном. (Жестких купейных вагонов, сейчас, кстати, вообще не осталось. Но – осталось зато приятное отличие.) Подсуетился подполковник! Жаль вот только папаху не дают носить... Хотя можно, конечно. Дома и при закрытых дверях!

Вы заметили, что стоит только зайти в комнату и закрыть за собой дверь, как кошка сразу же попросится зайти за вами? Но если ее впустить, то, оглядев комнату и проведя ласково хвостом по ноге хозяина, кошка тут же попросится выйти. Это все знают. А я знаю, *почему* она так делает. Все очень просто – кошка считает, что хозяин – довольно умное существо. Почти как она сама. «Ведь у него даже есть холодильник, где полно сметаны и сосисок. Но... Раз хозяин такой умный, то ведь не может же он не знать, что вкуснее сметаны и сосисок – только маленькие живые мыши. Однако не видно, чтобы хозяин их когда-либо ел. Не видно – *потому что он их ест в одиночку!* Это и котенку ясно... Поэтому надо проверить, чем хозяин занимается у себя в кабинете – не только ведь сидит за компьютером... Не любил бы он их, то с какой бы стати тогда назвал манипулятор своего любимого компьютера *мышкой!* Ну и что из того, что сегодня застучать хозяина не удалось! Ничего это не значит. Не может он быть таким святошей, каким прикидывается... Ест, сволочь двуногая, мышей, несомненно, просто надо застучать его за этим занятием...»

У кабардинцев есть замечательная пословица: «Курица ни за что не

поверит, что ласточка *не хочет* рыться в шикарной мусорной куче!» Судить о других по себе – наш удел. Неважно – курица, кошка, или человек – мы судим по себе, грешным. Ведь Омар Хайям сердился на бога (смелый, когда выпьет!) именно потому, что бог создал нас всех грешными, знал, где мы оступимся (он же всезнающ!) – а все рано приказал идти вперед – нам, слепым...

*«Ловушки, ямы на моем пути –
Их бог расставил и велел идти.
И все предвидел. И меня оставил.
И судит! Тот, кто не хотел спасти!»**

Так что грешны мы все – по определению. А за доказательствами дело не станет. *Застукают, как ни крутись.* Святош много. А истинная святость человека – миф...

Мифы, укоренившиеся в сознании людей и воспринимающиеся, как аксиомы, называются устойчивыми мифами.

На свете много устойчивых мифов. На то они и мифы, чтобы вводить людей в заблуждение. Один из них – «кавказское долголетие». В каждом тосте и поздравлении звучат пожелания сибирского здоровья и кавказского долголетия. Ну, со здоровьем пусть сибиряки разбираются, а про кавказцев я вот что вам скажу. В наше время мрут кавказские мужики, как мухи, не достигая 60-ти лет. А с теми, о которых когда-то говорили, что они долгожители, вы вряд ли согласитесь поменяться местами – за свои сто лет они по количеству увиденного, услышанного и испробованного выходили на те же полста лет – поток информации, как сейчас говорят, был настолько скуден, что они и в старости напоминали детей. Осторожных, умудренных жизнью, терпеливых, но детей...

Об этом следующий миф – о мудрости стариков. Никто не сомневается, что наши старики мудры, вернее, умудрены жизнью, но горе тем, кто попытается кавказскую традицию беспрекословного повиновения старшим выполнить буквально, – он станет великолепным пастухом или землепашцем (именно землепашцем – буквально), но не деловым человеком, не руководителем крупного предприятия, не банкиром, не политиком и даже не успешным современным фермером. Кабардинские князья знали это и посылали своих детей на воспитание к кану – уважаемому, но чужому человеку. Проще всего сказать: они поступали так, чтобы не избаловать дома любимого дитяти. Но это не главная причина. Они знали – не возразит сын отцу или деду никогда и не задаст тех вопросов, которые мучат подростка, – нельзя! Но тогда и вырастет он послушным, но безвольным человеком, не воином и не дворянином... Надо чтить старость, надо прислушиваться к советам старших, но надо самому принимать решения (недаром в армии говорят: *«Мы тут посоветовались, и я решил...»*) – иначе застой неизбежен, как для страны, так и для отдельной семьи. Вспомните советское геронтологическое руководство времен Брежнева. *Мудрость – это не седины, мудрость – это извилины...*

А вот еще один миф – о превосходстве южан-мужчин. Мол, вот они

* Омар Хайям. Рубайи. № 198. Ташкент, 1981.

какие – грузины и вообще кавказцы – щедрые и любвеобильные. Полная ерунда. Просто при советской власти, когда все жили в тисках тотальной подконтрольности властям, кавказцы жили более свободно и лучше материально. Кавказец в Москве или Питере тогда чувствовал себя мужчиной и не боялся зайти в любой ресторан. А теперь, когда безработица на Кавказе достигла половины трудоспособного населения, а на весь Северный Кавказ приходится около одного процента средств, гуляющих по Москве, Ларису Ивановну в хороший московский ресторан пригласить желающих среди кавказцев (мафиози не в счет) что-то не очень много... Да бог с ними, с Ларисой Ивановной и с Москвой. Мы ведь не индусы и не бенгальцы – нам и дома плодить нищету незачем! И вот результат: у нас в селении Герпегеж родился в прошлом году *один* ребенок, а в Верхнем Курпе *один* школьник пришел в первый класс... Классное превосходство... Пока наши старики спорят, как надо делить голову барана за праздничным столом, молодежь уезжает в дальние края и бьется в тисках неравной конкуренции со своими сверстниками в успешных регионах, которым больше повезло с руководителями. Они там не такие Цицероны, как наш бывший президент, но в их областях и краях, вовсе не богатых ни вольфрамом, ни молибденом, ни нефтью, ни золотом, киноварью или рутью, красотами Эльбруса и почти куршавелевской доходностью его склонов, молодежь находит свою нишу и знает, что если организовать дело и платить исправно налоги, жадный чиновник не выдерет у тебя из горла твое с таким трудом созданное дело... Не то, что у нас... Зато нам все время твердили, что наше руководство сохранило мир. И вообще – мы мирные и трудолюбивые люди... Конечно мирные, если безропотно терпим и засилье чиновников, и статус захолустной и бедной провинции, 84-й из 89-ти... Четырежды орденоносная Кабардино-Балкария...

Индийцы тоже славятся во всем мире как миролюбивый народ. Чуть собачья! Я жил в Пакистане накануне второй войны Индии с Пакистаном – советские геологи искали нефть, которой Пакистану критически не хватало.

Тогда Индия напала на Пакистан, выбрав момент, когда он был наиболее уязвим. И в Индии я работал два года и принимал участие в ее третьей войне с Пакистаном. И вновь Индия напала на Пакистан, когда он был наиболее уязвим. Эти страны никак не могут жить в мире друг с другом по вине еще одного мифического «миротворца» – Организации Объединенных Наций. Это ООН в 1947 году приняла резолюцию о принципах неравного раздела земель Палестины между палестинцами и евреями таким образом, что эти народы застряли в болоте шестидесятилетнего противостояния. И не будет этому конца, так как каждая сторона ссылается на свою резолюцию, на ту, которая ей выгодна. А их десятки, и принимались они по конъюнктурным соображениям – сегодня в угоду арабам (читай – СССР), а завтра – в угоду евреям (читай – США). Но и дипломаты, и государственные деятели лукавят, когда говорят, что очень трудно найти решение этого вопроса. Живет на свете мой почти ровесник, умный еврей – Даниэль Баренбойм. Он сказал золотые слова: «Палестинская проблема проста – это проблема черной икры. Мы все знаем, что черная икра очень полезна. Мы все знаем, что черная икра очень вкусна.

Почему же мы не едим ее хотя бы раз в неделю? Да очень просто – потому что она чертовски дорогая! И палестинцы, и израильяне знают, как в один месяц достичь мира на Ближнем Востоке – надо заплатить дорогую цену! То есть палестинцам отказаться от междоусобной борьбы между «Фатх», «Хамас», и прочая, и прочая, отказаться от джихада и признать Израиль нормальным государством, имеющим право на существование, а израильянам надо всего лишь выполнить резолюции ООН, предписывающие ему вернуться в границы 1967 года и вернуть соседям и Голанские высоты, и западный берег реки Иордан, и признать, что сектор Газа, как бы он ни был привлекателен, ему не принадлежит. И еще – признать, что в соответствии с решениями великих держав и Совета Безопасности ООН город Иерусалим – колыбель и святыня трех мировых религий, не может быть столицей Израиля. Я не оправдываю палестинских террористов, но такими их сделали великие державы и ООН. Это ООН приняла в 1948 году такую резолюцию по Кашмиру, что Индия и Пакистан воюют с тех пор каждые семь-восемь лет. И не будет этому конца потому, что подавляющее большинство населения Кашмира – мусульмане, а махараджа Кашмира был индус, и он своей грамотой подарил в 1947 году княжество, как парадный халат, Индии. А ООН этот подарок перевязала своей красивой ленточкой. Плевать ей на то, что хотят палестинцы, кашмирцы и прочие, не имеющие государственности. Они для ООН – как лица кавказской национальности для российской публики.

По-английски кавказцы – caucasians. В разговорном языке. А вот в официальном – и по-английски, и по-американски caucasians вовсе не кавказцы, а представители белой расы. Политкорректность не позволяет им говорить: негр, желтый, краснокожий или мулат. А значит, нельзя говорить и белый. Надо говорить – афроамериканец, азиат, абориген, латин. А белый издавна – caucasian. Поэтому в полицейских отчетах часто упоминаются белые люди с темными волосами. Caucasians. А в наших газетах и гламурных журналах вдруг с удивлением читаешь, что трое кавказцев совершили налет на отделение банка в богом забытом городке Карфаген в Оклахоме. И люди понимающе усмеваются и качают головами: во дают, мол, куда только наших братьев-кавказцев не занесет за наживой! И там они себя ухитряются проявить во всей красе!

Нет, я, пожалуй, не прав, обвиняя только желтую прессу в плохом переводе полицейских сводок, – даже в газете Российской академии наук «Поиск» в колонке Абрама Блоха в декабре прошлого года говорилось о кавказцах – налетчиках в Америке. Хотя бы в оксфордский словарь заглянули – там ясно сказано: caucasian – член белой расы вне зависимости от места рождения или жительства. Просто – белый. Но зачем утруждаться? Написано Caucasian – значит, кавказец! Дикий народ эти горцы! С них станется, они и в Америке и в Англии банки грабят...

А может, как в известном фильме, это *трудности перевода*?

Но если тебе трудно переводить правильно – просто не берись за это ремесло! Недоучке можно всю жизнь пробыть врачом-терапевтом или психиатром (простите, терапевты и психиатры – это просто пример для сравнения, я не хотел никого обидеть), и при хорошо подвешенном языке и приятных манерах даже иметь успех у пациентов, страдающих просто

от скуки или депрессии. Но если ты хирург, то твоя некомпетентность очень скоро приведет тебя в тюрьму. Можно преподавать английский, зная слабенько язык и выучивая урок на сутки вперед учеников, но нельзя быть переводчиком-недоучкой – через минуту синхрона или на другой день после публикации письменного перевода эта твоя некомпетентность вылезет наружу. Так что ссылаться на трудности перевода нечего – хороший, добротный перевод просто не бывает легким. А так хочется блеснуть знанием иностранного языка и, как теперь говорят, «эксклюзивной» информацией! Одна видная телеведущая недавно в утренней программе под секретом сообщила слушателям, как повезло невесте Джима Кэрри, голливудской звезды. Она, мол, на помолвку приготовила жениху дорогое кольцо с надписью внутри – «Любимому Д. К.». И вот, когда помолвка расстроилась, представьте ее везение: у нового суженого, Джорджа Клуни – те же инициалы. И кольцо пригодились, и жених не хуже... Худо только то, что инициалы совпадают на русском языке. На английском имена женихов совершенно не похожи – Jim и George. Инициалы – на английском – никак не совпадают. Поздравляем вас соврамши, как говорил господин Коровьев у Булгакова. И такие ляпсусы случаются у горе-переводчиков постоянно. Американскому переводчику, наверное, все равно, как сказать на русском: «он был красавец, кровь с молоком» или «красавец, молоко с кровью». А у русскоязычного читателя сразу – рвотная реакция. Потому что надо не только знать хорошо язык, но и реалии той страны, о которой идет речь. Есть замечательная книга на любимую американцами тему – о попытке покушения на их президента. Книга в оригинале называлась «1400, Пенсильвания авеню». Перевели название на русский язык как «14 часов, Пенсильвания авеню». Да, американцы, помешанные на экономии времени, часто говорят, как военные: 14-00, а не два часа пополудни. Но если ты переводчик, а не подмастерье, то надо знать, что почтовый адрес Белого дома – Пенсильвания авеню, дом 1400. У Кремля тоже, наверное, есть почтовый адрес. Но в русском языке давно укоренилось правило – писать: «Москва, Кремль». Это просто надо знать. А еще надо иметь ассоциативное мышление. Оно помогает переводить и очень затрудняет жизнь, как вы заметили по этим заметкам, которые я и назвал «Ассоциации». Они – как четки – одна бусинка за другой, одна за другой. Хорошо, если не по бесконечному кругу.

Круг.. Человек подсознательно любит круг и недолюбливает устремленную в бесконечность прямую – вектор времени. Отсюда – любовь к празднованию Нового года (уютно оказаться через год в той же точке орбиты Земли!), да и вообще приятно – то год обезьяны, то год змеи, они уже были 12 лет назад и снова придут через дюжину лет. И Новый год – пузатый и краснощекий малыш, а не согбенный годами старик, к возрасту которого прибавился еще один год. 2007-й у нас, а у евреев и вовсе 5 тысяч, что уж говорить об индусах...

А вот с именинами немного не так – некстати вылезает всегда цифра нашего возраста, здесь не скажешь, что это было уже 12 лет назад и, если бог даст, через 12 лет повторится. Увы, не повторится. Вот почему женщины так не любят свои дни рождения. Это их слова – «день рожденья, грустный праздник».

Праздники – удивительное изобретение человечества. Простейшее лекарство от социальной напряженности и недовольства. Чем беднее страна, тем больше в ней праздничных дней. В Бангладеш их набирается почти квартал. В Индии – не меньше полусотни дней. На Мадагаскаре в понедельник можно пахать, но нельзя запрягать волов в упряжку. Во вторник можно пахать, можно запрягать волов, но это единственный день, когда разрешается изловить в лесу лемура, принести домой и накормить его сладостями и фруктами вдоволь, – ведь от него зависит покой души усопших предков и общее состояние добра и покоя – Хасина Сифака. Так что простите, но работать некогда В среду и пахать можно, и волов запрягать, и лемур не мешает, но идет дождь и даже назавтра в липкой красной глинистой земле плуг застревает, как в смоле. А в пятницу не положено пахать... В воскресенье, несмотря на веру в Хасину Сифаку, христианский бог не велел работать! Миссионер-англичанин рассердится, а это чревато неприятностями... Так что остается одна суббота – много ли наработаешь за один день? Так что одна надежда на понедельник... Хорошо еще, что бананы растут сами и не надо, как в других, северных странах, шить теплую одежду и обувь, сооружать жилье и заготавливать на зиму хлеб, картофель, соленья и дрова... А если жена в понедельник пойдет навестить свою родню, то можно сослаться на недомогание. А там и вторник – запрягать нельзя! Мужчины везде одинаковы – в перьях, мундирах или кухлянках...

Перья, кухлянки, мундиры... Разве трудно определить мужчин, которые готовятся к войне? Это раньше военные наряжались во все красное и золотое, в белых лосинах щеголяли на балах. И Печорин, и Болконский здорово в них выглядят. В кино. А я военный, знаю эту службу не понаслышке, и очень хорошо представляю себе, как на самом деле выглядели эти лосины после четырех часов скачки или после строевых занятий. И вполне мне понятно, почему и Лермонтов, и Мартынов с такой легкостью и желанием облачались в национальную одежду моего народа во время Кавказской войны – черкеска и бурка – удобно и практично! Только недавно военные, наконец, поняли то, что Лермонтов с Мартыновым поняли уже давно – не погонями и аксельбантами сверкать надо, а шашками и начищенным оружием. Вот и стали, наконец, облачаться в камуфляжные куртки. Армия, которая наиболее приспособилась к окружающей местности, готовится к войне. Папские гвардейцы в Ватикане, уж точно, не собираются ни на кого нападать: сверкают очень. Но вернемся к Лермонтову и Мартынову.

Я очень люблю русскую литературу, русский язык и русский народ – кто сделал больше для становления моего народа, развития его письменности, культуры, государственности, наконец. Но я не могу, как офицер и мужчина, понять и принять причитания русской интеллигенции на тему «Убили поэта!». Поэт или пахарь, мужчина остается мужчиной и должен, как теперь говорят, «фильтровать базар». Лермонтов не имел права говорить то, что он сказал про Мартынова. Можно смеяться над тупостью другого человека, над его потугами изобразить из себя нечто более презентабельное, чем он на самом деле есть. Но на Кавказе даже дети знают – нельзя насмехаться над физическими недостатками человека.

Мартынов был маленького роста. Но он тоже носил на кавказской войне черкеску и неотъемлемую часть этого костюма – кинжал. Кинжал не может быть маленьким или большим – это черкеску шьют по росту, а кинжал – боевое оружие, и у него есть свои стандарты. И когда малорослый Мартынов вошел в комнату, где собралось высшее общество Пятигорска, и услышал, как Лермонтов сказал дамам про него: «Явился, маленький человек с большим кинжалом!» – он поступил так, как поступил бы любой мужчина на Кавказе – вызвал обидчика на дуэль и убил его. То, что у тебя получаются великолепные рифмы, не дает права на хамство, и оно должно быть наказано. Хочешь хамить – готовься отвечать за это. Хотя бы научись сносно стрелять.

Никколо Макиавелли сказал: «Если ты стреляешь в короля, ты должен его убить». Великий человек сказал банальность – с кем не бывает. Конечно, если ты начал дело, лучше его закончить. Но есть дела, которые *смертельно опасно* не доводить до конца. И это не только при покушении на власть имущих. У этой, казалось бы, банальной мысли есть далеко не банальная подкладка. Кто-то смог совершить подвиг. А кто-то начал, но не смог (не хватило сил, средств, знаний). Если хватило ума не бахвалиться заранее своим подвижничеством, то можно и далее продолжать жить – хорошо и достойно. Любить своих родных и близких, ценить друзей и коллег, работать в меру сил и не подличать. Японцы говорят: ценить каждый начавшийся день как очень важный: ведь это – первый день всей твоей оставшейся жизни! То есть жить той жизнью, которую мы привыкли с такой легкостью ругать – быт, рутина, повседневщина. Но... *Смертельно опасно* потерять желание жить вот этой, повседневной жизнью. От понедельника до вторника...

,

Новелла

Меня всегда занимала известная шутка о том, что на свете есть всего около шестидесяти основных сюжетов, и как бы писатели, да и сама жизнь, ни изоцрялись, кроме географии, местных деталей быта и культуры, времени и национальности героев, все написанное и происходящее вновь и вновь рассказывает нам о Каине и Авеле, принце и Золушке, короле Лире и его детях, Ромео и Джульетте, Отелло и Дездемоне, Гамлете и леди Макбет – с берегов Альбиона или Мценского уезда... Да и король Лир с дочерьми не очень отличается от Ноя с сыновьями. И даже если герои разъезжают на «джипах» и «бентли», тут и там, приглядевшись, увидишь то лук и стрелы Робин Гуда, то пистолет Дубровского, то уши ослика Санчо Пансы, а то и аскетическое лицо его господина. Последнее, к сожалению, все реже и реже. Поэтому, когда я узнал от друзей историю моего нового сослуживца майора Джафарова, меня бросило в жар – я сразу вспомнил рассказ Сомерсета Моэма «Вкушающий лотос». Герой его – не азербайджанец, а англичанин, не переводчик с турецкого, а банковский клерк, действие происходит не в Закавказье, а на Капри, но разница ничтожна по сравнению со сходством, главным сходством героев:

перед ними стоит воздвигнутая ими же в своем уме возрастная граница – шестьдесят лет, после которой жизнь для них становится маловероятной и вряд ли желанной. Алик пить не любил, а выпив, становился грустным и бубнил что-то об особом порошке, который он припас для того, чтобы отметить свое шестидесятилетие. «Я им так просто не дам, я все проанализировал, я поэт, и для меня шестьдесят – даже слишком много... Смирительную рубашку им на меня не надеть!» Дело было в том, что дед Алика Джафарова, бакинский купец, начал страдать от сильных головных болей в сорок лет, а в шестьдесят сошел с ума и вскоре умер. Отец Алика, советский служащий, повторил этот путь с точностью до нескольких месяцев. Двадцатидвухлетнего студента Алика потрясло то, что во время похорон он несколько раз услышал от многочисленных родственников одну и ту же фразу: «Бедный, не успел даже воспользоваться пенсией – работал, как вол, до шестидесяти лет и умер накануне своей первой пенсии». Когда через месяц его вызвали в военкомат и предложили стать кадровым офицером-переводчиком, он сначала отказался наотрез. Дисциплина, форма, регламентированность во всем – брр, увольте! И вдруг русский офицер, беседовавший с ним и уже потерявший надежду уговорить Алика, произнес заранее им обдуманную и, как он считал, не очень убедительную для молодежи, совсем не думающей о старости, фразу: «Вы только представьте себе, ведь это – возможность не только прожить интересную жизнь, полную приключений и путешествий, но и реальная возможность для Вас уже в сорок семь лет выйти в отставку. Капитаном или майором, с выслугой в двадцать пять лет, Вы будете получать пенсию около двухсот пятидесяти рублей в месяц, даже если не захотите работать больше никогда и нигде!» Тогда только что прошла денежная реформа, и двухсот пятидесяти рублей было достаточно, чтобы самолетом вылететь в Москву, устроиться в одиночном полулюксе в гостинице Москва и провести неделю в столице, днем – в музеях, а вечерами – большое турне: рестораны «Арагви», «Пекин», «Прага», «Узбекистан», «Националь», кафе «Арагат» и «Огни Москвы». «Сорок семь лет, – мелькнуло в голове Алика, – до шестидесяти – это же целых тринадцать лет полной свободы, жизнь сибарита, и я еще буду не очень стар, а двести рублей в месяц у нас в институте получают только преподаватели, кандидаты наук, которые пашут с утра до вечера – в аудиториях, на методических советах, семинарах и разных там профкомах-парткомах...»

– Я согласен!

Оторопевший майор начал спешно оформлять документы, и уже в сентябре Алик надел свою первую офицерскую форму в общежитии Военного института иностранных языков. Насчет путешествий подполковник соврал: какие путешествия, если у тебя специальность – турецкий язык, Турция – член НАТО, «а на дворе – холодная война», как пелось в песне военных переводчиков? Все его путешествия уложились в краткие курсы в ВИИЯ, а через шесть месяцев – переезд к новому месту службы, в Ленинкан, в армейскую разведку 8-ой гвардейской армии. Где, как можно было предположить, его военная карьера и закончится. Зато в сорок семь...

Там мы и познакомились. Казачий пост – юго-западный пригород

Ленинакана. По старой традиции, там располагались военные-пограничники (до турецкой границы всего три километра) и часть особого назначения (ОСНАЗ) Главного разведывательного управления, занимающаяся радиоперехватом (читай – подслушиванием) всех радио и радиотелефонных переговоров третьей полевой армии Турции, расположенной в Анатолии. На территории части стоит старинная православная церковь – под ее куполами, специально сделанными из пластика, скрываются антенны подслушки, а в просторном нефе сидят рядами солдаты-радисты с наушниками на головах и пишут, пишут, пишут... Они перехватывают шифрованные радиogramмы. В северном притворе стучат непрерывно, день за днем, телетайпы телеграфных агентств, отделяя прошедшие сутки от наступивших в полночь по Гринвичу единой для всего мира фразой: «Quick brown fox jumps over the lazy dog's back» (Быстрая рыжая лиса прыгает через спину ленивой собаки). Это – самая короткая фраза на английском языке, где есть все буквы латинского алфавита для проверки работы телетайпа. Только диву даешься, сколько военной информации можно отсеять из сообщений вполне гражданских телеграфных агентств! А в южном притворе сидят молодые офицеры – «слухачи». Это – элита Осназа. Они слышат все переговоры стратегических бомбардировщиков США, летающих непрерывно с ядерными бомбами на борту, днем и ночью, вдоль южной границы нашей страны по программе «Sky King» (Король неба). Офицеры эти не только знают, когда прибыл на дежурство и когда уйдет на базу в Пешаваре любой из стратегических бомбардировщиков, но и безошибочно могут назвать по голосу имя и фамилию любого из их командиров. В ВВС США самолеты намертво закреплены за экипажами, и если номер бомбардировщика в полетном листе NOTAM и голос командира не совпадают – это ЧП, и причину будут выяснять вплоть до подключения агентуры. Я уже прошел через это. Моя задача – анализ поступающей информации и подготовка этих офицеров к радиоперехвату. Два раза в год я же принимаю у них зачеты на повышение классности по военной специальности. Это – работа, работа непрерывная, кропотливая, и не очень интересная: какой толк знать так много обо всех и обо всем, если даже с друзьями об этом поговорить нельзя? Одно утешение – теперь у меня нет ночных смен, и каждый вечер я еду в центр Ленинакана. Ужинаю в кафе «Аракс». Хозяин кафе, добрый и простодушный армянин Гурген, принял меня в первый раз по рекомендации своих завсегдатаев – офицеров. «Запиши его в тетрадь, Гурик, он будет ужинать у тебя постоянно!» Когда на его вопрос, как меня зовут, я ответил – Борис, он полистал тетрадь, висевшую на гвоздике за его спиной, и задумчиво сказал:

– Будешь Борис-третий. – На мой вопросительный взгляд он пояснил: – До тебя уже записаны два Бориса. Ты – третий. Знаешь мою систему? – Когда я ответил отрицательно, он не без авторской гордости осведомил: – У меня ужин только двух видов – два люля-кебаба, завернутые с зеленью и турши в тонкий армянский хлеб, или пять мантов со сметаной. К ним я тебе подам стопку водки и кружку пива. Стоит этот набор всегда одинаково – три рубля. Но ты умный человек и ты понимаешь – у меня есть семья, я ее содержать должен. Значит – выбирай: если хочешь, то вместо ста граммов водки я буду наливать только восемьдесят, а нет – то налью

сто граммов, но грузинской чачи. Платить надо по записям в тетради раз в месяц, в получку. Согласен?

Он был уверен, что система правильная, то есть справедливая и для клиента, и для него.

– У меня есть своя система – заявил я ему. На его недоуменный и немного обиженный взгляд я пояснил: – Ты мне будешь наливать сто граммов и только «Столичную», а за это я буду за каждый ужин платить не три рубля, а три тридцать. Он возвел глаза к потолку, что-то пошептал, подсчитывая, и с радостной детской улыбкой воскликнул:

– Вах, командир, твоя система *тоже правильная!*

На том и порешили. Наивные времена! Он был счастлив, что его клиенты без всякой обиды, по взаимному согласию, обеспечивали ему ежедневный доход в *целых* пятнадцать рублей! Так вот мы и жили – кто в ожидании пенсии, кто – следующего звания или должности. Я ждал очередной войны на Ближнем Востоке или Юго-Восточной Азии. Только война, по правилам ГРУ, разрешает офицерам ОСНАЗа выезжать за границу, иначе, мол, не избежать утечки информации. А что за переводчик, который не выезжает за рубеж? Война пришла через три года, а пока...

Дразнящий запах жареных с томатами и кориандром баклажанов разносится по коридору офицерского общежития. Это Алик занимается одним из трех своих любимых дел – стряпней. Первое и главное (для него, не для меня) – поэзия. Я же – приверженец его второго хобби. Готовит он замечательно, но когда я ему сказал, что моя любимая тетка Мария (любимая настолько, что я ее называл «мама-эм» в отличие от своей матери – «мамы-эс») (Сагда) тоже очень хорошо готовят баклажанную икру с томатами и кориандром, он с негодованием ответил, что никаких баклажанов, тем более с томатом и каким-то ихтиандром он не готовит. «*Это синенькие со свежими помидорами и киндзой, панимашишь?*» Когда у него особо заметно прорезается его азербайджанский акцент, протестовать бесполезно – можно попасть в опалу, и тогда прощай возможность полакомиться плодами Аликиного поварского искусства. У меня, на правах его соседа, были две привилегии – отведывать азербайджанские блюда, которые Алик готовил, и слушать его стихи. Хотя... второе вряд ли можно было назвать привилегией, так как писал стихи Алик на родном азербайджанском, а читал их, как и все поэты – с завыванием и нелепыми, невпопад, взмахами левой рукой. (В правой он всегда держал пачку исписанных листков, на которую я взирал, стараясь догадаться, когда закончится очередной опус. Тогда можно будет, не обижая Алика, невинно упомянуть, что к его *синеньким* хорошо пойдет купленная мной недавно польская зубровка «Выборова».) Алик любил за ужином выпить одну рюмку водки – пил он очень умеренно, так как считал, что это вредит его третьему увлечению. В Ленинакане, при трикотажном комбинате, были курсы фабрично-заводского обучения молодых ткачих. Когда-то их окончила Валентина Терешкова. Но Алик посещал это заведение вовсе не из уважения к первой женщине-космонавту. Девочки получали нищенскую стипендию в тридцать рублей, и Алик с его тремя сотнями в месяц казался им Гарун аль Рашидом. Алик угощал очередную «королеву» хорошим ужином (не в кафе, конечно, а тем, что сам дома

приготовил) и бутылочкой своего любимого сладкого армянского «Геташен». Он был поистине неутомим в любовных утехах, и я через стенку не раз слышал мольбы девушек оставить их, наконец, в покое: «Вон, светает уже, а ты все не угомонишься, турок чертов!» Любвеобильный Алик, однако, головы не терял, никогда и ничего девчонкам не обещал и, прощаясь утром, протягивал своей недавней «королеве» два заранее приготовленных пятака: «Одиннадцатый автобус останавливается прямо напротив подъезда. На нем ты *даедишь* до центра, *тирисядишь* на единичку – и дома! Возьми вон *тиченикь* – купишь кефир и *пазавтракаишь*! А?» Никакие наши увещания и подколы не могли изменить отношение Алика к прекрасному полу. Он был старше нас, уже испытал первую неудачу в семейной жизни и считал себя знатоком этой части человеческих отношений. Но его национальность накладывала очень необычный для нас, молодых офицеров, воспитанных в русских или северокавказских традициях, оттенок на все – от службы до быта. Мы не могли понять его пресмыкательства перед начальством, а он объяснял нам, что по турецкой традиции младший офицер всегда заканчивает радиogramму старшему по званию словами «Гюзлеринда опеим».

– Гюз, – растолковывал нам Алик, – это глаз, гюзлер – глаза, гюзлерин – ваши глаза, гюзлеринда – в ваши глаза. Опеим – целую. То есть – «Целую Вас в глаза!» Вот какое уважение!

Мы ему рассказывали армейский анекдот про подхалима, который обратился к генералу со словами: «Товарищ генерал, Ваш карандаш *упали!*». Но все было зря. Алик не понимал, что в этом анекдоте смешного. Он нам приводил прочтенный им где-то пример чинопочитания. В корпусе морской пехоты США есть закон: если твой сержант приказал тебе: иди и умри вон у той скалы, ты должен пойти туда и умереть, не потому, что этого требует от тебя твоя родина, а потому, что так приказал тебе твой сержант! «Сержант, – Алик поднимал вверх короткий толстый палец, – что уж говорить о генерале!» Однако генерал Святковский, начальник разведывательного управления Закавказского военного округа, об этом великом уважении Алика к своей персоне не подозревал и недавно объявил ему «предупреждение о неполном служебном соответствии». Это – последнее взыскание перед понижением по службе. Несколько дней назад советский самолет-истребитель нарушил границу при плотной облачности всего на полкилометра, снизился над турецким пограничным постом, сориентировался на местности и вернулся через пару секунд в наше воздушное пространство. Но турки-пограничники не могли доложить своему руководству о происшествии в столь тривиальной форме. Из их радиogramмы в штаб 3-ей полевой армии следовало, что злостный русский самолет-нарушитель снизился над турецким погранпостом с целью нападения или разведки, был геройскими пограничниками обстрелян и убрался восвояси на свою территорию. Уж как там Алик напутал, я не знаю, но «обстреливать» – *атешачмак* – в переводе, он заменил на «быть обстрелянным» – *атешалмак*. Содержание телеграммы немедленно доложили Святковскому, он – командующему округом. Начали допрашивать всех летчиков, летавших тем утром в означенном районе и рядом, и те, конечно, отрицали факт открытия огня по пограничному

посту сопредельного, хотя в то время и недружественного, государства. Тогда стали считать боекомплект и проверять пушки самолетов – короче, шумиха пошла нешуточная. Пехотные командиры обвиняли летчиков, летчики – пограничников, пограничники – и тех, и других. А всего-то, как оказалось, Алик ошибся на одну букровку. Вот и схлопотал... Алик тяжело переживал взыскание – «несправедливо, *слуший*, а?». А тут новая напасть. Съездил Алик домой в отпуск и там отметил свой юбилей – сорок лет стукнуло. Офицеры разведотдела армии подначивали его, мол, домой поехал, чтобы юбилей зажать, а теперь взысканием прикрываешься! И только я знал истинную причину его подавленности. То ли он себе внушил, то ли правда, но Алик стал жаловаться на сильные головные боли, которые не проходили даже от появившейся тогда «пятерчатки». Решили мы его лечить. А лечат от депрессии, как известно, тем, что отвлекают от тяжелых мыслей. Был бы он не Джафаров, а Сидоров, собрались бы мы гурьбой, сходили бы в баньку, потом выпили бы крепко в пригородном ресторане «Кумайри» (это древнее название Ленинакана, только теперь это произносится Гюмри), где вместо соленого огурчика и минералки к водке и тава-кебабу подают много зелени и разбавленное армянской минеральной водой «Джермук» кислое молоко. Но... Алик не любит париться, да и пить спиртное, даже на халяву, его много не заставишь. Надо его крепко вывести из себя, решили доморощенные психологи, и тогда, может быть... Вот и решили мы провести «лечебно-профилактическую тревогу». Дождавшись, когда Алик приведет домой очередную «королеву» и, подождав часик, пока он ее покормит и подготовит ко сну, мы с громкими криками «Тревога! Тревога!» начали бегать у него под окнами. Ради такого дела мы не поленились натянуть полевую форму и вытащить на свет божий «тревожные» чемоданы. У каждого из нас такой чемодан всегда стоял в укромном уголке. Там пара белья, нитки с иглками, бритвенные принадлежности, крем и щетка для обуви, сухари, консервы, бумага и конверты, и, конечно, бутылка «Столичной» (у Алика – пачка краснодарского чая «со слонем»). В случае тревоги нам разрешалось не бежать вокруг забора до проходной, а прямо прыгать через забор на территорию сборного пункта для посадки на автомобили с радиостанциями подслушивания... Что мы и сделали. Перебросили чемоданы через забор, перелезли сами и сидим тихонько, ждем Алика. Алик, проклиная все на свете, выпроводил девчонку, оделся в полевое, схватил чемодан, но прыгать через забор не стал – покушал ведь перед этим плотно и выпил-таки стаканчик «Геташен» – и, громко сопя, побежал к проходной. По пути он встретил идущих из центра города домой замполита с женой, и на его вопрос, в чем дело, бросил коротко – «Тревога!». Замполит бросил жену на поддороге, трусцой побежал домой, переделся в полевую форму, схватил тревожный чемодан и, проклиная шофера, который по тревоге должен был за ним заехать, кинулся к проходной. Там он в сердцах отодрал матом ничего не понимающих дежурных, которые «до сих пор стоят на посту без автоматов и противогазов, как положено при объявлении тревоги», и, не слушая их возражений, побежал к штабу. Навстречу ему – Алик. С чемоданом, в полевой форме, и унылой миной. «Что, отбой?». –

«Эвет, тамам». – «Что?» – «Да, говорю, не *панимаишь*, что ли?» Короче, не вышло у нас отвлечь Алика от мрачных мыслей. Замполит Голубев, который один его поддерживал в руководстве армейской разведки, и тот после этого вечера стал относиться к Джафарову настороженно. Про нас, затеявших эту неудачную шутку, Алик высказался коротко, но ясно: «Я думал, что вы мне друзья, а вы просто *товарищи!* Гюзлеринда ... !» Да... Я не очень силен в турецком, но понял, что это, кажется, вовсе не поцелуй в глаза.

Как повелось: пришла беда – отворяй ворота. Через неделю Святковский прибыл к нам с инспекцией. Отгадайте, кто был дежурным по командному пункту в ту ночь? Утром начальник командного пункта, как положено, обратился к генералу: «Товарищ генерал, офицерский состав собран на совещание. Разрешите начать?» Святковский важно кивнул головой и Макаров посмотрел на Джафарова. Зная, как тот боится генерала после злосчастного случая с самолетом, ободряюще сказал ему тихо: «Начинай». Алик доложил с грехом пополам, чем занималась 3-я полевая армия турков прошлые сутки и, с обреченным видом потупив свои черные, как маслины, глаза, почти прошептал: «Дежурный по КП майор Джафаров доклад закончил». Генерал при упоминании этой фамилии дернул подбородком и уставился на Макарова.

– Это не тот ли Джафаров?

Макаров кивнул головой.

– Да, товарищ генерал, майор Алик Джафаров...

– Какой еще *Алик*? – вскинулся генерал. – Вот что, подполковник, я вам скажу: вы распустились сами и распустили здесь всех, подчиненных называете уменьшительно-ласкательными именами, немудрено, что они небрежно переводят радиogramмы! Они нам тут *наразведают!* Они... они...

Напрасны были старания Макарова растолковать расшвырявшему генералу, что Алик – это не уменьшительное, а вполне «взрослое» имя Джафарова, что на Кавказе есть седобородые Алики и Рафики, и есть даже Фрунзик Мкртчян. Все напрасно – генерала «понесло». На учения можно было не выезжать – все равно выше удовлетворительной оценки за полугодие нам не видать, а двойку генерал и так не поставит – себе же хуже. (Министр потом целый год будет вспоминать про разведчиков 8-ой гвардейской армии, которые заработали неуд на проверке.) Алик совсем загрустил, стихов не писал, девчонок не водил, не готовил замысловатых блюд и ел ненавистную ему тушенку – все признаки тяжелой депрессии были налицо. А тут, как снег на голову, пришел приказ – меня перевели в Тбилиси-20. Я уехал туда, потом на Ближнем Востоке началась война и я улетел в Египет, потом в Краснодар, потом в Индию. Только через шесть лет мы с ним встретились на площади перед Домом Правительства в Баку – днем и ночью спецпропагандисты ставки Южного командования работали в толпе непрекращавшегося несколько дней митинга, пытаясь избежать кровопролития между азербайджанцами и армянами. Еще через год я услышал о нелепой смерти Алика. Он умер, отравившись какой-то гадостью, за месяц до выхода на пенсию. От судьбы не уйдешь...

Харитон ГАЛАЧИЕВ

* * *

Не обязательно грешить,
Чтоб важные дела вершить.

* * *

С криминальным миром борцы...
Купили уж роскошные дворцы.

* * *

Вряд ли бы прославился Евгений
Не окажись рядом Пушкин-гений.

* * *

И левые и правые
Всегда такие бравые...

* * *

Грабительские походы
Не всегда приносят доходы.

* * *

Как Чацкий с корабля на бал,
Вор в бизнес случайно попал.

* * *

Этот вор и фанфарон
Открыл свой собственный салон.

* * *

Там эти плутоватые дебилы
Ученых оппонентов победили.

* * *

На Багамских островах
Дом строит русский олигарх.

* * *

К несчастью, неотесанные дураки
Имеют с ног сшибающие кулаки.

* * *

Коль совершенству нет предела,
Мастер не останется без дела.

* * *

Лишь только для проформы
Жулью нужны реформы.

* * *

Ха-ха-ха...
Вновь повысил тарифы ЖКХа.

* * *

У вора очень толстая кожа,
Оттого не краснеет его рожа.

* * *

Душа резвится на свободе
Не потому, что это в моде.

* * *

Ура! Мы ломим, гнутся шведы –
На них мы спишем наши беды.

* * *

Когда создается суматоха,
Всем ведь становится плохо.

* * *

Бывшие адъютанты
Записались в консультанты.

* * *

Лишь потому живу, дышу,
Что я всю жизнь тебя ищу.

* * *

О бог! Каким же надо быть глупцом
Чтоб полагать себя святым отцом.

Хайшат КУНИЖЕВА

Рассказы из цикла «Поле жизни»

—

Дем–кина – вышито по одному слогу на двух тапках. Вышита ее фамилия серыми казенными нитками на поверхности атласных розово-голубых тапок. «Дем» – на одном, и «кина» – на другом. Их она сдвигает вместе, надевает, не прикасаясь руками. Начинает петь:

«Душа полна воспоминаний,
Напоминают мне оне
Минуты первого свиданья
И счастье всех минувших дней...»

На чьи слова эта песня – неизвестно. У певуни – морщинистое старушечье лицо, глазки серо-синие, с блеском еще, как у Роберта Фроста, Спина тоже еще прямая, сама – маленькая, худенькая.

Медсестра Таня, самая здоровущая из персонала, кричит, голос прокатывается по всей длине коридора:

– Прекратите, уже голова трещит от этой песни!

Старуха Демкина, не расслышав слов сестры, кричит из своего конца коридора:

– Что, понравилась песня-то? Спою, так уж и быть, спою еще разок.

У нее снова заблестели глазки, она начала:

– Душа полна воспоминаний...

Медсестра только рукой махнула, что, мол, со старой взять, пусть поет.

А я вспомнила строчку из «Столбцов» Николая Заболоцкого: «Спит растение картошка». И под этим эпиграфом – написанное мной:

«Подожди и ты немножко,
Ведь уснешь же вечным сном.
Твои беленькие кости
Превратятся в глины ком».

Когда-нибудь уснут и Демкина, и пышущая здоровьем медсестра Таня, и я усну вечным сном когда-нибудь...

Когда человек умирает, душа, говорят, улетает в небо. Тело отдают земле. А куда девается разум, если он, конечно, был?

Иногда эти серо-синие глаза Демкиной виновато улыбались, но больше они смеялись и были озорные, особенно когда она пела. А песня у нее была одна – «Душа полна воспоминаний...»

Однажды больная Гаврикова вручила врачу курицу. Борисыч – так называли пациенты своего доктора – ничего не сказал, а просто отнес эту замороженную голландскую курицу в буфет, чтобы Зина-буфетчица поджарила с его любимой картошкой, которую он всякий день поглощал за обедом.

Гаврикова лечилась от алкоголизма и работала на кухне. Через неделю к ней присоединились еще две и тоже стали работать на кухне. И захотелось им тоже подарить Борисычу по курице. Сказали своим, чтобы им принесли по пять рублей, а когда деньги были переданы, обе махнули рукой на кур, купили две бутылки водки и на «закусь» – венгерский салат «Глобус». Выпивали на улице, и – несмотря на легкий морозец – покраснелись, а Гаврикова, которую они угостили, вообще была словно в красной сыпи.

– Почто цветешь, противная? – спросила ее старшая медсестра, когда женщины вернулись в отделение. – Вот пойду сейчас и доложу врачу. Нечего пить!

Гаврикова зарыдала, сначала сдерживаясь, а потом все громче...

– Я же не знала, – всхлипывала, что меня так быстро подготовят к «торпед».

– Но тебе было сказано: никакого алкоголя! – кричала старшая.

– Я больше не буду... – заливалась слезами Гаврикова. – Да и не хотела я, меня подружки подбили на это дело...

– Не надо было с ними ходить!

– Так вы же сами просили, чтобы я работала на кухне. Я хотела показать им магазин, где продают кур: они хотели, как и я, подарок сделать Борисычу.

Борисыч же сказал:

– Ты, Гаврикова, будешь лечиться еще сорок дней, а твоих подружек выпишем.

– Не надо!.. – взмолились те.

Никого не выписали, и история с голландскими курами на этом закончилась.

Светлана АЛХАСОВА**Лето в Псыгансу***(отрывок из «Кабардинской повести»)*

Летнее солнце ласково пригревало, и свежeweымытые деревянные ступеньки, на которых уселась одиннадцатилетняя Амида, почти высохли. Сегодня утром Амида нашла в комодe свой пионерский галстук, расправила его, повязала на шею и уселась на ступеньках, увлеченно щелкая и сплевывая во все стороны подсолнечную лузгу. Вид у девчонки был дерзкий, вызывающий...

Дом, на ступенях которого сидела девочка, располагался на самом краю обрыва, внизу тянулась речная долина: сначала – маленькая речушка Псыгансу – ответвление от реки Черек, а за ней и сам Черек: неширокая, но бурная река, сбивающая с ног рослого мужчину, несущая в своих волнах, перекатывая, большие камни прямо с подножий Эльбруса. За рекой – густой лес, простирающийся до гряды Аушигерских холмов. Дом – большой каменный, крытый железом. Во всех шести просторных, с высокими потолками, комнатах настелены некрашенные, но гладкие до блеска, дубовые полы. Внизу дома – глубокий и просторный подвал, где зимой хранились яблоки и груши.

Стояло лето 1943 года. Две центральные комнаты с отдельным входом и окнами в широкий двор заняли немцы: фашистский офицер и его секретарь, которого звали Шваб. Рано утром офицер уходил в штаб в центре села, и возвращался поздно ночью.

А секретарь Шваб целыми днями безвылазно сидел в центральной комнате за пишущей машинкой и что-то напряженно и ритмично печатал, время от времени протирая носовым платком свои очки в тонкой золотистой оправе. Когда Шваб снимал очки, то его крупные серо-зеленые глаза на бледном с тонкими чертами лице беспомощно шурились. На вид ему было не более 22–23-х лет. На столе, справа от печатной машинки, в небольшой рамке стояла фотография красивой женщины: глядя исподлобья, она мягко и нежно улыбалась.

Из-за приоткрытой двери Амида украдкой наблюдала за Швабом, когда тот, видимо, устав печатать, разминал длинные белые пальцы, а сам задумчиво смотрел на фотографию женщины с красивыми светлыми локонами. Амида думала про себя: вот вырастет, непременно сделает себе такие локоны...

Однажды из Германии, из дома, Швабу прислали слоеный сладкий пирог. Пирог все время стоял на шкафу, на видном месте. Улучив момент, когда Шваба в комнате не было, Амида подкрадывалась к шкафу и ти-

хонько отщипывала по кусочку от пирога: он был сладкий, диковинный, раньше ей не доводилось пробовать такого.

Каждый день Шваб выходил во двор подышать свежим воздухом, а затем прямым отправлялся на кухню, где хлопотала нана, мать Амиды, и где всегда стоял вкусный запах домашнего хлеба. Шваб, улыбаясь, подходил к голосом просящего ребенка приговаривал: «Муттер, яйки, яйки!..» В ответ пятидесятилетняя женщина также улыбаясь, кивала головой, при этом глаза у нее были почему-то с хитринкой. Она жарила Швабу большие утиные яйца, которые тот очень любил.

Отец Амиды, дада, (так ласково называла его Амида) с общего согласия сельчан, был избран старостой, он пользовался авторитетом не только у сельчан, но и у немцев: его звали Исуф, он спас от расстрела нескольких односельчан-коммунистов, сказав немцам, что это никакие не коммунисты, а его близкие родственники. По просьбе дады их даже отпустили. Живущие в доме Исуфа, в верхних комнатах, двое немцев и не подозревали, что внизу под ними, в хорошо отделанном подвале дада прятал нескольких евреев и русских: все три месяца, что немцы находились в селе, они благополучно просидели в подвале и вышли оттуда здоровыми и невредимыми. Нана не зря каждый день пекла несколько больших караваев хлеба. Время от времени, с утра, когда офицер уходил в штаб, а Шваб работал за печатной машинкой, дада запрягал лошадь на заднем дворе, подальше от посторонних глаз, затем клал на телегу каравай хлеба, зарезанную и ошипанную птицу, яйца, накрыв все сеном, под предлогом, что нужно привезти дрова, отправлялся за реку, в лес, где прятался небольшой отряд партизан.

Сегодня, прежде чем надеть красный пионерский галстук, маленькая Амида сама разделила на пробор свои прямые, черные, как смоль волосы, и заплела их в две тугие косички. Августовское солнце припекало все сильнее, и от чистых, высоких ступенек шел приятный аромат дерева. Амида до конца не осознавала, зачем она надела этот галстук, но инстинктивно чувствовала, что делает что-то такое, что может не понравиться немцам, делает назло им. Ей хотелось показать, что она независима, ей наплевать, если кому-то не нравится, что она в пионерском галстуке. А ведь с тех пор, как в их селе появились немцы, школу закрыли и всем сказали спрятать пионерские галстуки. А ей так нравилось ходить в школу, распевать в школьном хоре пионерские песни! Но теперь все изменилось...

Вдруг, сойдя с другого крыльца, перед Амидой, сидящей на ступенях плюющей во все стороны шелухой от семечек, появился Шваб. Амида сделала безразличное лицо, будто и вовсе его не видит: мало ли кто тут стоит. Не обратив никакого внимания на пионерский галстук Амиды, Шваб вдруг улыбнулся, показав при этом свои белые красивые зубы, и сказал с сильным акцентом по-русски: «Что, сталинский шоколад кушаем? На, бери, лучше это!» – от протянул Амиде небольшую плитку шоколада в красивой темно-коричневой обертке. Амида дерзко и зло сверкнула глазами и, бросив по-кабардински: «Укамыва!» – тут же стремглав убежала,

только пятки засверкали. Шваб так и остался стоять со своим шоколадом в руке.

С того дня он прозвал Амиду «Камырыва», соединив в одном слове немецкий язык с кабардинским. Завидев кого-нибудь из домашних, он с улыбкой спрашивал: «А где же наша Камырыва?..»

Вскоре налетели советские самолеты, началась бомбежка. Одновременно из ближнего леса вышли партизаны и нагрянули в село. Офицер Шваба не вернулся в дом, Амида слышала от взрослых, что его убили. А сам Шваб, роняя бумаги, второпях собрал свой вещи, выскочил за ворота, его на ходу подобрала черная немецкая машина.

Девочка видела из окна (выходить во двор было запрещено), как во двор набилось много мужчин с оружием, они на руках подбрасывали даду вверх и кричали: «Да здравствует Исуф!»

Теперь маленькой Амиде так и не терпелось войти в опустевшую комнату, какая-то неведомая сила тянула ее туда. Она смело шагнула через порог и увидела множество разбросанных, смятых бумаг, на столе заметила немецкую открытку с изображением красивых напомаженных мужчину и женщину, нежно склонившихся головами друг к другу. Амида протянула было руку за открыткой и тут услышала звук упавшего со стола твердого предмета. Нагнувшись, она подняла его: это была небольшая плитка немецкого шоколада в коричнево-золотистой обертке. И вдруг подумалось, что она больше никогда не увидит Шваба. В эту минуту девочку охватило какое-то непонятное, неведомое до сих пор чувство, что-то такое, чего не могла охватить своим детским умом: слезы сжали ей горло, и она вдруг заплакала...

Анатолий КАМБИКОВ

Об авторе

Анатолий Камбиков – человек солидного жизненного опыта (за плечами КБГУ, годы и годы руководящей работы в Тереке, сегодня – нальчанин, трое детей, два внука), смущаясь и стесняясь, принес показать небольшой рассказ.

Прочитала – словно в детство не знакомого ранее человека заглянула: все показалось таким задушевно-трогательным, что захотелось дать возможность и другим побывать там и почувствовать, что же значит детство в жизни каждого из нас, как неожиданно и пронзительно тонко оно может вернуться.

Людмила Гурова

ЗАПАХ ХЛЕБА

1953 год. Одна из многочисленных автономных республик на просторах Родины чудесной.

Небольшой поселок городского типа, население которого не превышает девяти-десяти тысяч. Прямые широкие улицы, деревянные электрические столбы по обе стороны, частные домишки за деревянным штакетником, скамеечки у заборов, взрослые, занятые вечными житейскими проблемами, и беззаботная, звонкоголосая вездесущая детвора.

Незаметно наступают сумерки, хотя дети по-прежнему играют в свои бесконечные игры. Вот уже и в домах зажигаются электрические лампочки – верный знак, что очередной день подходит к концу, а играть так хочется!

Неожиданно кто-то не к месту вспоминает о недоученном уроке, у другого – тоже причина, и то, что минуту назад казалось незыблемым, начинается распадаться. Кто бежит, а кто, недовольный быстрым концом, бредет уныло.

Мы с братом уходим последними, затворяем за собой калитку, отвязываем пса Джюльпарса, который бегаёт по двору, как угорелый, и заявляется в дом. Сперва небольшой коридор, затем стеклянная дверь в маленькую прихожую. Вхожу, поднимаю глаза вверх налево и с радостью отмечаю, что на гвоздике под самым потолком в ручной сетке лежит буханка серого хлеба. Заглядываю в правую от двери комнату: за столом сидят старшие сестры и сосредоточенно делают уроки. На краю стола – тарелка с полбуханкой хлеба. Пробегают мысли: сестрам удалось купить по булке хлеба! Отец наш руководил небольшим предприятием в поселке. И по заведенному им распорядку, по будням за хлебом ходили сестры, а по воскресеньям, в свободное от учебы время, я составлял им компанию. Вставали мы задолго до рассвета, молча проходили несколько кварталов до магазинчика, где торговали хлебом. По предварительной договоренности, сперва подходила старшая сестра, становилась в очередь.

Как только за ней появлялся «чужой» – выходила вторая; и только после этого я покидал свое «укрытие» и пристраивался к очереди, где-то уже десятым после сестер. А все это делалось из-за строжайшего запрета продавать хлеб более одной буханки на семью. Обычно мои труды кончались ничем: покупателей много, а хлеба мало.

Бывало и так, что мы втроем приходили ни с чем. Удрученные неудачей, дома почти не разговаривали. Чтобы как-то взбодрить нас, мать успокаивала: мол, не унывайте, дети; не досталось сегодня – купим завтра, а пока испеку всем горячих кукурузных лепешек.

В коридоре, на старинном сундуке, стоял мешок с кукурузной мукой: мы зорко следили за ним и радовались, когда он полон или только наполовину пуст...

А сестры, видно, уже завершив домашние задания, с чувством исполненного долга укладывают книги в портфель.

На правах старших с поддельной строгостью укоряют: где вас до сих пор носило, кто уроки делать будет... Крыть нечем, оба молчим. Неохотно достаем портфели, вытряхиваем из них все, пытаемся вспомнить, что задано; что-то пишем и читаем. Сестры помогают. К счастью, все это заканчивается, и чувство усталости одолевает меня. В чайнике, как всегда, горячий калмыцкий чай без сахара, тонко нарезанный ломтиками черствый хлеб, но уже хочется спать...

С рассветом пробуждаюсь от мягких, неторопливых шагов нашей красивой мамы, которая уже успела растопить печь и колдует над ней, собирая на стол что-нибудь из скудных домашних припасов.

Ох, и хорошо проснуться утром, увидеть маму, как она заботится о тебе! Эта мысль убаюкивает меня, и я умудряюсь поспать еще минуту-другую.

Окончательно просыпаюсь от монотонного, чуть слышного прозвона: мама разбивает в маленькую кастрюльку яйца на завтрак.

Младший брат спрашивает, что будет на завтрак. Мать отвечает: «Дети, быстроенько поднимайтесь, скоро будет готов вкусный омлет!»

Случалось такое не каждое утро, я радовался и тому, что бог послал, а брат не унимается и дотошно продолжает:

– А сколько яиц на омлет?

– Два, – отвечает мать и продолжает, зная следующий вопрос: – Вы, дети, должны знать, о чем «говорит каждое яйцо».

– О чем, о чем? – не унимается братишка.

– А о том, что если яйцо должным образом взбить, то можно досыта накормить дюжину всадников. Так говорит старинное поверье.

Я не знал, верить этому или нет, но с радостью отмечаю, как хорошо, что на завтрак у нас будет вкусный омлет. Когда вчетвером мы сидели за стол, мать ставила дышащий ароматом омлет, разрешила на четыре равные части и наказывала тщательно, не спеша, есть его с хлебом.

После завтрака спешили на занятия. Выйдя на улицу, искали одноклассников, собирались группами по двое-трое и направлялись к школе.

Начальная школа находилась на самой окраине поселка, да и трудно было назвать ее школой – две старые одноэтажные постройки (неизвестно

для чего спроектированные), слева и справа по две одинаковые комнаты, посередине длинный коридор.

В метрах пятнадцати от них стоял маленький домик с крыльцом и двумя ступеньками из кирпича, выкрашенными в красный цвет, которые и в непогоду сверкали завидной чистотой.

В нем проживала высокая худощавая женщина, давно уже не молодая, но, видно по всему, крепкого здоровья. Ходили слухи, что она была активной участницей Гражданской и Великой Отечественной войн. Постоянно ходила со шваброй и ведром мутной воды, каждый день по два раза протирала дощатый пол длинного коридора, подметала во дворе, убирала два надворных туалета – для мальчиков и девочек, изредка делала нам замечания: обычно хватало одного ее взгляда, чтобы нас урезонить. Всегда была строгой, как бы даже озлобленной, недовольной чем-то: лицо ее никогда не посещала улыбка, мы ее понемногу побаивались и вместе с тем относились с уважением. В канун праздников после уроков всю школу выводили на большую лужайку, выстраивали в шеренгу и репетировали предстоящий парад – шествие перед районным комитетом партии. В такие дни наша техничка преображалась: выходила из дома в военном обмундировании, при погонах, подпоясанная ремнем с тщательно начищенной бляхой и двумя медалями, сверкающими на груди. Она выносила на крыльцо табурет, окрашенный в ярко-красный цвет, садилась и с неподдельным интересом наблюдала, как мы маршируем; затем неожиданно подходила к самой колонне и приветствовала возгласом:

– Октябрята и пионеры! К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!

Мы дружно отвечали:

– Всегда готовы!

Удовлетворенная нашим единодушным порывом и патриотизмом, она возвращалась к себе на крыльцо, а мы, воодушевленные вниманием участницы войны, женщины-героя, четче печатали шаг и, заряженные революционной энергией, с поднятыми высоко головами, допевали песню «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед...».

Однажды, в конце мая, наша учительница объявила, что после двух уроков у нас запланирована экскурсия на пекарню и консервный завод. Полушутя-полусерьезно, изобразив подобие улыбки, она заявила:

– На пекарне отведаем свежего хлеба, на заводе – сладкого варенья.

Нам идея очень понравилась. На перемене после первого урока об этом только и говорили.

Вот долгожданный звонок после второго урока, и вместе с учительницей мы дружно двинулись в поход: лучше узнавать родной край.

Пекарня находилась совсем близко от школы – мы ежедневно дважды проходили мимо. Обычно эту близость мы ощущали после четырех уроков, проходя через небольшой пустырь мимо ветлечебницы к пекарне; где-то на середине пустыря все, будто сговорившись или по команде, произвольно замедляли шаг – из небольшой пекарни напротив ветерок доносил неизгладимый из детской памяти аромат свежесыпеченного хлеба. Он всецело заполнял наше детское сознание желанием вдоволь насытиться

этим пахучим горячим хлебом – таким желанным и недоступным в то время. Никто не хотел осознавать причину наших остановок, но все повторялось снова и снова.

Такого вкусного запаха давно уже нет в наших краях. Правда или нет – не знаю, хотя многие утверждают, что всему виной «химия» – удобрения, нещадно вносимые в почву в прошлые годы ради высоких и устойчивых урожаев.

И вот теперь такое событие – мы идем на пекарню!

Когда наш третий класс подошел к всегда закрытым высоким воротам хлебопекарни, учительница робко постучала в железную дверь. Долго никто не отзывался: мы всем классом чутко прислушивались к каждому звуку изнутри, – откроют или нет.

Наконец, в воротах появился небольшого роста угрюмый мужчина и с явным негодованием осмотрел нас: узнав же цель визита и несколько мгновений пораздумав, принял решение и пригласил войти. Мы гурьбой пошли через двор и по очень крутой лестнице поднялись в тесный цех – святая святых пекарни. Несколько женщин и мужчин занимались обычным своим делом – пекли хлеб!

Неожиданное появление целого класса отвлекло их внимание: они с недоумением рассматривали нас, а мы – их.

В цехе стоял сладкий аромат свежее испеченного хлеба. Аккуратно разложенные на полках, еще дышащие жаром подрумяненные булки заняли наше внимание: мы смотрели на них, не отводя глаз, – никогда столько хлеба мы не видели!

Коренастый мужчина, видно, был за старшего. Подозвал высокую женщину в белом фартуке и поручил ей роль экскурсовода.

Эта женщина с некрасивым вытянутым лицом явно была не в восторге от поручения, но перечить начальству не стала. В правой руке она держала ломоть хлеба, только что отломанный у самого основания, с корочкой. Большими кусками она откусывала хлеб и, с хрустом пережевывая каждый кусок, стала рассказывать. Сколько надо сыпать муки, еще чего-то, сколько воды, сколько минут нужно вымешивать, чтобы появилось нужное тесто... Мы ее слушали без особого внимания: наши мысли и взоры были устремлены на ее руку, которая периодически поднималась ко рту. Откусывая кусок за куском, работница говорила нам несколько слов, потом пережевывала хлеб, затем продолжала говорить, и так до тех пор, пока не довела рассказ до окончательной стадии – выпечки хлеба, и указала на большие полки с хлебом: вот он – окончательный результат их работы. Я подумал: ну вот сейчас, по завершении экскурсии нам подадут свежего горячего хлеба – такого пахучего и вкусного, и мы с благодарностью попрощаемся.

...Но ничего подобного не случилось. Высокая женщина в белом фартуке сказала: «Вот и весь процесс», – и замолчала. Наступила минутная тишина.

Учительница решила вывести ситуацию из неловкого положения – задала несколько и так понятных вопросов, затем поблагодарила коллектив, и мы удалились.

За воротами пекарни мы молча, без прежнего энтузиазма двинулись в сторону консервного завода.

Учительница решила нас приободрить и спросила:

– Кто знает ближайшую дорогу на завод?

Это сработало. Дети, к счастью, быстро забывают обиды и унижения. Так и случилось. Вскоре мы оказались на «консервном».

Большие светлые цеха, конвейеры в постоянном движении, банки, наполненные овощами, фруктами, и множество молодых женщин в белых халатах с добродушными приятными лицами. В последнем цехе нас подвели к большому котлу, до самых краев наполненному готовой продукцией – горячим вареньем.

Одна из женщин сказала:

– Дети, наверно, голодны, надо бы угостить, но где же взять столько ложек.

Все засуетились, начали что-то предлагать. Вдруг в цех вбегает женщина с желтыми, блестящими крышками от баллонов, загибает и раздает каждому. Затем показывает, как осторожно, не обжигаясь, прямо из огромного котла можно брать варенье. Мы быстро научились, дули на горячее варенье, чтобы немножко остудить, и уплетали за обе щеки.

Когда, наконец, добрались до нашей улицы, мой одноклассник-сосед сказал: «Варенье было таким вкусным! Если бы у меня был кусочек хлеба, я бы много варенья съел».

С той поры прошло много времени, утекло много воды. Я не единожды стал дедом, подрастают внуки и внучки. Но события тех давних лет помню, так, будто было все вчера.

Наш небольшой поселок городского типа с большими широкими улицами, наше безмятежное детство, неповторимый запах свежее выпеченного хлеба и женщину в белом фартуке с некрасивым лицом, рассказывавшую нам, детям, технологию выпечки свежего пшеничного хлеба...

Литературная хаса «Шыхульгагуэ» («Млечный путь») осуществляет свою деятельность при Союзе писателей КБР, а начиналось все осенью 1989 г. в редакции газеты «Ленин гъуэгу» («Адыгэ псалъэ»), где я тогда работал. Почти все молодые, да и не очень молодые писатели и поэты, которые ныне активно работают в кабардинской литературе, начинали свой творческий путь в этой хасе. Многие из них приняты в Союз писателей РФ.

Конечно, не все молодые люди, которые занимаются в «Шыхульгагуэ», становятся профессиональными писателями и поэтами. Но все они любят родной язык, свою литературу, именно здесь они познают силу и возможности художественного слова, остаются верными ему, работая в газетах и журналах, на радио и телевидении, преподавая кабардинский язык и литературу в школах и высших учебных заведениях республики.

В настоящее время в литхасе «Шыхульгагуэ» занимаются около двадцати начинающих литераторов, стихи и рассказы некоторых из них мы и предлагаем вниманию читателей «Литературной Кабардино-Балкарии».

Сафарби Хахов,
консультант Союза писателей КБР,
руководитель литературной хасы «Шыхульгагуэ»

Альберт КОНУКОВ

*Родился в с. Исламей Баксанского района КБР.
Препоает математику в средней школе родного
села. Публиковался в журнале «Ойшамахо».*

* * *

Снова весна ворошит
Прошлое в дебрях души.
Времени ветер спешит,
В бездну былого летит...

Сколько отпущено жить,
Столько же буду хранить
В памяти нежный букет
Юных пленительных лет!

В памяти чудо-Весна,
Жрица волшебного сна,

Девочка, хрупкий цветок,
Мальчик, смешной мотылек,

Влюбчивый отрок-поэт,
Чисто умытый в слезах,
Пишущий первый сонет
Где-то в своих небесах...

Времени ветер унес
Облако розовых грез,
Канул души лепесток
В неудержимый поток...

* * *

Наивный юнец, мне жалко тебя:
Не знал ты действительность вовсе,
На жизнь ты смотрел, наслаждаясь, любя –
Теперь к испытаниям готовься!

Лишь в розовом цвете ты мир рисовал:
Все были добры и радушны...
Надеясь на счастье, ты юность отдал,
Без боли особой, послушно.

В пустыне бескрайней, в зловещей ночи
Идешь ты теперь в бесконечность.
Во мгле не видать ни единой свечи...
Где солнце, тепло, человечность?

Лишь дьявольский хохот враждебной волной
Раскатисто вслед раздается,
Лишь ветер свистит в пустоте ледяной,
Где только жестокость найдется...

* * *

Молчат в печали горные вершины,
Видавшие веков водоворот.
Прощается с долинами родными –
Империей раздавленный народ.

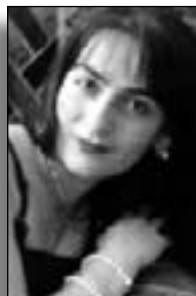
Горячей кровью обагрились скалы,
Объят огнем разгневанный Кавказ!
Ломая ружья, обнажив кинжалы,
Идут адыги в бой в последний раз...

Ушел черкес за призраком свободы,
Ушел, скорбя, чтобы не падать ниц,
Неубранными бросив проса всходы,
Оставив земли для чужих станиц.

Плачевна песня древнего народа,
С долин бесплодных Турции она
Слышна с того трагического года,
Когда была повержена страна.

Марьяна КОЧЕСОКОВА

Родилась в сел. Куркужин Баксанского района КБР, студентка КБГУ. Ее стихи публиковались в журнале «Ойхамахо», в газетах «Адыгэ псалъэ» и «Советская молодежь».

* * *

Свет выключи, открой окно
И наблюдай за листопадом,
И будь с природой заодно,
А я, как вечность, буду рядом.

Затихли улицы давно,
Сон мнет осенняя прохлада.
Деревья плачут – все равно
Ты жив, поэтому я рада.

* * *

Дни, недели, года – карусели,
Закружила нас времени вьюга.
Снова осень, на век повзрослели
И красиво молчим в час досуга.

Мы уже не увидим друг друга,
Неуместны вопросы, ответы...
Нас преследуют снов силуэты,
И конечно... твоя супруга.

* * *

Лист последний... а сколько их было
Без имен, без особых примет?
Я, наверное, солнце забыла,
Как ненужный в пространстве предмет.

Не своя, не чужая – больная
Осень-девочка с длинной косой;
Не твоя журавлиная стая –
Не преследуй – у речки постой...

* * *

Мне смотрели в глаза и верили,
А я верила всем – не своим!
Этот мир почему-то затеяли
Как признание в любви чужим.

В небесах искала я Бога,
Оказалось, являюсь Им.
Все цветы цветут у порога,
И дороги ведут не в Рим.

* * *

Зимняя, вышла на улицу
Я не в своем пальто.
Ветер – пощечина по лицу.
Люди... и каждый – Никто.

Солнце мое не отмечено.
В небе – одно колесо.
Знаешь, мне снится вечное,
А на Земле смертно все.

* * *

Меня Эйнштейном вряд ли назовут,
За то, что в осени увидела я солнце,
И города безумных не поймут,
Я в этом мире пребываю гостьей.

Совру и я – скажу, что солнца нет,
И миллионам буду я подобна.
Мы так привыкли плакать всем в ответ,
Что быть счастливой как-то неудобно.

* * *

Мои слезы в окошко твое постучат,
как безумства припадок.
Мне другие за дождь никогда не простят,
ну а сон твой так сладок.
Я бы тоже хотела заснуть под дождем
твоей сладостной боли.
Впрочем, думаю, ты здесь совсем не при чем –
вне условностей роли.

Альбина КЯРОВА

Родилась в пос. Чегем 1 (г. Чегем), студентка КБГУ. Пишет стихи и прозу, ее рассказы были опубликованы в газете «Советская молодежь», в журнале «Ойхамахо».

Звезды любви

Рассказ

На дворе была сумасшедшая весна. Под лучами щедрого солнца расцветала, казалось, вся планета. Дни становились длиннее, были удивительно жаркими, а по вечерам с гор приходила прохлада. Именно эта пора отводилась нашим редким встречам: днем он был занят на работе, я же еще училась. В тот вечер мы любовались закатом, впервые – вместе. Половина небосвода пылала, словно в огне. Серая громада города с багровыми отблесками в окнах верхних этажей зданий сливалась на горизонте с бесконечного неба. Это было волнующе красиво. Моя душа переполнялась счастьем, оттого что в эту минуту рядом со мной был именно он, я тайком наблюдала за ним. Он улыбался, взгляд его, устремленный вверх, воодушевлялся торжественной красотой заката. Прохладный ветерок играл с его непослушными волосами. Прикосновения лучей уходящего солнца ласкали его мужественные черты. Как же блестели его черные глаза, в которых мне хотелось утонуть навсегда! В эту минуту я осознала всю глубину моего чувства к нему, хотя мы встречались уже шесть месяцев: успели разделить золотую печаль листопада и долгий черно-белый сон зимы...

Я наслаждалась каждым мигом, смотрела на него, такого близкого и родного, и не могла налюбоваться. Может, из-за того, что этой встрече предшествовали три дня разлуки? Или потому, что я люблю?.. Не знаю... Ведь наши отношения – это всего лишь выдуманная нами же игра. Полгода мы превратили в игру, убеждая друг друга, что это просто флирт и не

более, ничего серьезного. Он хочет казаться равнодушным и, как все, не желает ошибаться в самом сложном выборе. Ведь это касается будущего. Наверное, поэтому он не разбрасывается признаниями в любви. Умение ждать – это я ценю в нем. Сама я тоже, глупенькая, все боюсь обжечься. Хотя очень часто представляю, почти каждый вечер, как он произносит: «Я люблю тебя». Но это мечта таится у меня в душе, так и останется, наверное, там. Разговоров о наших чувствах мы избегали, мы могли говорить о чем угодно, но только не о нас.

Когда на небе появилась первая звезда, он, улыбаясь, посмотрел на меня.

– Залина, загадай желание!

Я хитро прищурила глаза и стала думать о самом сокровенном. Мне, конечно же, очень хотелось, чтобы мы всегда были вместе...

– А у меня для тебя подарок. Вон та звезда! – Он протянул руку в сторону яркого огонька. – Я решил, что у нас должно быть что-то такое, что всегда будет объединять. Даже если будем далеко друг от друга, она всегда будет связывать нас.

Мне очень понравился его подарок, тем более, что таким романтичным он раньше не был. Я удивилась, но решила немного раззадорить, позлить его.

– Ой, а почему она такая маленькая? Ее не сразу и заметишь! Ты что, специально выбрал такую?..

– Она совсем не маленькая, – обиделся он. – Просто она выше всех на небе, потому и кажется такой. Она выше всего земного!

– Выше чего, например? – не унималась я.

– Всего, что может разлучить людей... Выше людских пороков, лжи. Такая нежная, заботливая и чуткая. А ты не заметила, как ярко она светит? – Он явно уклонялся от начатой темы. Я сделала вид, что не замечаю этого. Подняла взгляд и стала пристально всматриваться в ночное небо... Нет, все-таки он прав. Звезда была удивительно яркой и совсем не маленькой. И я испытала гордость: ведь никогда еще такого подарка я не получала, никогда!

С той встречи каждую ночь выглядывала в окно и любовалась самым дорогим и любимым подарком. По-детски наивно и доверчиво я всем делилась со своей звездой, рассказывала о каждом своем дне, говорила о своих чувствах, а своей большой любви. И каждый раз она становилась ближе и ярче. Мне казалось, что звездочка впитывает в себя всю энергию нежных чувств, которыми было наполнено мое сердце. А потом я стала замечать, что звезда отвечает мне: когда я бывала не права, она начинала раздраженно мерцать.

...Мы не виделись целых два дня, умирая от скуки по любимому, я снова заговорила со своей звездой:

– Не хочу первой звонить ему!

Моя небесная подружка мигала мне, выражая свое неудовольствие. Она возражала, я упрячилась:

– Ведь мы не ссорились. Он же сам сказал, что позвонит! Я никогда ему первой не звоню, ты же знаешь. Всегда он! – гордо задрал носик, я пос-

мотрела в небо, но спустя секунду, снова поникла головой и съежилась. – А может, с ним что-нибудь случилось?..

Свет звезды оставался ровным, спокойным.

– Вот видишь, с ним все в порядке. И гордость моя совсем не при чем. Не буду звонить, подожду еще...

Прошло еще два долгих дня. Не выдержав, дрожащей рукой я набрала номер его телефона. Одиннадцать циферок, и длинные гудки потянулись к нему и, оттолкнувшись от него, обратно ко мне. Они издевались надо мной. И каждый звук был неприятен и этим походил на остальные. Ожидание и долгие гудки... и вдруг – бодрый голос. Я растерялась. Стремительно нажала на кнопку и отбросила телефон в сторону. Упала на кровать и расплакалась. От одиночества и тоски сжалось сердце. Я вспоминала счастливые минуты наших встреч, и хрустальные капельки боли и печали текли по моим щекам. Мне так хотелось быть с ним, вместе дышать, вместе слушать мир вокруг нас, вместе смотреть на него, вместе думать о нас, о нашем будущем. Вместе идти под первым снегом, бежать по шуршащим листьям, чувствовать совместное биение наших сердец, вместе читать одну книгу, смотреть один фильм, вместе плакать под грустную музыку, готовить завтрак, плескаться под душем, слушать тишину и мечтать об одном и том же, вместе любить лето, красный цвет, аромат дыни...

Я стремилась к его любви, а получила обман, предательство. На душе стало как-то холодно, неуютно, и в тоже время я отчетливо понимала, что мне не хватает именно его тепла, нежного голоса...

Лежа в одиночестве, я плакала, и сквозь влагу на глазах пробивались блики от светильника на стене. Они напоминали то волшебную паутинку, то весенних светлячков, то россыпь горного хрусталя. В приоткрытое окно заглянула моя звезда, позвала своим мерцанием, словно хотела что-то сказать. Я ее опередила:

– Вот видишь! Не стоило звонить. Он просто нашел себе другую. А я, глупая, ждала его, верила, что скоро между нами... – вытирая соленые капельки, я судорожно вздохнула и речь моя сбилась.

Она перестала мигать – согласилась со мной. С этого дня самый дорогой мой подарок начал тускнеть.

...Шла третья неделя без него. Мой телефон молчал. Я по-прежнему ждала, задыхалась от своей любви. Глупо, но я все равно сжимала трубку в руках, желая только одного – чтобы на экране высветились буквы его имени, заиграла его мелодия. Когда же телефон вдруг оживал, вздрагивала, но... надежда сменялась отчаянием. Мне так хотелось поговорить с ним, столько рассказать!

– Дорогая звездочка, сделай так, чтобы он ко мне пришел! Ты ведь знаешь: я так его жду! – в первый раз просила ее, комкая в руках мокрый носовой платок. – Я все ему расскажу. И как давно его люблю... Пусть хотя бы позвонит. Не хочу думать о гордости, лишь бы он пришел...

Я думала о нем постоянно. Мне казалось, что когда он окажется рядом – почувствует всю глубину моей любви, поймет, что у нее есть границы, однако не сможет достичь ее берегов, не достигнет и ее дна. Потому что моя любовь, источаясь тихим ключом, разливается бурной горной

рекой, впадающей в непомерный простор моря, но и море – это капля в океане. Когда он будет рядом со мной, легкое дыхание бриза – наследника бури – окрылит его своей свежестью и беззаботностью. Ветер прошепчет ласково, позовет: «Я хочу, чтобы ты был рядом со мной...» Но все это были мои грезы, рассудок же твердил, что я потеряла его навсегда. Однако я думала еще и о том, что сильный мужчина не будет таиться, он раскроет свою душу перед человеком, который ему дорог. Сильный мужчина – не тот, кто никогда не падает, а тот, кто находит силы подняться, если упадет. Я знала, что он сильный, самый сильный и смелый, но почему же мне так хотелось, чтобы он пришел и уткнулся носом в мое плечо, чтобы признался, что жить без меня не может...

К исходу второго месяца я уже не звала и не ждала. Смирившись, жила своей грустной жизнью. Но он пришел.

– Залина, вчера видел, как падала наша звезда, и я успел загадать желание. Я хочу всегда быть с тобой. Я многое понял, прости...

– Звезды не могут исполнять желания. Это все выдумки. Мы сами должны стремиться к своей мечте, пытаться ее исполнить. А звезды... звезды – это печаль людей. Когда она становится больше, чем сама звезда, звезда гаснет и падает на землю, чтобы сказать людям, что сгорела ради них, ради их любви, которая не должна погаснуть... Никогда... – я отвернулась в сторону. Не хотела, чтобы он видел слезы...

Сейчас, по прошествии времени, сидя во дворе нашего дома и вдруг заметив, как падает звезда, я тихо сказала: «Она сгорела, дав вам последний шанс. Берегите свою любовь, не играйте звездами любви так небрежно...»

Я многое еще хотела вспомнить, но услышав, как плачет наш сынишка, поспешила к нему.

– А он весь в тебя, – сказала мужу, – тоже не любит долго оставаться без внимания! – Подхватила сына на руки. – Да, мой хороший? Да! Ты же похож на своего отца!

Мальш перестал плакать и нежился в моих руках. И тогда его отец тихо сказал:

– Я так люблю на вас смотреть! Особенно когда ты с ним играешь или, вот как сейчас, нежно обнимаешь. Я начинаю любить тебя еще сильнее. Спасибо за то, что ты есть, за все спасибо...

Анфиса КАНУКОВА

Родилась в сел. Дугулубгей (г. Баксан) Баксанского района КБР, магистр химического факультета КБГУ. Пишет стихи и прозу, публиковалась в газете «Адыгэ псалъэ», в журнале «Ойшамахо».

Карма бессмертного

Знаешь ты, в чем твое назначение,
Свою сущность изведать ты смог?
Жажду к жизни или отвращенье,
Заложил в тебя бес или бог?

В бесконечном, бессмысленном беге
Ты не знаешь земную любовь.
Ной не дал тебе места в ковчеге.
Так откуда ты, чья в тебе кровь?

Ты все войны бессчетные помнишь,
Падал в пропасти, снова взлетал.
Свою память ты датами наполнишь –
Как свидетель великих начал.

Лишь одно не осилит твой разум,
Не пробьет твоих дум острие,
Отступая назад раз за разом, –
Как зовут тебя? Имя твое?

Раньше всех поспеваешь ты всюду,
Все движенья, как пламя, лихи,
Счастье дашь ты несчастному люду?
Нет, ты множишь людские грехи!

Да, ты сильный; как ветер, свободный;
Ты – герой, но – никто и ничей!
Ты бессмертный! На что же ты годный?
Быть растопкой для адских огней?

Твою радость развеяло время,
Век за веком скрипят, как обоз...
На плечах твоих вечности бремя,
На губах – привкус собственных слез.

* * *

Нас создал бог, – ответ держать пред ним.
Всех наделил он разумом когда-то,
Но каждый из людей неповторим,
Натура по-особому богата.

И каждый знает цену себе сам,
Находит свое место и призванье,
Душою обращаясь к небесам –
Признательность являя и признание.

Какой мне уготован путь земной?
 Всегда ли будет спутницей тревога,
 Захочет счастье встретиться со мной?
 Могу ли этим беспокоить бога?

Но я должна понять: зачем я здесь
 И для чего? В стремленьях наших лучших
 Нет образца, зато соблазны есть...
 Как участи избегнуть душ заблудших?

Вопросы, на которые не бог,
 Но мы должны ответить перед богом.
 За каждый шаг непройденных дорог,
 За наше неучастие во многом.

* * *

Никто не слышал до сих пор
 Души моей немного крика.
 Ничей проникновенный взор
 Не замечает, как безлика,

Нет среди них души родной,
 Нет согревающего слова.
 Так и бродить во тьме одной,
 Найти тропу и сбиться снова?

Как беспросветна жизнь моя,
 Как одиноко в этом мире...
 Живу, печаль свою тая,
 А круг друзей все шире, шире...

И чтобы не сойти с ума
 В часы досуга, что так серы,
 Играю в жизнь, и в ней сама –
 Ищу слова любви и веры.

Азамат ДЗАГАШТОВ

Родился в сел. Новое Хамидие Терского района КБР, студент КБГУ. Его рассказы были опубликованы в газетах «Адыгэ псалъэ» и «Советская молодежь».

Лиха беда начало

Рассказ

Прошла всего лишь неделя нашей учебы на втором курсе в университете. Еще не втянувшись в строгий распорядок занятий, студенты воспринимали требования преподавателей как чрезмерные, они же, в свою очередь, считали, что мы делаем значительно менее того, на что способны и что обязаны выполнять ежедневно, – хоть и без особого рвения, мы все-таки старались выполнять эти требования.

В один из сентябрьских дней я отправился в городскую библиотеку, чтобы подготовиться к занятиям. Несмотря на заверения календаря, осенью еще и не пахло. День выдался таким жарким, что мне стоило больших трудов следовать намеченной цели, а не забросить все дела и оказаться на берегу прохладной речки.

Прикосновения солнечных лучей были подобны укусам. По краю небосклона, словно опасаясь кусающегося солнца, медленно, как усталый караван в пустыне, тянулась вереница облаков. Сквозь городской шум пробивалось пение птиц. Улица, ведущая к центру, была заполнена молодежью, парни и девушки – кто парой, кто группой – шли и спереди, и сзади меня, перебрасывались шутками, смеялись...

Так получилось, что группа, в которой я учился, подавляющим большинством состояла из девушек. Не знаю почему, но это соотношение – двадцать к одному – никак не сказалось на моей личной жизни, ни с одной из них я не встречался: то ли я им не нравился, то ли меня смущал такой большой выбор...

Войдя в библиотеку и отметив приятную прохладу, царившую под ее сводами, я взял пропускной листочек и поднялся на второй этаж. Там встал в очередь у стойки, где выдают книги. В ожидании осматривался по сторонам... слева от меня за столиком склонилась над книгой незнакомая девушка... взгляд мой невольно остановился. Она показалась мне удивительно красивой...

– Молодой человек, слушаю вас, – голос девушки-библиотекаря вернул меня к реальности.

Я объяснил, какая книга мне нужна. Библиотекарша подумала, зачем-то посмотрела в потолок, не нашла ответа и там, после чего посоветовала мне поискать нужную книгу по каталогу и ушла. Заминка в поисках обрадовала меня больше, чем разочаровала. Это был повод для того, чтобы – выбрав из картотеки небольшой ящик с карточками – подойти к столу, за которым сидела незнакомка, и вежливо спросить у нее разрешения присесть рядом. Она взглянула на меня, слегка улыбнувшись, пожала плечами и ничего не сказала. Но эта блеснувшая на мгновение улыбка придала мне уверенности, воодушевила. Я положил на край стола свои тетрадки, ящик и сел на свободный стул.

Что за красавица она была! Ее черные глаза пробежали по страницам книги, горели азартом поиска, лицо же казалось строгим, и вообще она была увлечена текстом больше, чем окружающей действительностью, и вряд ли замечала мои заинтересованные взгляды. А я машинально перебирал карточки, даже не пытаясь понять их содержание, и наблюдал за своей соседкой. Не знаю, сколько так прошло времени, но вдруг, сам изумляясь своей решимости, я произнес:

– Девушка, как вас зовут... простите, можно с вами познакомиться?..

Пауза, во время которой она убирала прядь волос, скрывшую от меня ее глаза, показалась настоящей пыткой. Удивление и настороженность – вот что было в ее взгляде, всего лишь на секунду устремленном на меня, затем взгляд потупился. Мне показалось, что массивные колонны, несущие потолок, передали всю его тяжесть моим плечам...

– Ася, – вымолвила она едва слышно, и от звука ее голоса исчезли вдруг и эта тяжесть, и мучительная неловкость, и тревога, едва не приведшая меня в отчаяние.

– Очень приятно! – сказал я, не сумев вложить в эти слова и сотой доли того приятного чувства, которое преобразило весь мир вокруг меня, наполнило его удивительным смыслом. – А я – Тимур, – и протянул ей руку.

Девушка улыбнулась более приветливо, но когда мое рукопожатие затянулось, она деликатно высвободила свою ладонь и, явно из вежливости, сообщила, что ей тоже приятно.

Какая белая у нее рука, я бы никогда ее не отпускал, наслаждаясь, смотрел бы на эти тонкие брови, на бледно-румяное личико, на маленький прямой нос... Но молчание становилось неловким, и я стал спрашивать, где она учится, чем увлекается... Она отвечала на мои вопросы достаточно подробно, однако в интонациях ее голоса четко обозначилось расстояние, которого требует приличие в отношениях едва знакомых людей, этим же в разговоре исключались любые вольности с моей стороны. Когда же в глазах девушки растаяла настороженность, я попросил номер ее сотового и, не найдя ничего лучшего для записи, протянул свою тетрадь. На внутренней стороне обложки Ася аккуратно вывела ряд цифр. Словно дорогой подарок я принял свою тетрадь обратно и тогда только вспомнил о задании, ради которого и пришел сегодня в библиотеку.

– ...Еще встретимся, надеюсь. Приятно было познакомиться... – я поднялся со своего места и, оставив мою собеседницу за столом, снова подошел к столу выдачи. По каталогу я так ничего и не нашел (да и не искал), но через пару минут библиотекарша, на этот раз другая, вынесла нужную мне книгу. С ней я и отправился в читальный зал.

Напрасные усилия что-либо понять и усвоить из этой книги: я сидел как на иголках, то и дело поглядывая в сторону открытой двери – в надежде увидеть Асю. Так, переводя взгляд с книги на дверь, я наконец услышал звонок, словно говоривший: «Сдавайте литературу и – прочь из библиотеки!» Что было делать? Расстроенный, я был похож на охотника, который погнался за двумя зайцами и ни одного не поймал.

Пошел сдавать книгу. Аси за столом уже не было. На первом этаже остановился у большого зеркала... В этот самый миг я увидел, как Ася спускается по лестнице со второго этажа!

Я бросился к выходу, рассчитав, что когда девушка приблизится, я галантно придержу тяжелую дверь, снабженную к тому же очень тугой пружиной. Так и сделал. Девушка подошла к выходу, я напрягся и распахнул перед ней дверь, но от волнения ладони мои вспотели – лакированная ручка выскользнула из них, Ася оказалась придавленной, как мышка в мышеловке. Надо было видеть ее лицо, досаду, с которой она приняла эту мою «помощь». Она могла подумать, что я нарочно это устроил! В следующее мгновение я всем телом навалился на дверь и освободил пленницу из тяжелых объятий чертовой двери.

– Извини, я случайно, – забормотал, оправдываясь, стгорая от стыда, с бешено колотящимся сердцем. – Тебе не больно? Ради бога, извини...

Девушка поправила платье, взглянула на меня и, – наверное, у меня был очень испуганный вид, – улыбнулась.

– Ничего, бывает...

– И все-таки разреши, я провожу тебя, хотя бы до остановки.

Она смотрела уже с удивлением, впрочем, ответила тоном довольно безразличным:

– Как хочешь.

Мы повернули в сторону центрального проспекта, а когда дошли до площади перед музтеатром, украшенной множеством клумб, я наклонился и сорвал темно-красную розу. В надежде окончательно загладить свою недавнюю неловкость, я протянул цветок Асе. Щеки ее порозовели, словно роза передала свой цвет, девушке явно понравилась моя обходительность. Она взяла цветок и, как обычно делают в таких случаях, поднесла к лицу, чтобы вдохнуть его аромат. Я, наоборот, выдохнул с облегчением и хотел сказать что-нибудь о сходстве красоты цветка и моей новой знакомой, но... Слова замерзли на кончике языка, когда я увидел, что, раздвинув бархатные лепестки, из розы... вылетела пчела. Не дав опомниться, что-либо предпринять, она очутилась у розовых, идеальных по форме, чуть полноватых губ Аси, на которые я даже смотреть не мог без волнения. Тут же девушка, вскрикнув, резко отшатнулась и закрыла лицо обеими руками. Неизвестно чем разгневанная пчела ужалила ее в нижнюю губу...

За что судьба устроила мне такое суровое испытание? Но я безмерно благодарен своей судьбе – именно в тот день она свела меня с самой прекрасной на свете девушкой. Возможно, тогда Ася проклинала меня в душе, но сегодня она говорит, что любит меня, как никогда и никого! И это – взаимная любовь.

Залина ШОМАХОВА

Родилась в сел. Курп (Инаркой) Терского района КБР, студентка КБГУ. Пишет рассказы для детей и взрослых, публиковалась в журнале «Нур», газетах «Адыгэ псалъэ», «Советская молодежь».

Райская птичка

Рассказ

Рано утром Асият проснулась от страшного сна. Попыталась пристать, но болезнь, сковавшая все тело, не позволила ей этого. Она посмотрела на спящего рядом мужа и, пожалев, не стала его будить. Так и лежала, думая о своей жизни: как вышла замуж, как родила первого ребенка, как заболела после рождения младшей. Вспомнила и тот день, когда узнала, что болезнь ее неизлечима, о многом еще передумала. Потом

мысли ее вернулись к так напугавшему ее сну. Всю ночь она гонялась за совой, не пуская ту во двор, но ужасная птица все же влетела. И семья плачет, все бросают в сову что подвернется под руку, но она ни с места, словно окаменела.

Заворочался и проснулся муж.

– Ну, как ты себя чувствуешь? Как спалось? – Мурат спросил, как всегда участливо и нежно, заранее зная, какой ответ получит.

– Мне намного лучше, только на улицу хочется. Помогите мне выйти.

– Конечно, – сказал он, и взял ее за исхудавшие руки. «Кто бы мог подумать, что такая красивая девушка за такой короткий срок может стать вот такой. Лицо морщинистое, черные волосы поседели. Болезнь поедает ее изнутри. Но когда смотришь на нее, улыбается через силу, чтобы не заставлять родных тревожиться...»

Был уже полдень, когда супруги вышли из дома. Мурат показал на розу, которая расцвела во дворе.

– Посмотри, ты тоже скоро вот так расцветешь.

Бледные губы Асият сложились в грустную улыбку, невольная слеза скатилась по щеке. Муж бережно подвел ее к цветку, она склонилась, нежно погладила цветок слабеющей рукой.

– Хочешь, срежем эту розу, и поставим у кровати? Будет радовать...

– Что ты! – покачала головой Асият. – Зачем отнимать жизнь у того, кто лишь начинает жить и цвести!

Они посидели немного на солнышке, затем Мурат отвел ее в дом. Снова она осталась в четырех стенах, в одиночестве. Старшая дочь ушла в школу, среднюю отвели в садик, а самая младшая, ничего не подозревая, еще сладко спала в детской. «Сегодня мне, кажется, получше, – думала Асият, – хоть и сказали доктора, что мне не выздороветь. Бывает, что и они ошибаются. У Аллаха большая сила, может быть, он сжалился надо мной? На свете нет ни одной болезни, против которой не найдено лекарство. А где же мое?...» – Думая обо всем этом, Асият чувствовала, как по лицу бегут слезы.

За дверью послышалась веселая возня, и в комнату вбежала ее младшенькая.

– Иди скорей, моя сладкая! – протянула навстречу руки Асият.

Лина бросила свои игрушки, взобралась на кровать и легла рядом с матерью, обняв ее маленькими ручонками, как будто пыталась отгородить от болезни, от смерти...

Когда Мурат вошел в спальню, у мертвого тела матери лежал спавший ребенок. В смятении он стал будить Лину, та спросонья держалась за мать, потом – когда оказалась на крепких отцовских руках – стала плакать. Бедная, она как будто понимала, что потеряла самого близкого человека на свете, и что его не вернуть.

К вечеру в доме собралось очень много людей, все были потрясены, что такая красивая и молодая женщина ушла из жизни. Мурат держал себя в руках, а слезы упрямо наворачивались на глаза. Но когда вошел брат, которого ждали за месяц до случившегося, Мурат не выдержал, заплакал. Брат обнял его и сказал:

– Держись, будь сильным. Асият умерла, но оставила память о себе – ваших детей, ради них ты должен жить.

Мурат отвернулся, чтобы вытереть слезы, и вдруг увидел, что роза, вчера еще цветущая, уже завяла. Потом вспомнил, что ее посадила Асият. Почему такое может быть? Цветок почувствовал горе, не захотел жить после того, как умерла та, чьи руки растили его? В жизни происходят удивительные явления, сути которых мы не можем понять.

Через несколько недель Мурат вернулся на работу. Однажды вечером, не успев войти в дом, к нему подбежала средняя дочь – кучерявая Ляна.

– Папа, папа, у нас прибавление!

– Какое прибавление? – удивился Мурат.

– Вот, посмотри на эту птичку, она уже два-три дня как прилетает к нам. И я ее кормлю. Красивая, правда? Как называются такие птицы?

Мурат изумленно посмотрел на пернатую гостью.

– Это... райская птичка. Те, кого Аллах любит больше всех, у которых в этой жизни нет грехов, после смерти возвращаются райскими птицами, – сказал Мурат и, задумавшись, вошел в дом. С этого дня все в доме с особенным чувством встречали чудесную птичку. Хоть и не было разговоров по этому поводу, но в глубине души все верили, что это вернулась Асият.

Мурат разрывался между работой и семьей, трудно ему было, случилось – совсем неумогу, но что поделать, надо жить. По дому приходила помогать сестра. Однажды дверь оставили открытой, влетела райская птичка, облетела все комнаты и села на кровать, где раньше спала Асият. Когда вошел Мурат, птичка выпорхнула во двор. Он вышел следом и обнаружил ее сидящей рядом с увядшей розой.

– Если мои глаза меня не обманывают, то ты Асият!

Птичка пела, соглашаясь с его словами.

– Ах, ты моя бедненькая, тебе легче? У тебя больше ничего не болит? Тебе там лучше?..

Она снова пропела свою звонкую песню и улетела в небо. С этого дня птичке стали отдельно давать еду и питье. А спустя какое-то время к Мурату пришли брат с сестрой и после долгого разговора настояли, чтобы он подумал о спутнице жизни, ради детей, ради блага семьи. Они и невесту присмотрели, нужно было лишь его согласие.

Поездку за невестой назначили на субботу. Мурат с родственниками приехали в дом ее родителей, посидели как положено, выпили, потанцевали, настало время возвращаться. В своем дворе Мурат вдруг остановился, перед ним на земле сидела райская птичка и пристально, как человек, смотрела ему в глаза.

– Асият! Это же моя Асият! – закричал он.

Ропот прошел между людьми. Невеста упала в обморок.

– Моя Асият, что же я делаю?! – Мурат обхватил голову руками и побежал прочь со двора. Гости, а что им оставалось делать, разошлись.

Анжела НАРТОКОВА

Родилась в сел. Дугулубгей Баксанского района (г. Баксан) КБР, окончила Нальчикский педагогический колледж, пишет стихи и прозу. Публиковалась в газетах «Советская молодежь», «Адыгэ псалтэ», в журнале «Ошхамахо», принимала участие в совещании молодых литераторов ЮФО, проходившем на родине М. Шолохова в станице Вешенской (2004).

* * *

Книгу жизни тихо открываю,
По забытым я иду следам,
По ушедшим в прошлые годам, –
Узнаю, как будто вспоминаю.

Там всегда мечтали, как о чуде,
Счастье в этом мире обрести.
В славе были многие, в чести,
А кого из них припомнят люди?

Войны там шумели и пиры,
Там рождались песни и моления.
Города не видела, селенья,
Где несчастной не было поры.

Наша жизнь – как мутная река,
Схвачена крутыми берегами.
Где исток, и что пребудет с нами?
Как минуты вдаль текут века...

* * *

Жизнь сюрпризами полна –
Снова я тобой больна.
Улечу, как птица, я
В теплые края.

Если в дверь мою, без стука,
Вдруг пожалует разлука.
В полной мгле, в слезах, в бреду
Я тебя найду.

Знаю, что любовь сильна,
Всюду светит мне она.
Помолюсь я за тебя,
Преданно любя.

Подойду к тебе тихонько,
Посмотрю в глаза легонько.
Если нет в них пустоты –
Значит, любишь ты.

* * *

Молчит с утра мой телефон...
Часы неторопливым бегом
Вступают в зимний марафон –
Наш двор заносит первым снегом.

Она подскажет, с кем дружить,
Приостановит, поторопит,
Вручит, как Ариадны нить,
Трудами обретенный опыт.

Под снегом пара голубков
Грустит о чем-то, – скоро холод
Со звоном ледяных оков
Пожалует в наш тихий город.

...Белеет за окном ковер,
Еще не тронутый следами.
А на душе такой простор –
Даль с белопенными садами.

Снежинки в предзакатный час
Кружатся в вальсе – вышли сроки:
Я больше не войду в свой класс –
У жизни буду брать уроки.

Зимы начало, только мне –
Как сон проходит сквозь ресницы:
Бегу навстречу той весне,
Где о любви поют все птицы.

Аслангери БЕРБЕКОВ

Родился в г. Нарткале, ученик 11-го класса с. Анзорей Лескенского района КБР. Пишет стихи и рассказы для детей и взрослых, публиковался в газетах «Адыгэ псалъэ», «Советская молодежь», в журналах «Ойхамахо» и «Нур».

Сад-огород

У забора –
Помидоры,
Возле речки
Растет гречка.
Хорошо, что нам дано
Ароматное пшено.
Вот клубника,
Земляника,
Есть и сливы,
Есть и тыква.
Самый сочный здесь –
Арбуз.
Он важнее всех,
Как туз.
Ну а дальше –
Лук зеленый,
А потом чеснок, –
Нет растения полезней,
Прочь прогонит все болезни.
Здесь растет и огурец.
Все собрал: ты – молодец!

Диана ПРОСКУРЯКОВА

Общезвестно, литература всегда была и остается мерилом духовного, нравственного состояния общества. И хотя в наше время интерес к книге не такой, как это было, скажем, в XX в., все же она занимает прочное место в жизни человека. Приятно, что молодежь тянется к чтению, и об этом нам регулярно сообщают печатные издания, в числе которых – республиканский журнал «Литературная Кабардино-Балкария». На страницах этого журнала печатаются наши молодые дарования, и мы, читатели, имеем возможность познакомиться с их пробами пера.

Хотелось бы обратить внимание читателей журнала на подборку стихов Дианы Проскуряковой – учащейся 9 кл. МОУ СОШ № 6 г. Баксана.

Имея небольшой стаж литературного творчества, Диана тем не менее является призером многих конкурсов, имя ее известно в родном городе Баксане.

Диана – победитель конкурса стихов «Мы дети Кавказа», проведенного детским республиканским журналом «Солнышко», победитель всероссийского конкурса творческих работ «Пешеходов надо любить», проведенного газетой «Добрая дорога Детства». Одно из последних завоеваний Дианы – это титул «Юнкор Года – 2007», полученный в результате участия в ежегодном городском конкурсе «Юные журналисты».

Стихи Дианы – это поиск своего «я», размышления, рассуждения на разные темы: о детстве, друзьях, о родном крае, природе, о войне, о жизни вообще.

Аннета Лелевна Мамхегова,
учитель русского языка и литературы,
МОУ СОШ № 6 г. Баксан

Мы — дети Кавказа

Мы – дети Кавказа, и этим гордимся,
Мы к счастью, к обилию, к миру стремимся.
Хотим мы спокойствия нашим вершинам,
Ясного солнца желаем долинам.
Пусть горные реки бурливо несутся,
Пусть песни красивые наши поются.
Эльбрус, свою жизнь исчисляя веками,
Вечным пусть будет под облаками!

К мудрости старших взор обращаем,
Быть их достойными мы обещаем.
Мы – дети Кавказа, и этим гордимся,
Мы к счастью, и к миру, и к дружбе стремимся!

С благодарностью к жизни

За каждый день, мне данный свыше,
Тебя я, Жизнь, благодарю.
За то, что вижу, говорю и слышу,
Тебе молитвы приношу.
Я людям всем добра желаю,
Для близких радости прошу.
Что завтра будет, я не знаю,
И взрослой быть я не спешу.
Их жизнь проблемами богата,
У них работа и семья,
Они всегда спешат куда-то,
Им не подходит жизнь моя.
Про нашу землю, небо, горы
Стихи слагаю и пою.
За нашу жизнь без бед и горя
Тебя я, Жизнь, благодарю.

Эльбрус

Я видела Эльбрус, как на ладони,
Я видела солнцем щедро залитый край,
Вечно зеленый, величаво-спокойный,
Это и есть, наверное, рай.
Сколько мифов, легенд и сказаний
Этот могучий старец собрал.
Чудесных строк, восхищенных признаний
Сколько Пушкин о нем написал.
Он у него «колосс двуглавый
В венце блистает ледяном»,
Он очень гордый, своенравный,
«белеет в небе голубом».
Зима и лето – здесь все сплетено:
Зелень, снег, цветы и лед,
Все необычно, мудрено,
Здесь морозит, там – цветет.
Ледник «семерка» по склону горы
Тянется вниз и недвижно лежит.
Щедрый Эльбрус посылает дары,

Баксан, ручейком начинаясь, бежит.
 Здесь можно взмыть вверх, под облака,
 Встать вровень с вершиной, хотя бы на миг...
 А если мечта эта так далека,
 Будь счастлив ты тем, что в жизни постиг!

Динара АФАУНОВА,
 ученица 9 класса

Воспоминания об осени

Осень – любимое время года романтиков, поэтов или просто мечтателей: яркие краски, шелест листьев, даже воздух наполнен необычным запахом. Осень начинается незаметно, медленно, по листочку, оголяются деревья.

Я помню тот день, когда ярко светило солнце, и я увидела, как падает первый, еще зеленый лист. Мне стало немного грустно: еще вчера в нем теплилась жизнь, он грелся в лучах солнца, а сегодня он лежит на земле и постепенно высыхает. Я научилась любить осень именно за то, что листья, как люди, – они рождаются, живут и умирают.

Осенью переводят время, и поэтому рано темнеет... Я долго могу смотреть в окно, когда желтый свет освещает листопад, быстрый как жизнь. А утром бегают дети с огромными букетами из листьев.

Я люблю, когда начинаются дожди. Выходишь на улицу – холод, дышится легко, и этот воздух, который наполняет меня энергией и нескончаемым чувством радости, когда можешь быть маленькой и прыгнуть в самую большую лужу, когда готов на отчаянные поступки, когда хочется любить.

А краски, яркие краски листьев, это же не просто цвета, это их характеры.

Красные – сильные, уверенные, страстные.

Желтые – мечтательные, тихие, забывчивые, печальные.

Коричневые – мудрые, здравомыслящие, медленные.

Все эти характеры составляют мое душевное состояние осенью.

В конце осени обычно выпадает снег, он нежно покрывает листья,

будто мать свое дитя, хочется плакать, когда снег тает, листья становятся старыми, чернеют от усталости, а потом и вовсе рассыпаются, гниют и превращаются в чернозем. Ты не успеваешь заметить, и они пропадают, все происходит быстро и легко.

Смерти подвержены не только люди...

Я была еще совсем маленькая, когда меня начала восхищать осень, я думала, что где-то там, далеко-далеко, солнце сердится на листья и сжигает их. Мне бывало очень грустно, и я плакала от этого. Я собирала листья и хранила их дома, но они высыхали.

Прошлая осень запомнилась мне на всю жизнь. А что в ней особенного? Я впервые взяла в руки фотоаппарат, проводила много времени, просматривая сделанные снимки, и влюбилась в осень еще больше. Я хотела вернуть жизнь листьям, я с ними разговаривала, не давала им уснуть навсегда.

Мне хотелось жить! Я хотела, чтобы они жили! Они приносят миру столько улыбок и красоты... а потом о них забывают.

Сейчас листья живут на моих фотографиях, как старые друзья, которых я буду помнить всегда.

Теперь весь мир я вижу через объектив своего фотоаппарата, все это вокруг меня. Я ловлю момент, сейчас – миг, когда я живу, миг, когда у меня есть шанс жить.

Когда-нибудь я выключу телевизор, компьютер, телефон, поставлю музыку на паузу, выйду на улицу, под дождь, ветер, и прыгну в листья, буду смеяться, как ребенок, на меня будут показывать пальцем, ко мне будут подбегать дети, но я не буду никуда смотреть, мне будет все равно! Ведь в тот момент я буду счастлива!

А потом я закрою глаза, мне захочется остановить время, но стрелки часов будут быстро бежать все вперед и вперед, потому что это и есть жизнь.

70-летие образования Управления связи КБР и 5-летие филиала ОАО «ЮТК»

Цифровой регион

Эти пять лет работы в составе ЮТК Кабардино-Балкарский филиал активно развивал сети республики, последовательно меня морально устаревшие аналоговые АТС на современные цифровые станции. В общей сложности филиал ввел в эксплуатацию более 95 тысяч номеров, при этом абонентская база телефонной сети выросла на 26 тысяч номеров. Сегодня в республике более 168 тысяч клиентов, а емкость телефонной сети составляет 175 тысяч номеров.

Волоконно-оптические линии связи соединили все районные центры и многие сельские населенные пункты КБР. Цифровизация транспортной сети филиала составляет 100%, на коммутационной сети достигнут уровень 67%.

Значительные инвестиции в модернизацию сети электросвязи позволили построить в республике более 280 км ВОЛС на зонавых направлениях и более 330 км – на местных. Сегодня волоконно-оптические линии связи соединили не только районные центры республики, но и многие сельские населенные пункты. Степень цифровизации транспортной сети филиала составляет сегодня 100%, на коммутационной сети достигнут уровень 67%.

В результате комплекса организационно-технических и технологических мероприятий, проведенных на сети Кабардино-Балкарского филиала, значительно улучшилось качество предоставляемых услуг связи. В республике ликвидирована очередь на установку телефонов, которая на начало 2002 года составляла более 30 тысяч человек.

С пятилетним периодом связано строительство и стремительное развитие сети передачи данных и мультисервисной сети филиала. Теперь ОАО Кабардино-Балкарский филиал предлагает клиентам широкий спектр новых услуг связи: доступ в Интернет, телематические службы, широкополосный доступ, IPTV, Call-центр и т. д. Сегодня у филиала 18 тысяч абонентов коммутируемого доступа в сеть Интернет и более 3 тысяч пользователей широкополосного доступа по технологии ADSL.

Торжественное собрание, посвященное 70-летию образования Управления связи КБР
и 5-летию филиала ОАО «ЮТК»

**Борис Кистуевич
Шухостанов,**

зам. Генерального директо-
ра ОАО «ЮТК» – директор
Кабардино-Балкарского
филиала

Локомотив развития республики

Сегодня перед Южной Телекоммуникационной Компанией, как неотъемлемой частью всей инфраструктуры связи РФ, стоит вопрос построения сетей связи следующего поколения (NGN) и определения своего места в стремительно развивающемся информационно-телекоммуникационном пространстве.

Сети связи следующего поколения, фрагменты которой созданы уже сегодня, будут основаны на пакетной технологии передачи и коммутации всех видов информации. В эпоху становления и глобализации информационного общества темпы роста телекоммуникационной и информационной сферы ежегодно превышают темпы роста экономики других отраслей в 4 раза. Очевидно, что инфокоммуникации ста-

нут локомотивом развития всего мирового сообщества.

Кабардино-Балкарский филиал видит своей основной задачей сегодня не только предоставление высококачественных телекоммуникационных услуг населению, организациям и органам государственной власти, но и полное удовлетворение растущих потребностей развивающейся экономики Кабардино-Балкарской Республики в сфере информационных технологий.

Решение этой задачи позволит создать в республике информационное общество, интегрированное в глобальную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру.

Сегодня Кабардино-Балкарский филиал по праву можно назвать крупнейшим оператором сети связи на телекоммуникационном рынке республики, вносящим весомый вклад в развитие экономики республики.

Встреча президента КБР А. Б. Каноква с руководством филиала

Гарантия успеха

Достижение таких высоких рубежей, в первую очередь – заслуга многонационального коллектива связистов Южной Телекоммуникационной Компании. От их профессионализма, ответственности и умения оперативно решать самые сложные задачи зависит успешная деятельность предприятий и организаций, комфорт и благополучие жителей Южного федерального округа.

Поэтому хочется поздравить славный коллектив с юбилеем и от имени всех пользователей электросвязи поблагодарить за их самоотверженный труд, энергию и талант. Пусть их деятельность приносит им чувство удовлетворения, чтобы реализовать свой потенциал в полной мере!

Социальная ответственность

Республиканский филиал, как ведущий оператор, оказывающий услуги связи на территории Кабардино-Балкарской Республики, осуществил кардинальную модернизацию сети и обеспечил возможность достойного участия в приоритетных национальных проектах, реализуемых в масштабе Российской Федерации.

Таким образом, наша республика стала первым субъектом Южного федерального округа и лидирующим регионом в России, где национальный проект «Образование» в разделе «Подключение к сети Интернет» завершен с опережением установленных сроков. Специалисты филиала досрочно подключили к широкополосному Интернету все запланированные программой 342 общеобразовательных учреждения республики.

Решение этой социально значимой для республики задачи повысит качество преподавания и обучения, улучшит процесс подготовки выпускников к единому государственному экзамену.

Кабардино-Балкарская Республика стала первым субъектом Южного федерального округа, где подключение школ к сети Интернет в рамках нацпроекта «Образование» завершено с опережением срока.

Материал подготовлен Жанной Кандоровой

Ирина ШАДОВА

Проблема «Человек и война» в рассказах и очерках А. Т. Шортанова

Проблема «Человек и война» остается одной из самых ответственных и сложных в художественной литературе, особенно в новописьменных литературах народов Северного Кавказа. Сегодня, когда мировое сообщество готовится отметить 63-ю годовщину со дня победы во Второй мировой войне, исследование жанра прозы народов Кабардино-Балкарии, отражающих период 1941–1945 гг., имеет как никогда актуальное значение. Особый интерес представляет также изучение вопросов художественного и патриотического единства в кабардинской военной прозе.

Война нарушила направление художественно-эстетического процесса всей многонациональной литературы, изменила идейно-тематические и жанрово-структурные принципы развития творчества писателей больших и малочисленных народов. В литературе народов Кабардино-Балкарии с первого года Великой Отечественной войны четко наметились основные художественные жанры прозы: героико-патриотические и трагические коллизии войны, тема Родины и родного края, герой и народ как центральные проблемы, национально-исторические традиции, а также осмысление героического характера советского человека в единстве национальных и интернациональных черт. Очерки и фельетоны стали основными видами прозаических произведений эпохи Великой Отечественной войны в кабардинской литературе. В оригинальных национальных очерках, которые назывались «щы!эгъэ» («быль»), описывались волнующие эпизоды из фронтовой жизни наших земляков. Естественно, что кабардинская литература, как часть той советской литературы, развивалась в ее общем русле. Она разрабатывала идентичные темы, что и вся многонациональная советская литература.

Будучи участником военных событий, А. Шортанов написал большинство своих очерков и рассказов на фронте, а некоторые сразу же после войны. Отметим, что очерк в военное время получил особое развитие во всей многонациональной советской литературе. Военный очерк имел не только политико-воспитательное, но и военно-учебное значение. В годы войны писались в основном художественно-документальные очерки. На страницах газет «Социалистическая Кабардино-Балкария», «Къэбэрдей пэж» и других, печаталось значительное количество очерков. Обычно в них описывались действительные военные события, а участниками были те или иные реальные лица. Таков художественно-документальный, хроникальный очерк «О большой войне в Кабардино-Балкарии» (1943), подзаголовок которого расшифровывается как «Отрывок из «Дневника офицера». Достоверность фактов и событий, которыми оперирует автор, очевидна, в нем нет художественного вымысла. Нет в очерке и отдельного героя, как и нет художественной детализации. Объектом изображения

автора является одна из частей Советской Армии, которая освобождает оккупированную немцами территорию Кабардино-Балкарии. Героями очерка являются рядовые войны, советские солдаты. Заметим в связи с этим, что здесь отчетливо ощущается влияние произведений русских писателей, написанных в годы войны. Оно выразилось в новых жанровых оттенках – хроникально-документальности, художественной зарисовке, в различных принципах композиции, в языке. Особенно запомнилось герою то, что он увидел – траурно стоявшие разрушенные дома на проспекте Ленина, театр, где недавно шумело его беспечное детство, а теперь он стоит, исколотый пулями, изувеченный осколками бомб... Широта и глубина изображений писателя всецело зависит от той высоты, откуда ведется обозрение, от глубины осознания происходящих событий и, наконец, от художественного мастерства. Следует отметить, что всего этого во многом не хватало молодым кабардинским писателям.

При всех недостатках, их непреходящая ценность в том, что в них как бы сконденсированно передавалось то, что было в действительности. Особенностью стиля А. Шортанова является прием олицетворения: «Малка оживает», «пушки проклинают», «пушки гудят», «танки рычат». С помощью этого приема автор достиг значительных успехов в описании глобальных явлений. Чтобы передать напряженную тревожную атмосферу боя, движения, автор пользовался такого рода метафорами: «Земля тяжело рычит, вздыхает», «Небо извергает звуки, ревет». Стремясь передать хаос звуков, писатель не всегда продумывал целесообразность и нужную последовательность звукового восприятия. Вряд ли одновременно с «тяжелым рычанием» и «ревом» будут слышны «вздохи». Он неоправданно часто использовал глагол «реветь» применительно к пушкам, небу, танкам, самолетам и т. д.

Из-под пера А. Т. Шортанова вышел другой интересный очерк «Неутомимый всадник». Главным героем является старый табунщик Шухиб, который воевал за освобождение своего села. После войны он стал передовым табунщиком колхоза. Уверенный в себе мужчина приложил все свои усилия и возможности к возрождению кабардинской породы лошадей. Он стремится к увеличению колхозного скота, снова хочет сделать свой колхоз богатым. Жеребец «Фараон», которого вырастил Шухиб, занимает первое место на скачках. Бывший бесстрашный солдат оказался и замечательным строителем новой жизни. Поэтому автор назвал его «Всадником, не слезавшим с коня».

Кроме очерков у А. Т. Шортанова имеется рассказ «Флаг героев» (1943), который в подзаголовке назван «Рассказ пастуха». В нем описана история старого пастуха Жамбота, который до революции был батраком, а после установления советской власти стал одним из активнейших членов колхоза. Он человек, который с детства прожил трудную жизнь. Живший в страшной бедности, Жамбот свободно вздохнул только после революции, после прихода новой жизни. Жамбот становится отличным трудягой, который честно относится к новой жизни. Но он полностью не наслаждался жизнью. Ему пришлось встать против фашистов, которые хотели затоптать в грязь эту счастливую жизнь. Такие люди, как Жамбот,

не жалеют себя, своей жизни, ради освобождения Родины. Он погибает в этой борьбе, отдает жизнь за Родину, но знамя, которое он уронил, подхватывают его братья, и они побеждают. Тем самым автор хотел сказать, что нет такого оружия, которое победило бы силу объединившегося народа, защищающего свою Родину. Сцена гибели Жамбота окружена ореолом легендарности.

В рассказе А. Шортанова «После атаки» (1945) показан один из эпизодов войны. В этом лирическом произведении, рассказывается о чистых чувствах солдат, уставших от тяжелой войны. В нем даны зарисовки отдельных героев, выписаны их портреты, причем в каждом подчеркнута какая-то одна главная черта характера: «Впереди идет широкоплечий человек. Он передвигается чуть прихрамывая. И когда он изредка поднимает голову и смотрит вперед, солнце слепит его сверкающие из-под каски глаза, лицо его омрачается, делается колючим, недовольным.... Это – майор Набокин» [1:273]. Нельзя не волноваться, когда видишь состояние двух бойцов, которые, забыв о страшной войне, заморожено смотрят на пшеничное поле, созревшее для уборки. Основную мысль рассказа – тоску солдат по мирному труду – автор передает в коротком взволнованном диалоге между кабардинцем Батыром и русским солдатом Иваном Тимченко, который они ведут, стоя на пшеничном поле. Батыр, стоящий по пояс в пшенице, представляет себя и своих боевых товарищей колхозной бригадой, ему кажется, что через минуту у поворота появится огромный комбайн. Гул вражеского самолета рассеивает видения Батыра. Автор убеждает, что наши люди не хотят войны, что они скучают по мирному труду, что природа не знает, что такое война, что бессмертная земля дарит нам изобилие. Это очень красиво сумел передать автор. «Спелые колосья, кажется, жадут человеческой руки, тихо жалуются, что не убирают».

Рассказ А. Т. Шортанова «У Малки» (1946) посвящен освобождению от немецко-фашистских захватчиков кабардинского селения Малки. В нем автор знакомит нас с довольно большим количеством действующих лиц: командиром роты капитаном Розановым, парторгом Кургановым, солдатом Тимченко, нашим земляком сержантом Асланом и другими. В самый напряженный момент перед началом боя Аслан подает заявление с просьбой принять его в партию. Мысль автора о том, что стать членом партии можно, только будучи честным и проверенным человеком, приносящим пользу народу, выражена в реплике солдата: «Этот парень, наверное, неплохой, но я его еще не видел в деле». В сцене атаки и прорыва проявляется героизм солдат... Фашисты, отстреливаясь, засели в его родном доме. Зная, что в доме могут находиться родные, он все же бросил в окно гранату. Этот поступок свидетельствует о высоком понимании Асланом своего долга перед Родиной и народом. Затем солдата ожидает короткая радость встречи со своими родными, а далее сержанта ждет далекая дорога войны. Писатель старался описать не только фронтовые будни, но и жизнь героического советского тыла.

В другом рассказе «Звезда мужества» (1947) автор знакомит читателя с главным героем – кабардинским мальчиком Али Кардановым, усыновленным красноармейской частью и ставшим примерным солдатом.

История подростка передается майором. Став сыном полка, мальчик воспрянул духом и делает все для победы. Четырежды он переходил линию фронта и героически выполнял задания. Его мужество было оценено по достоинству – Родина наградила юношу орденом Красной Звезды. Здесь чувствуется традиция, характерная для многих довоенных кабардинских рассказов. В своих произведениях о войне А. Т. Шортанов показывал героизм советских людей, дружбу между народами, не прибегая к назойливой декларативности. Сам выбор действующих лиц, взаимоотношения между ними, постоянная борьба с врагом, которую они ведут, трудности военного времени, – все это послужило раскрытию лучших черт советского человека.

Следующее произведение А. Т. Шортанова «Гармонистка» (1952) – также проникнуто национально-патриотическими мотивами. Небольшой по объему рассказ посвящен девушке-гармонистке, кабардинке Аминат, которая бесстрашно сражалась за свободу Отчизны. Писатель прославляет мужество и патриотизм, достоинство и благородство адыгской женщины, вынесшей все тяготы войны. Истоки народного мужества, «науки ненависти», трагизм первых лет войны и пафос великой победы – такова была основная тематика прозы А. Т. Шортанова 1940–1950 гг.

На военные рассказы А. Шортанова большое влияние оказала русская литература, особенно книги военных лет. Размах партизанской борьбы, ее всенародный характер, горькие и героические страницы утрат и подвигов – все это было изображено во многих произведениях советской литературы: в повестях «Радуга» В. Василевской, «Непокоренные» Б. Горбатова, в поэме «Зоя» М. Алигер и других произведениях военного периода. Трудно не согласиться с мнением известного кабардинского литератора А. Абазова, который отмечает, что процесс формирования и развития кабардинской литературы в условиях сложнейших социально-исторических событий страны (Великая Отечественная война) шел в поисках новых эстетических идей, принципов и художественно-образительных форм. Как видим, военные рассказы А. Т. Шортанова повествуют о героях, принадлежащих к разным поколениям советского народа, но единых в своей преданности социалистической Родине. А. Т. Шортанов не приукрашивает военную действительность, он следует законам реалистического повествования.

Писатель откликнулся этими произведениями на самые животрепещущие вопросы: интернационализм, патриотизм, героизм советского народа, которые в течение нескольких послевоенных лет публиковались в литературно-художественном альманахе «Кабарда».

Литература

1. Шортанов А. Т. Избранное. Нальчик, 1957. С. 273.

Жаухар АППАЕВА

**Константин Касимович
Эфендиев**

НИ МИНУТЫ ПОКОЯ

Четверть века, в течение которого Константин Касимович Эфендиев возглавлял министерство культуры КБАССР, срок, конечно, немалый. Но то, что он успел сделать за этот период, многократно превосходит средне-статистические результаты работы любого другого министра. Не случайно его считали гениальным чиновником, который всегда умел достичь поставленной цели. Он брался за организацию таких учреждений культуры,

как, например, Кабардино-Балкарский музыкальный театр, когда для этого, казалось, не было ни достаточной материальной базы, ни профессиональных кадров. Сколько усилий потребовалось ему, чтобы не только подготовить нужные для театра артистические кадры, но и возвести архитектурное сооружение, соответствующее всем требованиям храма искусства. Поистине за рекордно короткий срок – всего пять лет – в Нальчике возник Музтеатр с оперой, опереттой и балетом. В том, что вскоре в репертуаре театра появились национальные оперы и оперетты, балетные спектакли, есть заслуга и Константина Касимовича, всячески поощрявшего местных композиторов на создание столь нужных музыкальных сочинений.

Многие идеи К. Эфендиева казались современникам слишком нереальными, а сам он выглядел в их глазах как пустой мечтатель. Но проходил короткий срок, и его идеи воплощались в конкретные дела. При нем во всех населенных пунктах Кабардино-Балкарии возникли добротные Дома культуры, а в ряде районных центров выросли прекрасные Дворцы культуры. Чтобы не лишать животноводов Ауртсентха и Хаймаши в течение длительного времени благ цивилизации, в первую очередь искусства, и в этих урочищах также построили учреждения культуры, которые никогда не бездействовали. Одновременно министерство культуры составляло обширный план культурных мероприятий, проходивших на высоком уровне.

Во всех городах и райцентрах по поручению К. Эфендиева были разбиты парки культуры и отдыха, работники которых самыми разнообразными средствами решали серьезные проблемы по эстетическому воспитанию населения.

Один лишь перечень открытых при Константине Касимовиче учреждений культуры поражает воображение. Это более сорока музыкальных школ и школ искусств, девятнадцать из которых находятся в сельской местности. Обширна и география музеев. Возникли музеи революционной

славы в Кенделене, Верхнем Акбаше и Кубе, появился самый высокогорный в мире Музей обороны Приэльбрусья, а также Литературный музей в Долинске, мемориальные музеи А. А. Шогенцукова и К. Ш. Кулиева. А главный музей республики, ныне Национальный музей КБР, обрел новую крышу – поселился в здании, соответствующем всем требованиям этого очага культуры.

Министр приложил немало усилий, чтобы в садике Свободы появился танцевальный зал, кстати, второй в Российской Федерации, на базе которого была создана школа бальных танцев под руководством Юсуфа Эминова. Наш зоопарк – последний по счету в бывшем СССР, тоже был открыт под эгидой министерства культуры КБАСР. При К. Эфендиеве Нальчикский парк культуры и отдыха обогатился городком аттракционов, летней эстрадой, лекционным залом и летней библиотекой с читальней. Детская республиканская библиотека имени Пачева получила новую прописку, а юношеская, имени Мечиева, поселилась в новое, специально для нее отстроенное здание в самом центре Нальчика.

Велика заслуга К. Эфендиева и в деле подготовки кадров для Кабардино-Балкарии в лучших вузах культуры и искусства страны. Он добился того, чтобы одаренная молодежь вне конкурса поступала в такие престижные высшие учебные заведения, как Московская и Ленинградская консерватории, ГИТИС им. Луначарского, музыкально-педагогический институт им. Гнесиных, Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина и другие. В общем, 1280 талантливых юношей и девушек получили в них образование и пополнили труппы Кабардинского и Балкарского драмтеатров и заложили основу для развития в республике оперного искусства и балета. В годы работы К. Эфендиева министром ансамбль «Кабардинка» триумфально гастролировал по всем континентам планеты. Последним крупным достижением Константина Касимовича стало открытие в Нальчике Северокавказского института искусств, который сегодня успешно готовит артистические кадры не только для региона, но и всей страны.

Конечно, все это было бы невозможно, если бы не умение министра убеждать тех людей, от которых зависела возможность реализации его задумок.

– Четверть века, что я пробыл на посту министра культуры республики, – рассказывает Константин Касимович, – мне удавалось пользоваться большой, точнее даже неограниченной помощью и поддержкой, которые мне оказывали министерства культуры РСФСР и СССР, Совет министров РСФСР, где на ключевых постах были мои близкие друзья по совместной работе в ЦК ВЛКСМ. Это, наверно, и послужило важным условием для достижения того, что нами сделано для развития культуры и искусства Кабардино-Балкарии в 60–80-х годах прошлого столетия.

Константин Касимович несколько скромничает, поскольку решающее значение имели и его дипломатичность, и умение убеждать людей, и ос-

новательные знания в той области, которую он курировал на протяжении четверти века.

За свою жизнь К. Эфендиев сменил несколько видов деятельности. Каждую новую работу предвзял тщательной теоретической подготовкой, изучением предмета ведения. Не просто так, чтобы не попасть впросак, а так, чтобы быть более компетентным во всех вопросах, чем его подчиненные.

В годы работы в горкоме ВЛКСМ по инициативе и К. Эфендиева построен Детский стадион, на территории парка культуры и отдыха (в пойме реки Нальчик) сооружены три озера (Пионерское, Комсомольское, Трек). Всю работу по созданию этих объектов для отдыха, физического развития детей, подростков, юношей и девушек по призыву обкома ВЛКСМ безвозмездно выполняли комсомольцы города, колоннами и с песней приходя туда после работы и в выходные дни. В их руках были лишь лопаты и деревянные носилки.

– Здесь царил энтузиазм, о котором теперь можно только мечтать, – с глубоким сожалением говорит Константин Касимович. – Кстати сказать, техническим руководителем этой стройки был начальник Управления дорожного строительства республики Герман Иванович Гаевский, начальником политотдела был я.

В конце апреля 1950 г. Эфендиева вызвал в Москву первый секретарь ЦК ВЛКСМ Николай Александрович Михайлов и предложил ему перейти на работу в Центральный аппарат комсомола. Он поблагодарил его за доверие, но сразу согласия не дал, попросив предоставить возможность посоветоваться с В. И. Бабичем и первым секретарем обкома комсомола Биларом Емазаевичем Кабалоевым. В Нальчике не были в восторге от этого предложения. К. Эфендиева здесь очень ценили, и, кроме того, относительно него были другие планы. Решили собрать внеочередную городскую комсомольскую конференцию, чтобы он отчитался за год, прошедший после предыдущей конференции. Затем, пожелав ему дальнейших успехов, торжественно проводили в Москву. Вскоре бюро ЦК ВЛКСМ утвердило новобранца инструктором организационного отдела, а через три месяца он стал ответственным организатором по Таджикской республиканской комсомольской организации, а еще через полгода – заведующим сектором комсомольских организаций Казахстана и республик Средней Азии. Перед комсомольским вожаком открылась возможность побывать в этом обширном регионе страны.

– В период работы в ЦК ВЛКСМ я побывал, – вспоминает он, – во всех областях республик, в том числе Казахстана и Средней Азии. Скажу правду: везде встречали меня тепло, относились ко мне внимательно. Наверное, это не случайно – ведь я был единственным мусульманином в аппарате ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ. И еще: я сам уважительно относился к комсомольскому активу, был объективен. Никого из руководителей комсомольских органов не подставлял под удар, выявленные недостатки в работе совместно устранили на месте.

В 1954 г. К. Эфендиев поступил на журналистский факультет высшей партийной школы при ЦК КПСС, решив посвятить, по его признанию, свою жизнь творческой работе. ВПШ он окончил с отличием. Одновременно заочно учился на историческом и философском факультете МГУ им. Ломоносова. Но государственные экзамены не успел сдать. Еще до этого он получил приглашение работать от главного редактора газеты «Правда» профессора Сатюкова, который заведовал кафедрой журналистики Высшей партшколы, и его заместителя по кафедре, главного редактора газеты «Известия» Г. М. Ошеверова, а также от секретаря ЦК КПСС, академика Б. Н. Пономарева, – во внешнеполитический отдел ЦК. Однако вопреки собственному желанию был отозван в республику.

В декабре 1957 г. Константин Касимович был избран вторым секретарем Нальчикского горкома КПСС, то есть должен был заниматься идеологическими проблемами.

– Мне пришлось, – вспоминает К. Эфендиев, – одновременно «взять на буксир» и торговлю. В городе тогда не было ни одного приличного магазина, торговали в основном на маленьком, очень тесном рынке, на месте, где теперь находятся гостиница «Россия» и Дом радио. Тогда мне удалось за полтора года построить на пустыре Центральный (Зеленый) рынок, шесть одноэтажных зданий с продовольственными и промтоварными магазинами в дальних от центра Нальчика микрорайонах, центральный универмаг («Детский мир»), первые на Северном Кавказе домовую и детскую молочную кухни на проспекте Ленина, современные овощехранилище, картофелехранилище и фруктохранилище на улице Кабардинской.

В марте 1960 г. первый секретарь обкома партии Тимбора Кубатиевич Мальбахов предложил К. Эфендиеву перейти на работу в аппарат обкома. Вскоре его утвердили заведующим отделом пропаганды и агитации. В этой должности он проработал до декабря 1962 года, курируя творческие союзы, театры, культурно-просветительные учреждения республики, Высокогорный институт и КБНИИФЭ, занимаясь организацией политического и эстетического воспитания трудящихся. Когда же эту должность упразднили, Константина Касимовича на сессии Верховного Совета КБ АССР в начале 1963 года утвердили министром культуры Кабардино-Балкарии. Именно этот четвертьвековой период в работе К. Эфендиева был самым плодотворным и отмечен высокими наградами: орденами «Знак Почета», Трудового Красного Знамени, высшей наградой Хашимитского Королевства Иордания – орденом «Звезда Иордании» I степени, медалью «За трудовую доблесть» и множеством Почетных грамот РСФСР и КБР. Удостоился он и почетного звания «Заслуженный работник культуры РСФСР». Есть у Константина Касимовича Эфендиева и дорогая его сердцу военная награда – медаль «За Победу в Великой Отечественной войне».

Виктор КОТЛЯРОВ

Валерка, которого помнят...

...Писать о чужой боли – дело непростое: что от твоего сочувствия и слов, даже самых искренних, – не успокоят, не утешат, лишь разбередят, растревожат душу собеседника, сорвут тончайшую пленку с незаживающей, пусть и нанесенной давным-давно раны. И закровоточит она, зальет сердце, все тело непереносимой болью, словно и не пробежало с того скорбного дня десять лет.

Целых десять лет, всего лишь десять лет, только десять лет...

Печаль от потерь близких, потерь, несправедливых и противоестественных человеческой природе, когда родители лишаются детей, не затухает со временем. Ее смертельно-черный цвет никогда не сменится серым или каким другим, а уж тем более светлым, в душе отца и матери. Ибо невозможно смириться, ощущать по-прежнему жизнь полноценной, радостной, наполненной смыслом, потеряв то, что рождено тобой, связано с тобой неразрывной пуповиной – кровного родства, душевного естества. Что является продолжением не просто рода – жизни как таковой, дарованной миру для его существования.

...Тот декабрь 1997 года выдался настолько теплым, ясным, солнечным, что многих нальчан неосознанно, словно ранней весной, тянуло на природу, к земле – на огороды. Была суббота, тринадцатое. Валерий на своем «жигуленке» отвез отца на дачу. Сам не зашел – надо было торопиться в Малку: заготовительная база, которой он руководил, испытывала далеко не лучшие времена, если не сказать больше – вот-вот могла прекратить существование, и любой сельчанин, желающий сдать продукцию, встречался с распростертыми объятиями. А тут как раз позвонил руководитель одного из хозяйств и предложил принять кукурузу. Какие тут планы на выходной?! Тем более что вопрос предполагалось решить достаточно оперативно.

– Часа через два вернусь, отец. А вечером зайду. Как всегда.

Это не было прощанием, тем более расставанием. Обычные слова, произносимые каждый день. Не раз в неделю, не несколько – каждый день. В их семье это стало своеобразным ритуалом: вечером – в любую погоду, при любых обстоятельствах – Валерий приходил в родительскую квартиру. Не отметить, не проявить сыновнюю заботу и внимание – просто побыть с отцом и матерью. Когда минуточку-другую, если не отпускали дела и заботы, когда час, а то и несколько, если выпадали дни поспокойнее.

– Ты знаешь, наверное, я завтра на дачу не поеду. Машину у тебя не попрошу, потратить время на себя...

– Да что ты, отец. Неужели откажешься от своих привычек?

И столько теплоты было в его словах, такая светлая и чистая улыбка освещала его лицо, что волна ласковой нежности внезапно затопила сердце. Залюбовался сыном, захотелось сказать что-то искреннее, заботливое, приласкать, погладить близкого человека, поступить так, как он не поступал никогда. Сдержался, прищурил глаза, словно от рези, причиной которой стал солнечный луч...

Знать бы, предвидеть, что то был миг прощания...

Не дано. Людям не дано...

...Валерка был вторым ребенком в семье – два года как родилась Мадина, отец мечтал о мальчике. А Майя, супруга, так та и не сомневалась, что будет сын, даже имя подобрала заранее, произносила его про себя нараспев.

Родовые схватки начались неожиданно – поздно ночью, когда в районном центре и обратиться-то толком не к кому. В Залукокоаже, где они жили, в 1959 году родильного отделения еще не имелось, надо было ехать в Зольское, искать транспорт, что по тем временам было проблемой почти неразрешимой. Даже для заведующего отделом пропаганды и агитации райкома партии, кем и работал отец будущего малыша. Вот и прозвучало сказанное то ли в шутку, то ли всерьез:

– Майя, а ты не могла бы немного подождать, хотя бы до утра...

Супруга, может быть, и хотела, тем более что отличительной чертой ее характера всегда были и поныне остаются удивительная скромность, нежелание кого-нибудь затруднить, быть в тягость. Но вот малыш откладывать свое появление на свет не собирался. Акушерка, которая присматривала за молодой матерью, поехала с ней и в больницу. А утром отцу сообщила, что род их продолжился наследником. Но радость отца от встречи с мальчиком затянулась до позднего вечера – в то солнечное утро 23 мая вместе с коллективом он выехал сажать картошку. Участки райкомовцам были выделены самые дальние, в районе Белокаменки, помогать с посадкой было некому, а семья с появлением сына была уже полноценной – двое взрослых, двое детей. Через несколько дней в бараке, где им была выделена одна комнатка и прихожая, служившая одновременно кухней, стал слышен и Валеркин голос.

Каким он рос, каким был... Тихим и спокойным, добрым и ласковым. Редкие фотографии конца шестидесятых – начала семидесятых запечатлели мальчишку с чистым лицом, на котором выделялись припухлые губы, широкий нос, ясные пронзительные глаза. Из-за роскошной черной шевелюры предательски вылезали несколько оттопыренные уши, из-за чего Валерку близкие называли ушастиком. Называли за глаза, чтобы не задеть мальчишеское самолюбие.

В силу специфики работы отца, приходившего домой поздней ночью и уходившего из дома ранним утром, не принадлежавшего себе и семье даже в воскресные дни, воспитанием детей занималась, естественно, в первую очередь мать – Майя Эльмурзовна, успевавшая помимо забот о семье преподавать химию в залукокоажской школе, – той самой, в которую, когда пришло время, пошел и Валерий.

Учился он хорошо, проблем родителям не создавал, более того – в самом юном возрасте проявил интерес к делу, которое в будущем станет одной из граней его профессии. Возвращаясь из школы, непременно заходил в магазин и внимательно изучал цены на продукты. А вечером докладывал отцу, что есть в магазине и почем. Любил делать покупки, стал снабженцем для всей семьи. Это доставляло ему особое удовольствие.

Было ли, чтобы отец поправлял сына в чем-то? Было. Таких случаев удалось припомнить два.

...Детские фильмы в шестидесятые годы в стране практически не выпускались, а на взрослые школьников не пускали. Ну уж очень хотелось Валерке попасть на тот американский вестерн, неизвестно какими путями прорвавшийся на наш экран. И просил он, и умолял, а отец был непреклонен:

– Тебя все равно не пустят.

И тогда прозвучало по-детски наивное, мальчишески беззащитное:

– А если я скажу, что я сын первого секретаря райкома партии, меня же пустят?

Надо знать отца, никогда не поступавшегося, даже в мелочах, своими раз и навсегда выбранными принципами, чтобы понять его реакцию на столь «крамольное» предложение:

– Ты не сын первого секретаря, а сын рядового гражданина, такого же, как все другие, никакими привилегиями не обладающего и к должности секретаря райкома партии не имеющего никакого отношения.

Других слов не понадобилось. Эпизод этот, сегодня вызывающий кое у кого снисходительную улыбку, тем не менее имел место, а самое главное – воспитательное значение для мальчишки. Ибо слово, подкрепленное реальным примером, как говорил ныне недальновидно забытый Макаренко, воспитывает весьма эффективно.

И другой эпизод, уже из мальчишеской жизни, куда их семья переехала в 1969 году. Как-то отец стал свидетелем игры мальчишек, в которой принимал участие и Валерий, причем в роли лидера – забравшись на крышу одного из гаражей, он увлеченно командовал сверстниками, весьма умело справляясь с «казаками-разбойниками».

Домой пришел весь грязный, измазанный, но довольный и очень обиделся на отца, когда тот сказал ему примерно следующее: лидер не тот, кто командует, забравшись повыше, а тот, кто ведет за собой. Ведет не криком, а примером, поступком, действием. Понадобилось время, чтобы сын понял сказанное. А поняв, выбрал жизнь отца как модель поведения. Модель, от которой не отклонялся все последующие годы. Основными принципами ее были: делай то, что можешь делать хорошо, и если можешь это делать хорошо, не оскорбляй себя «тяпльпаньем»; относись к людям так, как хотел бы, чтобы они относились к тебе; уважай чужое мнение, но и свое отстаивай.

Каким он стал, Валерий... Самостоятельным, умеющим сделать осознанный выбор и отстаивать его, не прячущим глаза от людей... Сам определил свою будущую профессию, решив поступить в Московскую ветеринарную академию. Ни на выбор (весьма не престижный с позиции тех лет), ни на саму учебу родители не влияли. Отец, к тому моменту занимавший высокие (даже по московским меркам) должности, в самом вузе побывал лишь раз, и, естественно, не в кабинете ректора, а прошелся с сыном по коридорам и аудиториям, вместе пообедали в студенческой столовой.

Жил Валерий в общежитии, случалось, подрабатывал – денег ему много не присылали и вовсе не потому, что их не хватало. Установка в семье была такая: роскошествовать, когда другие живут скромно, считалось некрасивым. Сын никогда не просил помощи, обходился сам, своими

проблемами и заботами родителей не нагружал. В этом выражалось не только его самостоятельность, но и пиететное отношение к отцу. Тот довольно часто бывал в Москве – по делам республики, на сессиях Верховного Совета страны, жил в гостинице, куда и приходил сын. В одну из таких встреч – Валерий к тому времени уже заканчивал учебу – отцу показалось, что сын чем-то озабочен. Спросил:

– У тебя какие-то проблемы?

– Нет, нет, отец, все нормально.

Сыграло свою роль, вероятно, нахождение в номере постороннего – старого приятеля отца. Так и расстались. А вечером позвонила супруга, сказала, что разговаривала с сыном. Он сообщил, что приходил к отцу сказать – у него есть девушка, хочет на ней жениться, но не осмелился поднять эту тему при постороннем человеке. Как поступить, что ответить... Решено было, что Майя самолетом вылетит в столицу, встретится с девушкой и, если далеко не зашло, повлияет на решение сына, оторвет от москвички. Супруга прилетела, встретила не только с избранницей Валерия, но и ее матерью, а потом позвонила в Нальчик и сказала следующее:

– Далеко не зашло, но оторвать нельзя – потеряем сына.

И это решение Валерий принял самостоятельно – на родину приехал с дипломом и женой Татьяной. Справили свадьбу, вскоре родился долгожданный первенец – Артур. А уже через две недели Валерия призвали в армию. Служил в Чечне, где уже тогда было неспокойно. Понятно, какие возможности были у отца, чтобы оставить сына дома, но в семье даже разговора об этом не заходило. Получив повестку, Валерий сказал отцу:

– Призывают на службу. Пойду. Фамилию не хочу позорить.

Через два года после Артура родился Алим. Валерий не просто любил детей, он их боготворил. Отец, бывало, подолгу любовался, как сын общается со своими детьми, с какой нежностью относится к ним...

Это был счастливый брак, это была семья, живущая в согласии и гармонии, где слово мужа и жены было равнозначно, в отношениях друг к другу царило уважение, к детям – любовь и забота.

Работу по полученной профессии, а Валерий имел диплом специалиста по животноводческому сырью (как в шутку говорил отец – мастер по рогам и копытам), удалось найти только в Каббалкпотребсоюзе. Так первое время на него приходили посмотреть – ведь сын одного из руководителей республики. Что из себя представляет, как общается с людьми... Уроки, данные отцом Валерию в детстве, были выучены на совесть. Никогда не кичился своей фамилией, тем более не злоупотреблял, с коллегами был ровен, коммуникабелен. И сегодня все, с кем приходилось говорить о том периоде его работы, отзываются о Валерии исключительно тепло. Общие определения: мягкий, отзывчивый, добродушный и, самое главное, порядочный – звучали от самых разных людей, с кем приходилось разговаривать. И было четко видно, что звучали они вовсе не оттого, что об умершем не принято говорить плохо, а потому, что именно эти слова отражали Валеркину суть. Вспоминали как о живом, называли не по имени, тем более отчеству, а ласково – Валерка... Дорогого стоит, когда у вспоминающих о ком-то, тем более человеке, ушедшем десятилетие назад, светлеют лица...

И еще один факт, который не менее красноречив – ни разу за все время работы Валерия в Каббалпотребсоюзе у отца с руководителем организации не возникал разговор о сыне.

...Началась перестройка, потребительское общество стало хиреть буквально на глазах, не вписавшись в рыночные отношения, специалисты уходили... Валерию, чья специальность оказалась невостребованной, идти было некуда, денег на семью не хватало, тем более, что остро стоял квартирный вопрос: жили они по-прежнему вместе с родителями – шестеро взрослых и двое детей в четырех комнатах...

Отец за помощью в трудоустройстве сыновей (младший, Мурат, тоже не имел работы) не обращался, хотя от его решения – человека, напрямую причастного к проведению избирательной кампании властных структур республики, зависело очень и очень многое. Те события уже история, они достаточно хорошо описаны, в том числе и в книге «Главная привилегия – ответственность за других», вышедшей в 1998 году. Так случилось, что пишущий эти строки, был редактором данного труда (хотя, если говорить по большому счету, работа в редактировании как таковом не нуждалась – оценки и акценты были досконально выверены жизненной позицией и опытом автора, да и словом он владеет безупречно). Можно отметить причастность редактора к названию, но при этом напомнить, что сопротивлялся автор ему долго, считая нескромным и претенциозным. Действительно, название было верным по сути, но по отношению автора к себе не совсем соответствующим его принципам: не афишировать, а делать, не декларировать об ответственности, а нести эту весьма нелегкую по тем временам ношу. Это особая тема – отношения людей, находящихся во властных структурах, и не нам, да и не здесь ее трогать. Скажем только, что со всех постов, даже самых высоких, он уходил по своей инициативе – не от усталости, от осознания: если в силу разного рода причин дать больше не можешь, если работать так, как хочет, как требуется, невозможно, надо предоставить тем, от кого зависит принятие решений, свободу действий. Другой вопрос – правильно это или нет...

...Как-то его вызвали к первому лицу республики, там в конце весьма долгого разговора о судьбах Кабардино-Балкарии и было сказано примерно следующее:

– Я никогда не забуду, в каком положении вы находились, принимая судьбоносные для республики решения, какое давление испытывали от деструктивных сил. Слышал, что у вас много проблем – живете в тесноте, дети не устроены... Почему молчите, почему не говорите?..

– В тесноте, это точно, – последовал ответ, – но просить не привык, как-нибудь разберемся.

Если говорить по большому счету, именно тогда судьба Валерия могла стать другой. Не случилось...

...Спустя полтора года он принял предложение потребсоюзского руководства возглавить Зольскую заготбазу, вернее, то, что от нее осталось: на счету – ноль, имущество распродано... В советские времена эту должность покупали, в постперестроечные на нее не могли никого найти.

Стал ежедневно мотаться в район, пытался наладить работу, найти кадры, привлечь, заинтересовать сдатчиков, заключить долгосрочные

договоры с производителями. К одному из них, руководителю хозяйства им. Советской Армии, он и направился в тот солнечный декабрьский день. Разговор занял минут пятнадцать-двадцать, в шесть часов вечера Валерий выехал из Малки в Нальчик, но проехал каких-то метров пятьсот...

За рулем того КамАЗа сидел неменяемый человек – ранее осужденный за хищение колхозного имущества, пьяный до смерти (анализ крови показал тяжелую степень опьянения), он решил проветриться, угнав машину родного брата. Вернее – будто бы угнав...

Шансов остаться в живых у Валерия не было – выехавшая на встречную полосу машина протащила «жигуленок» метров тридцать, практически раздавив его, сбросила в кювет, но все продолжала движение, сбила по пути еще и дерево и, наконец, уперлась в массивный столб... Но вот что интересно, уже впоследствии, в процессе следствия, выплыла справка, полученная виновником аварии в день происшествия и свидетельствующая о том, что он был абсолютно ... трезв.

Так вот и оборвалась Валеркина жизнь – жизнь доброго и порядочного человека, уважавшего родителей, любившего детей, ценившего друзей. Жизнь обычного человека, не отмеченного высокими поступками, знакомыми рекордами и достижениями. Просто жившего. Для себя, родных и близких... Но разве этого мало? Ведь, по большому счету, большинство людей приходят в этот мир жить, а не творить. И разве сама жизнь, простая человеческая жизнь, – это ли не творение, это ли не созидание...

«Так мало?» – предполагаю вопрос. И не фамилией ли отца продиктовано обращение к личности Валерия Докшокова?

А если и так? Даже если и так. Пусть даже и так. Что это меняет? Жил человек. Хороший человек. Жил среди людей – общался, дружил, любил. Оставил о себе память, продолжил род. Ушел на взлете, не успев до конца раскрыться, сделать, что мог, совершить, что призван был.

Не долюбив, не досказав, не дожив...

Разве от этого не испытываешь боль, разве не посочувствуешь родным и близким.

Он был на этой земле, Валерка. Жизнь, говоря кулиевскими строчками, без него не обошлась, не прошла стороной.

Не утолить жажду водой, пролитой на землю. Сегодня не утолить. Но на следующий год она может одарить колосом, который станет хлебом, пищей для многих. Зерно, брошенное Валеркой, уже дало и еще даст свои всходы. Ничья жизнь не бывает напрасной, если она, как вода, благоволит литься.

Литься радостью родным, светом мира детям, теплом друзьям...

...Один лишь раз обманул отца Валерка – в тот декабрьский день десять лет назад, пообещав вернуться. Он не вернулся. Не вернулся, ибо не уходя.

Закройте на мгновение глаза, Мусса Ильясович, взгляните в темноту, скрывающую ушедшее, Майя Эльмурзовна. Вот же он, Валерка.

Улыбающийся, заботливый, такой же ушастый, как в детстве. Живой.

Как всегда живы для каждого из нас родные и близкие, кого любили мы и кто любил нас...

Хыйса ОСМАНОВ

Эти многогранные склепы, как свидетели истории балкарского народа, много лет стояли в долине между селениями Кёнделен и Жанхотеко. Старожилы рассказывают, что таких склепов здесь было более полусотни. К концу XIX в. их осталось около десяти. Может, время разрушило их, а может, и сами люди.

Не раз приходили сюда иноземные захватчики, но каждый раз на борьбу с ними вставал народ и отстаивал свою землю и свободу. У каждого сражения были свои великие герои и полководцы. Возможно, для них эти склепы и были построены.

Я не раз бывал в Кёнделене, встречался со старожилками села, в том числе и с Жашуевым Сеитом Жашуевичем и Малкаровым Исаком Куцаевичем. Тогда им было уже за девяносто лет.

В детстве возле тех склепов они пасли телят, и часто прятались в них от дождя. Поэтому они их хорошо знали. Склепы были шестигранными. Внутренний диаметр составлял около четырех метров. Высота более пяти метров. Стены из скального камня, толщиной более полуметра. И что удивительно, поблизости таких камней нет. Их привозили с гор. На некоторых камнях были вырезаны арабские надписи.

С одной стороны одного из склепов примерно в метре от земли было окно, куда мог свободно пройти взрослый человек. С другой стороны, ближе к потолку, было маленькое окно. Внутри земля была ровной. Могил, либо захоронений, не было. Если и было когда-то, разграблено очень давно.

После революции, когда религию объявили опиумом для народа, некоторые люди начали ломать склепы, а камень использовать в строительстве домов и заборов. Старейшина села предупреждали их, говорили, что нельзя трогать то, что принадлежит тем, кто ушел в мир иной. Нельзя их беспокоить. Склепы – это могилы, а камень из могилы домой приносить нельзя.

Но многие не послушались советов старших и продолжали разбирать склепы. Был и такой камень, с арабскими надписями, который кто-то использовал как ступеньку в дом. Рассказывают, что ни у одного из живших в том доме не сложилось счастливой судьбы.

Кёнделенские старики рассказали мне еще одну удивительную историю в связи со склепами. Давно, когда войска Хромого Тимура появились в этих местах, здесь, возле склепов, между ними и местными жителями произошла битва. Все мужчины, которые могли держать в руках оружие, вышли навстречу врагу. Они защищали не только свою землю и семьи, но и эти склепы. Это было священным местом для балкарцев. Здесь покоились их великие предки.

Защитники гор сражались героически. Много врагов они истребили. Но их было мало, а врагов – много. И они начали одолевать горцев.

И в это время из ущелья выскочила группа всадников, около сотни, впереди скакал всадник в белой бурке. Он и его друзья ворвались в гущу врагов и начали рубить их налево и направо.

Воин в белой бурке сражался особенно храбро. Много врагов пало от его руки. Казалось, чем больше он их рубил, тем больше у него появлялось сил. Враги боялись встретиться с ним один на один. Тогда они начали стрелять в героя издали из луков. И несколько стрел глубоко вонзились в него. Поникло тело героя. Опустил он голову на гриву коня. Вовремя подоспели товарищи, схватили за узду его коня и увели.

За Кёнделеном в горах есть тайные пещеры. Балкарцы называют их «Жашырын дорбунла». Всадники доскакали туда. Когда они опустили раненого и сняли с головы шлем, то из-под него высыпались длинные золотые волосы. Эта была женщина. В ней воины узнали первую красавицу Табынаеву Атому.

Оказалось, что, когда большинство мужчин погибли, и враг должен был пройти в ущелье, она собрала из женщин отряд и пришла на помощь своим.

Глубоко вонзились в ее тело вражеские стрелы. Много крови потеряла. На третий день она умерла. Ее там же похоронили. А могилу закрыли камнями. Балкарцы чтят память о женщине-герое. Чабан или охотник, шедший мимо, подходил к могиле и читал молитву, совершал намаз. С тех пор прошло много лет, народ не забыл эту женщину – защитницу гор. В память о ней осталось эта легенда.

Люди как цветы, вырастающие из земли. Одни красивые. О них слагают радостные песни и с благодарностью их вспоминают. Другие колючие и кусачие. Иногда о них тоже слагают песни. Но они темные, как черные тучи перед дождем, печальные.

Баксанское ущелье. Кёнделенские древние памятники.
Фотостудия Раева, г. Пятигорск, 1883

Солнцелика, златовласая Аtima была девушкой удивительной красоты. Она отдала юную жизнь за свою землю, за горы, которые устремились ввысь к свету, к звездам. За то, чтобы те, которые останутся после нее здесь, сеяли хлеб, растили детей и жили свободными, как ветер.

Это сражение балкарцы называли «Элек уруш», что буквально переводится как «ситовая война». В те времена воины от удара меча, копья или стрелы защищали себя металлическим щитом. Попадая в щит, стрела или меч отскакивали. А копьё могло скользнуть и поранить того, кто держал щит. Чтобы этого не случилось, балкарцы усовершенствовали щит. Они сверлили в нем два, иногда в четыре отверстия. Щит становился похожим на сито. И через отверстия продевали веревку из конского волоса. Копье, ударяясь в щит, на какое-то мгновение цеплялось за эту веревку. Этого было достаточно для того, чтобы тот, кто держал щит, мог достать своего врага, в крайнем случае разрубить копьё. Балкарцы впервые применили такой щит в этом бою, поэтому это сражение они называли «Элек уруш». То есть «Ситовая война».

С тех пор прошло много лет. Много воды утекло в горных реках. Люди рождались, жили, старели и уходили в мир иной. А каменные склепы, как свидетели старины былой, как часовые ущелья, стояли в долине, не поддаваясь ни холодным ветрам, ни проливным дождям, ни знойным лучам солнца.

Вот такую историю мне поведали кёнделенские аксакалы о древних памятниках, свидетелях старины былой.

Мухамед КОКОЕВ

Шихмырза Бисчоков – уроженец сел. Старый Урух. Ему было девять лет, когда началась Великая Отечественная Война, и он хорошо помнит день, когда отца – Батырби Бисчокова – отправляли в райцентр, на призывной пункт, а оттуда на фронт.

Но ему не пришлось долго воевать: после тяжелой раны он оказался не пригодным для службы. Сын к тому времени уже был закаленным в труде «подростком» войны, главной ареной его жизни стало колхозное поле, оставшееся на попечении вот таких, как юный Шихмырза Бисчоков. Приходилось ему вручную убирать кукурузу, корпеть, копать землю лопатой, орудовать серпом в пору жатвы. От природы любознательный, он старательно постигал тяжелую науку крестьянского труда, заодно проявлял усердие в учебе, с увлечением решал математические задачи, которые были сверстникам «не по зубам». Его трудолюбие, пунктуальность и изобретательность не остались без внимания старших, и во время летних каникул девятикласснику Шихмырзе они единодушно поручили должность продавца полевого ларька. Так он впервые прикоснулся к делу, которое впоследствии стало профессиональной деятельностью. По просьбе пожилых односельчан преуспевающий труженик «торговал» еще два летних сезона, оставаясь на своем посту. Под неустанным давлением отца, который мечтал видеть сына образованным человеком, Шихмырзе пришлось оставить родной дом, и в 1950 году, взяв в город кукурузные лепешки и кусок сыра, он отправился в Пятигорск. Здесь поступил в техникум потребкооперации. Учился парнишка из Старого Уруха прилежно, получал повышенную стипендию. Через два года с красным дипломом окончил бухгалтерское отделение техникума. Вернувшись домой, юноша с дипломом была полон мыслей и вариантов о трудоустройстве. Но отец твердо предупредил:

– Никакой работы! Продолжай учиться!

– А где же я возьму деньги на поездку в город, где имеется профильный институт? – попытался возразить Шихмырза.

– Деньги найдутся, – спокойно ответил отец. И слово сдержал. Проводил кормилицу семьи – буйволицу, и проводил сына во Львов, где тот поступил в торгово-экономический институт. Здесь юноша окунулся в широкий мир знаний, как и хотел отец.

Древний украинский город покорило юного горца шедеврами архитектуры, театрами, библиотеками, оживленными площадями, прелестями урбанистической среды, какие Шихмырзе и не снились. Затаив дыхание, слушал он лекции знаменитых ученых. Некоторые из них читались на украинском языке, и у Шихмырзы возникали сложности с усвоением темы, и с благодарностью он вспоминает молодых украинцев-однокурсников,

которые безотказно переводили ему текст лекций, помогали всегда, если замечали, что он нуждался в поддержке.

– Возможно, студенческие годы остались в памяти как самые интересные и содержательные, – обратились как-то к Шихмырзе приятели по детским и юношеским годам.

– Нет, – ответил он неожиданно. – Самыми интересными для меня были 28 лет, которые я провел в Грозном. Это целый пласт не только моего тела, но и души. Помолчав немного, он добавил: – Там, перед зданием кооперативного техникума я посадил, привезя из Нальчика, больше трех тысяч кустов роз, 38 голубых елей. Там цвел сад. Теперь его уже нет... война... – с грустью сказал Шихмырза.

– А каким образом парень из кабардинского селения, окончив институт, с дипломом попал в Грозный, минуя родную республику? – поинтересовались приятели.

Его рассказ о послезузовском периоде жизни долго передавать, но я постараюсь познакомить читателя с его коротким вариантом.

После возвращения из Львова, Шихмырзу Бисчокова назначили главным бухгалтером Терского райпотребсоюза, некоторое время он работал заместителем директора Нальчикского кооперативного техникума. В 1962 году поступило предложение о подборе кандидатуры на должность директора Грозненского кооперативного техникума. Инициатива исходила от Российского потребсоюза. В процессе поиска руководителя техникума выбор пал на Шихмырзу Бисчокова.

Оказалось, что техникум, куда приказом по Роспотребсоюзу директором назначили Шихмырзу Бисчокова, еще не обзавелся своим помещением. Для строительства своего здания было выкуплено два гектара земли у пригородного совхоза. Через два года просторные, светлые аудитории и общежитие гостиничного типа в новом здании приняло студентов. Здесь уместна фраза: новое учебное заведение на голом месте.

Это был хотя и небольшой, но своего рода подвиг, который может совершать далеко не каждый. Вскоре к учебному корпусу пристроили красивую столовую, обеспечили ее высококвалифицированными поварами. Но главное достижение директора – это подбор сотрудников техникума, а создав коллектив – сделать его крепким, сплоченным, умеющим шагать в ногу со временем. Труд, потраченный на создание такого коллектива, вывел Грозненский кооперативный техникум в один ряд с лучшими во всем Советском Союзе. Его коллектив гордился не только хорошими условиями работы и высокими показателями в учебном процессе, но богатой жизнью, наполненной проявлением разносторонних творческих интересов учащихся. Здесь огромной популярностью пользовались спорт, художественная самодеятельность, различные конкурсы. Здесь успешно функционировали и совершенно «непрофильные» кружки, как например: технический, где учащиеся демонстрировали свои изобретательские дарования.

О высоком авторитете техникума говорил такой факт, как трехкратное проведение всесоюзного совещания на базе Центра интернационального воспитания техникума. Сюда за опытом приезжали педагоги и пропагандисты со всех концов Советского Союза. Об авторитете техникума говорило и то, что в период вступительных экзаменов конкурс превышал аналогичные показатели иного престижного высшего учебного заведения.

Хотя техникум и назывался Грозненским, он по своей сути напоминал региональный. За годы работы Шихмырзы Бисчокова в нем, техникум закончили 13300 человек, из них 4813 – уроженцы Кабардино-Балкарии.

Шихмырза Батырбиевич – человек не в обычном измерении, а крупноплановый. Он компетентный собеседник по всем жизненным вопросам, эрудированный, тактичный, требовательный, но справедливый, отзывчивый и благородный, воспитанный в духе уважения к добрым народным традициям и почитания прогрессивных современных явлений. Он наделен еще и высоким дарованием воспитателя. Он учит людей и словом, и личным примером, и красивым жестом.

Авторитет Шихмырзы Бисчокова имеет много объективных «свидетелей». Это многочисленные дипломы, грамоты, знаки различных рангов и ордена. Одних почетных грамот у него 118, в числе которых и Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР. У него – удостоверения к званию «Заслуженный учитель школы РСФСР», двум медалям и ордену «Знак Почета», к золотой медали Советского Комитета защиты мира за подписью его председателя Генриха Боровика. Оказывается, Ш. Б. Бисчоков участвовал во Всемирной научно-практической конференции, посвященной 70-летию подписания В. И. Лениным «Декрета о мире». Делегаты этой конференции имели удовольствие плыть по Волге на теплоходе «Ленин», побывать в городах Казани, Горьком, Саратове, Энгельсе, Волгограде.

О широкой популярности имени Ш. Б. Бисчокова говорит его представительство в различных общественных организациях. Членство его в президиумах районной, городской и областной партийных конференций воспринималось как само собой разумеющееся. Он, если не делегатом, в качестве почетного гостя представлял Чечено-Ингушскую АССР на съездах системы потребкооперации РСФСР и СССР, он в течение 22-х лет был представителем Совета директоров техникумов и членом методсовета Минвуза СССР и Совета по заочному образованию Центросоюза.

С 1962-го по 1990 г. Шихмырза Батырбекович жил и трудился в Грозном. У него об этом городе и всей Чечено-Ингушской республике остались самые теплые воспоминания, и, переходя к сегодняшним дням, с грустью говорит он о беде, постигшей наших давних и добрых соседей в 90-х годах прошлого столетия. Эту бывшую Советскую республику, он считает такой же родной, как и Кабардино-Балкарию.

По просьбе отца Шихмырза Бисчоков в 1990-м году вернулся на землю, где родился. Но половина сердца осталась недалеко. Чечня рядом,

и это успокаивает. Земля у всех людей одна. Ее нельзя делить на свою и чужую. Так принято у патриотов Земли. Одним из них и является Шихмырза Бисчоков, общий сын двух братских республик.

Находясь за пределами своей республики, он не забывал о родном селении на берегу Уруха, находил время и возможность оказывать помощь односельчанам. Его бескорыстную верность служебному и просто человеческому долгу, благородство и талант отмечают сегодня давние друзья, родственники, соседи, знакомые, члены семьи. Помнят и с благодарностью вспоминают Шихмырзу и многие ветераны экспертно-импортного объединения своей профессиональной отрасли, где он проработал 8 лет после возвращения из Грозного в Нальчик.

И я желаю тебе, Шихмырза, одних лишь светлых, добрых дней. Идти по жизни бодрым и здоровым, любить людей и быть веселым, и с энтузиазмом, свойственным тебе, в жизнь воплощать поставленные цели. Чтоб постоянным изобильем был твой наполнен дом. А все невзгоды и плохие вести чтоб стороною обходили твой порог. И чтоб ты легко прожил до ста, не падал духом никогда.

Галина КАЛКОВА,*учитель русского языка и литературы***Живительный «Родник»***(О судьбах и творчестве поэтов-майчан)*

Нам повезло: мы живем в России, великой стране, подарившей миру А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета... Нам вдвойне повезло: мы живем в Кабардино-Балкарии, в республике мира, добра и гостеприимства, подарившей миру Али Шогенцукова, Кайсына Кулиева, Адама Шогенцукова, Алима Кешокова, Фаусат Балкарову, Танзилю Зумакулову... Нам тройне повезло: мы живем в одном из красивейших городов Кабардино-Балкарии – цветущем, зеленом, с прекрасным весенним названием городе Майском, подарившем нам Раису Дьякову, Виктора Шумовича, Людмилу Бариеву, Михаила Лурье, Людмилу Рыбальченко, Эльмиру Сизякину, Алексея Дербабана...

К сожалению, этих поэтов еще мало знают в республике, не все их стихи опубликованы, но очень хочется донести до широких читательских масс их прекрасные творения, рассказать об их жизни и творчестве.

В октябре прошлого учебного года в Майской средней школе № 5 проходила встреча членов литературного объединения местных поэтов «Родник» с учащимися-любителями поэзии. Перед детьми и учителями выступали настоящие мастера слова, читали свои вдохновенные, замечательные творения, а мы с ребятами, как замороженные, слушали их и восхищались. Прозвучали стихи о Родине, о любви к отчему краю и к женщине-матери, о природе и о дружбе, о патриотизме, стойкости, мужественности российского народа.

Вот тогда-то мы и задумались: «Почему мы так мало знаем о жизни и творчестве наших местных поэтов? Откуда, когда и по чьей инициативе возникла литературная группа «Родник»? Сразу нашлись мне помощники – мои ученики, которые проявили инициативу заняться исследовательской работой. Это десятиклассник Юрий Бабич, восьмиклассницы Алена Маркаренко и Виктория Евдокимова.

Мы начали с того, что встретились с руководителем литгруппы г. Майского Раисой Ивановной Дьяковой, которая и поведала нам об истоках «Родника». Оказывается, еще в октябре 1970 г. в городской газете (тогда она называлась «Ленинский путь», а сейчас имеет название «Майские новости») появилась литературно-художественная страница «Родничок». Ее первооткрывателем был очень одаренный человек, великий труженик, корреспондент Михаил Сергеевич Бойко. Сам поэт, большой ценитель поэзии, он решил открыть местные таланты и опубликовать их поэтические творения в газете. Это ему удалось. Народ читал и восхищался их поэтическими выступлениями.

Затем с разрешения главного редактора районной газеты «Майские новости» Натальи Викторовны Юрченко ребята заглянули в архив газеты «Ленинский путь» и увидели номера, где были опубликованы стихи поэтов-любителей. Кто же они, эти поэты, со стихами которых впервые познакомились жители Майского района? Врачи, учителя, колхозники, рабочие. Назову несколько фамилий: Петр Варганов – плотник Майского коммунхоза, Василий Бескаравайный – токарь СКРЗ, Зураб Салбиев – тракторист колхоза «Ленинцы», Галина Соколенко – доярка колхоза «Красная Нива».

В 1972 г. нашелся человек, энтузиаст своего дела, поэтесса, заслуженный учитель школ КБР Раиса Ивановна Дьякова, которая предприняла попытку объединить поэтов-любителей, создать литературную группу с красивым названием «Родник» и возглавить ее. Попытка удалась – литературное объединение существует и поныне. В настоящее время литгруппа г. Майского насчитывает 25 членов. Все они очень одаренные поэты.

Проведя большую, кропотливую исследовательскую работу, мы созвали общешкольную конференцию, на которой и донесли до детских пытливых сердец всю правду о жизни и творчестве поэтов-майчан.

Мы поведали о творческом коллективе «Родника», о тех людях, которые наполняют родник живительной влагой.

«Родниковцы» – люди, богатые душой, интеллектом, своей влюбленностью в поэзию, жизнь.

Энтузиаст своего дела

Раиса Ивановна Дьякова – талантливая поэтесса, педагог-ветеран, заслуженный учитель школ Кабардино-Балкарии. Более сорока лет преподавала в школах иностранные языки, уделяла большое внимание делу патриотического и интернационального воспитания учащихся через клубы международной дружбы. Стихи начала писать в детстве. Основные темы ее стихотворений – детский сад и школа, темы Родины, родного края и города, темы дружбы и мира, любви и семьи. Многие ее стихотворения посвящены людям разных профессий, любимому делу.

У поэтессы более семисот стихотворений. Выпущены поэтические сборники: «Звенит над лугом колокольчик», «Здравствуй, Майский», «Пусть живет мечта твоя от А до Я», «Светланка», «Рифмовочки у Вовочки», «Наши имена».

Ее стихи и песни звучат на школьных праздниках, в детских садах, на районных мероприятиях. Некоторые из них написаны по просьбе, другие – к какому-то мероприятию или событию, Раиса Ивановна никогда не откажет и постарается от души. Она автор гимна нашей школы. Все ее творчество зовет в светлый мир добра и любви:

*«Взят курс на счастье очага родного,
И вам, стоящим у его руля,
Желаем мы успеха яркого, большого,
Чтоб крепла наша дружная семья».*

Имя человека – его судьба. В наше имя вложена любовь родителей, родных и близких людей в надежде на то, что оно принесет нам счастье в жизни. Наш долг – стремиться оправдать их надежды, быть достойными своего имени. К этому призывают именные стихи Раисы Ивановны Дьяковой из сборника «Наши имена»:

Виталию

*Виталий, в имени твоём
Витают ласка и мечта,
И сила жизненная в нём,
И воля есть, и красота...*

Василию

*В море безбрежных пшеничных полей
Глаз васильковых не сыщешь милей...
Вася, Василий – цветок-василек!
Ты для любимых – в ночи огонек.*

Книга в 350 стихотворений вышла в свет в издательстве г. Владимира на средства межрегиональной молодежной организации «Дом мира».

У Раисы Ивановны есть очень сильные стихи, которые запоминаются на всю жизнь и проникают в самое сердце. Они не оставляют равнодушными ни взрослых, ни детей. Все помнят о трагедии Беслана, когда школа № 1 превратилась в мемориал горечи и скорби. Три дня проходили траурные мероприятия в соседней республике Осетия. Люди несли к школе цветы, венки, воду, игрушки. Фотографии на стенах, свечи, слезы...

Этому траурному событию Раиса Ивановна посвятила трогательное стихотворение «Детям Беслана»:

*С какую радостью бежали
Ребята в школу в первый раз,
А там в детей уже стреляли,
И кровь невинная лилась.*

*Не скряться им под маской черной,
Не спрятать дьявольскую суть –
Они стоят над бездной мертвой,
И проклят миром весь их путь!*

*Скорбит планета и плачет небо,
Рыдают матери земли,
И те, кто рядом с ними не был,
Сдержать слез горя не могли.*

*Страшней трагедии Беслана
Во все века не видел свет,
Но верьте: поздно или рано
Держать придется им ответ.*

*За что, скажите, это зверство?
Зачем нужна им смерть детей?
Их вызов миру, изуверство
И слезы тысяч матерей?!*

*И вновь сентябрь на планете,
И мчится в школу детвора...
А с фотографий смотрят дети
Кто не придет к нам никогда...*

Обаяние поэзии Раисы Дьяковой в доверительности к читателю, настраивающей его душу на доброе и неизменно прекрасное отношение к окружающей действительности...

Певец родного края

Есть в нашем городе замечательный поэт – Виктор Федорович Шумович. Люди, увлекающиеся его поэзией, называют Шумовича «наш Есенин», потому что его стихи очень похожи на есенинские. Они такие же напевные, лиричные, полны звуков, запахов, красок. Звенит девичий смех, «и березы-девицы косы расплетают», кругом – мягкая зелень полей, алый свет зари, голубеет небесный песок. Синее, голубое, алое, зеленое, рыжее, золотое брызжет и переливается в стихах поэта. Виктор Федорович – коренной майчанин. Всю свою жизнь проработал слесарем на заводе «Севкаврентген». Любит свою республику, свой город, посвятил им свои лучшие стихи: «Моя республика», «450 лет», «Поэма о Майском» и др.

Свое первое стихотворение написал в 55 лет. Оно называлось «Весна».

Поэтический дар спустился на Виктора Федоровича внезапно, в одну ночь. Сам поэт видит в этом божественное провидение.

С тех пор продолжает писать лирические стихи, в которых пронovenно рассказывает о своей любви к природе, детям, друзьям, родному краю. Стихотворений у Виктора Федоровича уже более двух тысяч. Нет дня, чтобы под пером поэта не рождалось новое творение, а то и не одно, и все они прекрасны:

***

*Моя республика, любовь моя,
Ты даришь мне красу живую.
Она живет во мне всегда,
Люблю тебя, люблю такую.
Твои луга, поля, озера голубые,
И песни рек твоих, и вечные снега,
И цепи гор, давно уже седые,
Храню в душе своей всегда.
Мне дарят свои стоны водопады,
Свой крик – орел, плывущий в тишине,
И провожаем вдаль с тобой красивые закаты
И песню, что поет горянка на тропе.
Чабан порой вечерней на свирели
Мелодию играет о любви своей,
Она плывет среди гор и прячется в ущелье,
А эхо замирает в красоте твоей.
Моя республика, ты жизнь моя,
Тебя воспел в стихах Кулиев,
Ему как мать была земля твоя,
Он был и будет вечно ее сыном.*

Все слова и выражения в его стихах просты, но вместе с тем они складываются в один музыкальный образ: красочные эпитеты, яркие олицетворения, развернутые метафоры создают лирический пейзаж родного края. Вся поэзия поэта-самородка Виктора Шумовича пронизана любовью к человеку и к своей родине.

Посвятившая жизнь детям

Живет в нашем городе прекрасная женщина, поэтесса Людмила Ивановна Бариева. Всю свою жизнь посвятила детям. Работала сначала воспитателем, затем заведующей детского сада № 16 «Ромашка». Проводила незабываемые встречи с поэтами и писателями КБР. Поэзией увлекалась со школьной скамьи. Автор сборников стихов «Жизнь моя, любовь моя», «Не отнимайте детства у детей», участница коллективного сборника «Майские зори», «Свет любви», активно сотрудничает с газетой «Майские новости». Автор многих песен, посвященных любимому городу Майскому и Великой Победе. Автор очерков об известных людях Майского района. Награждена медалями «За доблестный труд» и «Ветеран труда», почетными грамотами Министерства образования КБР. Людмила Ивановна написала более пятисот стихотворений.

Стихи Бариевой необыкновенно богаты и разнообразны по содержанию. Красной линией через все ее творчество проходит патриотическая тема, размышления на тему межнациональной вражды, призыв к миру и взаимопониманию.

Ее стихам присущи благородная простота, высокий ум, нежные чувства, переживания. Автор призывает читателя к бережному отношению к друзьям, к окружающим, к старшему поколению. Проскальзывает ностальгия об ушедшей молодости, о пережитом.

Тема детства занимает в ее творчестве особое место, потому что все ее стихи несут воспитательную направленность: «Не отнимайте детства у детей», «Мамино горе», «25 мая – последний звонок в школе № 5», «Лагерь дружбы «Тополек» и др....

*Не отнимайте детства у детей,
Оно ведь никогда к ним не вернется,
Довольно уж трагических страстей,
Росточек Мира к солнцу пусть пробьется.*

*Ну что вам стоит войны прекратить?
Пусть сыновья вернуться к своим мамам,
Возделывать хлеба, детей растить
И жить незыблемой мечтой о самом
главном.*

*Ведь дети – нашей жизни продолженье,
И пусть манит их синева небес,*

*Пусть будет к космосу у них влеченье,
Держают пусть и двигают прогресс.*

*Пусть в цель попадают не пули свинцовые,
Пусть в цель летят спортивные мячи,
Откройте театры и школы им новые,
Прошу, найдите к радости ключи.*

*Я призываю к миру всех людей
Различных стран и городов и весей,
Всех возрастов и рас любых,
Всех наций, всех конфессий:
«Не отнимайте детства у детей!»*

Людмила Ивановна в настоящее время находится на заслуженном отдыхе. Занимается в литгруппе «Родник» и пишет о любимом крае, о нравственных ценностях жизни, о любви, об ответственности каждого за свои дела, слова и поступки перед своими современниками и потомками.

Его стихи – летопись повседневности

Михаил Алексеевич Лурье родился в 1940 г. в Донецкой области. В 1941 г. отец ушел на фронт и не вернулся. В 1964 г. переехали в г. Грозный. Учился, работал на радиозаводе монтажником радиоаппаратуры. Более 34 лет проработал на этом заводе. Имеет звания «Ветеран завода», «Ветеран труда». В связи с событиями в Чеченской республике с 2000 г. проживает в городе Майском.

Свое первое стихотворение написал в 9-ом классе. Был членом творческого объединения молодых при грозненской газете «Комсомольское племя». Любит литературу, музыку, театр.

Тематика стихотворений Михаила Лурье разнообразна. В них присутствует описание России, ее природы, городов, людей разных национальностей, их жизни, их обычаев; изображение военных событий, битв; боль за судьбу России и современное поколение. Многие из стихотворений М. Лурье имеют глубокий общественно-философский и исторический смысл.

Его стихи – крик души поэта. Вот одно из них:

Встань и поклонись

*Ехал я однажды в электричке,
Не могу забыть и до сих пор –
Парни, закурившие от спички,
Завели «душевный» разговор.
Ветераны, мол, совсем их забодали,
Нет от них покоя целый год:
То лекарства им, то пенсию не дали, –
До чего назойлив сей народ!
Я сказал: «Мы в злате не купались,
Не гребли руками серебро,
Брали то, что сами добывали,
Да и то давалось нелегко.
Мы тогда в бараки и палатки
Набивались, как пчелиный рой.
Не за льготу и не за зарплату
Грелись у костра в тайге глухой.
Сотни верст ногами отмеряли,
Чтоб металл и нефть стране найти.
Биографию с завода начинали,
Приближая светлые мечты.*

*А еще мы в сорок первом воевали,
Защищая честь родной земли,
Бросив клич: «Москва за нами!»
На дзот ложились и на танки шли.
Вас тогда еще не намечали,
В Бухенвальде не по вам гудел набат.
За свободу люди погибали,
По доносу в клетку был квадрат...
Хорошо, что не горели вы в Афгане,
Хорошо, что не были в Чечне,
Хорошо, что на свиданье с вами
Девушки приходят по весне.
Не застал, конечно, вас Чернобыль,
Не догнала атомная слизь...
Молодежь, прошу вас, ради Бога,
Встань и ветерану поклонись!
И не вам судить нас, молодые друзья,
Жили мы в иные времена,
Серебром нам были только выюги,
Золотом лишь осень нам была.*

Стихи Михаила Лурье – летопись повседневности. Кажущееся отсутствие изящества и утонченности – это творческий метод автора, несомненно, одаренного, трудолюбивого и вдумчивого.

Лирические признания

Людмила Павловна Рыбальченко живет в городе Майском с 1958 г. Поэзией увлекалась еще в школе. Окончив 10 классов, поступила в Махачкалинский политехнический техникум. Работала в Майском мехлесхозе. Писала, стихи и печаталась в газете. Много путешествовала. Жила в Киргизии, на северном берегу прекрасного озера Иссык-Куль, а затем в Красноярском крае. В настоящее время Людмила Павловна находится на пенсии, стаж работы небольшой, в основном посвятила себя семье, дому, детям и внукам, которых очень любит. Продолжает писать стихи о городе Майском и обо всем, что трогает душу.

Лирические признания поэтессы наводят нас на глубокие размышления – о смысле бытия, о взаимоотношениях людей, о категориях добра и зла, жизни и смерти, истории, современности, вечности:

<p><i>Хорошо, если вдруг На земле суетной Повстречается друг, Настоящий, земной. У прохладной реки Вы стоите одни, Ваши мысли близки, Ваши души сродни!</i></p>	<p><i>И завидует вам Яснозвездная ночь, Ива шепчет волнам: «Прочь сомнения, прочь!» А луна с вышинны Убеждается вновь, Что слова не нужны, Если это любовь...</i></p>
---	---

Людмила Павловна считает любовь одним из самых сильных чувств человека. Она пишет об этом чувстве сдержанно, но тем самым оно предстает значительнее и богаче. Благодоство чувств поэтессы, окрашенных светлой и тонкой грустью, выражено просто, непосредственно, тепло и чарующе музыкально. Каждое произведение Людмилы Рыбальченко заставляет трепетать наше сердце, будит мысль, зажигает воображение.

Талант, рожденный жизнью

Эльмира Владимировна Сизякина с трех лет уже читала детские книжки, запоминала и любила читать стихи. Училась в Майской средней школе № 1. Школа дала возможность проявить себя, узнать свои способности и желания. Параллельно с общеобразовательной училась в музыкальной и спортивной школах. До сих пор увлекается музыкой. Из школьных предметов любила русский язык и литературу.

Учителя пророчили ей педагогическую деятельность. Но жизнь повернулась так, что ей пришлось поступить в политехнический институт. Затем работала инженером в городских электрических сетях, а с 1988 г. перешла в профессиональное училище № 17. Сбылось пророчество школьных учителей.

Работала мастером производственного обучения, преподавателем специальных дисциплин, методистом. Имеет высшую квалификационную категорию. Награждена Почетной грамотой Министерства образования Российской Федерации. Является классным руководителем в группе электриков. Сейчас в ее работе и стихи, и музыка, и спорт, и профессиональные знания.

Поэтесса считает, что все ее переживания, рассуждения, значимые моменты жизни отражены в стихах. Вот одно из творений Эльмиры Сизякиной «Скажи, аксакал», написанное в связи с трагическими событиями 13 октября в Нальчике.

*Скажи, аксакал, как смогли мы взрастить
Среди вечных гор и обрывистых скал
Сынов-ваххабитов, способных убить
И мир перегрызть, как голодный шакал?
Сначала Беслан, а теперь Кабарда.
И пули летят, не щадя никого.
В какой уже раз содрогнулась страна.
Понять, что творится, живым нелегко.
Сегодня ущелья роняют слезу,
Кавказское братство и честь хороня.
А горечь потери едина для всех –
Равняет народы, не знает грани.
И беспощадна для нелюдей тех,
Кто мир видит наш в прицелы бойниц.*

*Как их назвать – террорист, ваххабит?
Фашист? муссолинец? – не все ли равно?
И призречен мир... Иллюзорна мечта...
От зла и насилья не скрыться нигде.
И даже Москву не спасает Москва...
И плещется боль по родной Кабарде...
Катались на лыжах и шли по хребту,
А горы молчали, величье храня.
По сути людской это будет бандит,
Несущий на землю страданья и зло.
Скажи, аксакал, как нам боль пережить,
Радушным сделать подножия скал?
И как в своих душах тепло сохранить?
Ответь, аксакал... Не молчи, аксакал...*

Творчество Эльмиры Сизякиной, вне всякого сомнения, имеет все характерные признаки настоящей поэзии. Мастерство плюс поэтическая точка зрения. Знание жизни и умение опозитизировать обыденность позволяет говорить о поэтессе, как о большом таланте, рожденном самой жизнью.

Патриот. Казак. Атаман. Поэт

Алексей Васильевич Дербабба родился в 1948 г. в казачьей станице Пришибской, ныне она входит в состав г. Майского и является северной его частью. После прохождения службы в рядах Советской Армии поступил в школу милиции в городе Ростов-на-Дону. Затем всю жизнь работал в Майском РОВД. Сам казак по рождению, Алексей Дербабба в 90-х гг. прошлого века стоял у истоков возрождения терского казачества. Был избран атаманом казаков станицы Пришибской. С 1996-го по 1998 гг. возглавлял казачество Кабардино-Балкарской республики.

Стихи Алексей Васильевич начал писать в зрелом возрасте – в 45 лет. За это время вышли в свет более ста его замечательных стихотворений.

Любовь к Родине в поэзии Алексея Дербабба раскрывается как благоговейное, религиозное преклонение перед мощью природы Кавказа, перед ее народами – горцами и казаками – скромными тружениками и отважными воинами, перед лучшими людьми, ее славой и гордостью.

На одной из встреч президента КБР Арсена Башировича Канокова с жителями Майского района было высказано пожелание, чтобы наши люди не теряли, а изучали и сохраняли свои исторические корни, свою культуру, как истинное богатство народа, чтобы уделяли большое внимание возрождению казачества, потомкам патриотов – защитникам Отечества. К этому же стремится и казак Алексей Дербабба.

Мир и дружба свободных народов, по мнению атамана-поэта, – основное условие процветания Отчизны.

Это утверждение хорошо прослеживается в стихотворении «Станица»:

<i>Станица Пришибская, – Родина моя, Где я родился в прошлом тысячелетье. И понял, что с тобою не расстанусь, Что это место – лучшее на свете. Мы с горцами живем одной семьею, – Ведь на Кавказе по-другому</i>	<i>Над недругами, посягнувшими на родину мою. Россия помнит казаков и горцев, – Достойных воинов своей страны, Отдавших жизни или получивших раны</i>
<i>не прожить, Хотя пытаются враги, не скрою, В нас семя зла посеять и взрастить. Хотят сломать менталитет Кавказа, На чем основывалась связь времен, На чем стоит его святая правда, Поэтому народ не будет побежден. Любовь, которую привили наши деды, Мы пронесли через судьбу свою, С любовью к ближнему одержим</i>	<i>И хочется, чтоб наши дети были Здесь счастливы, добры, мудры, И дружбу с горцами навеки сохранили, Хотя бы так, как сохраняли мы. Господь один, и наши веры смогут Вернуть в народ уверенность в себе, Не сбиться с верного пути помогут, Чтоб мир сохранить на родной земле.</i>
<i>мы победы</i>	

Алексей Дербабя продолжает свой диалог с действительностью. Сложные, порою кажущиеся неразрешимыми вопросы ставит перед собою поэт и находит единственно верные ответы. Его стиль строг, конкретен, классически ограничен, форма соответствует глубине содержания.

Литературное объединение «Родник» существует уже свыше 30 лет и, конечно, заслуживает большего внимания (а может и более глубокого изучения). Я попыталась рассказать читателям о поэтах родного города Майского, привлечь внимание к проблемам литературного краеведения. Конечно, не обо всех и далеко не все. Но думаю, что даже из этой небольшой статьи понятно, насколько эти люди влюблены в поэзию, насколько они богаты душой и интеллектом.

Хорошие произведения вынашиваются, оттачиваются, пропускаются через душу. Поэты видят, слышат и чувствуют окружающий мир по-другому. И свои ощущения стараются передать читателям. Не ошибусь, если сравню поэта с учителем. Они также учат добру, любви, всему хорошему, что есть в человеке. А мы, учителя, на этом живом материале воспитываем подрастающее поколение: проводим уроки, классные часы, литературные вечера и встречи, что, несомненно, развивает в детях чувство любви к прекрасному и желание творить. И ребята, видя перед собой живой пример, тоже пытаются пробовать перо, и уже появились «первые ласточки» – юные поэты, наши ученики и выпускники: Вера Михайлова, Павел Гришанов, Екатерина Титович, Маша Михайлова, Анастасия Шульга и др.

Значит, живет «Родник», процветает и орошает своей живительной влагой подрастающие всходы!

*«Кто из мудрых даст ответ:
Жизнь иль слово – что дороже?
Жизнь уйдет, бессмертных нет,
Слово сохраниться может».*

Рита АЛОКОВА

Центр детского творчества «Эрудит» занял I место в республиканском конкурсе лагерей с дневным пребыванием детей. Конкурс был проведен Министерством образования и науки КБР с июня по октябрь 2007 года.

Материалы данного центра будут направлены в Москву для участия во Всероссийском конкурсе программ в сфере отдыха, оздоровления и занятости обучающихся в каникулярный период.

**Куашева
Ирина Альбияновна,**
директор муниципального образовательного учреждения дополнительного образования детей Центр детского творчества «Эрудит»

МОУ ДОД ЦДТ «Эрудит» был создан на основании Постановления главы администрации г. Нальчика № 1075 от 17 августа 2004 г. Учредителем является администрация г. Нальчика в лице Департамента образования и науки г. Нальчика.

В Центре работают высококвалифицированные педагоги: кандидаты физико-математических наук, отличники народного просвещения, стипендиаты Сороса. Из них имеют:

- высшую квалификационную категорию – 53 %;
- первую квалификационную категорию – 18 %;
- вторую квалификационную категорию – 8 %.

Имеют высшее образование – 95 %, среднее специальное – 5 % специалистов.

Количество направлений деятельности – 5:

1. Научно-предметное.
2. Художественно-эстетическое.
3. Социально-психолого-педагогическое.
4. Спортивно-оздоровительное.
5. Техническое.

Основными задачами являются:

- углубленное изучение предметов;
- создание условий, гарантирующих охрану и укрепление здоровья обучающихся;
- создание благоприятных условий для разностороннего развития личности, в том числе путем удовлетворения потребностей обучающихся в самообразовании и получении дополнительного образования;
- формирование общей культуры личности обучающихся на основе усвоения обязательного минимума содержания общеобразовательных программ, их адаптация к жизни в обществе;

- создание основы для осознанного выбора и последующего освоения профессиональных дополнительных образовательных программ;
- организация содержательного досуга;
- развитие мотивации личности к познанию и творчеству, к совершенствованию профессионального мастерства обучающихся;
- реализация дополнительных образовательных программ и услуг в интересах личности, общества, государства;
- разработка и осуществление практических программ развития профильного образования в МОУ г. Нальчика;
- организационно-методическое обеспечение профильного образования;
- пропаганда передового опыта развития профильного образования;
- воспитание гражданственности и любви к Родине;
- подготовка выпускников ЦДТ «Эрудит» к поступлению в ВУЗы.

На сегодняшний день Центр посещает около 1000 учащихся из разных микрорайонов города – р-н «Молодежный», «Александровка», «Стрелка». Центр пользуется большой востребованностью населением данных микрорайонов. Дети активно посещают занятия по профильным предметам и творческие объединения: изостудию «Волшебная кисточка», студии «Бисероплетение» и «Гобелен», театральную студию, клуб «Юный шахматист», радиокружок, кружки национальных, современных и восточных танцев. Открыт и активно работает Клуб международной дружбы, служба социально-психолого-педагогической поддержки населения. Данная служба осуществляет профессиональную деятельность, направленную на сохранение психического, соматического и социального благополучия воспитанников, обратившихся в Центр, их оптимальное личностное развитие и социальную адаптацию.

Центр «Эрудит» тесно связан с наукой, стремится участвовать в систематической научной экспериментальной деятельности, в связи с чем организована «Малая школьная академия». Малая школьная академия – добровольное творческое объединение старшеклассников, которые под руководством ученых, педагогов, специалистов в различных областях науки и искусства стремятся к полному и всестороннему развитию своих способностей и научного кругозора, приобретению лидерских качеств и созданию основы для осознанного выбора профессии.

Возраст обучающихся от 7 до 17 лет. Контингент детей Центра разнообразен – это и одаренные дети, и педагогически запущенные, дети с ослабленным здоровьем. Социальный статус семей также неоднозначен: неполные, многодетные, малоимущие семьи.

Ежегодно в ЦДТ «Эрудит» проводится «День открытых дверей», с целью презентации работы Центра, на котором дети представляют свои творческие работы и демонстрируют свои таланты, чему они научились в течение года. Воспитанники Центра с большим желанием участвуют в олимпиадах и других мероприятиях, по результатам которых становятся

победителями и призерами городского, республиканского и всероссийского уровней. Есть у наших детей достижения в турнирах по шашкам и шахматам.

Но особенно активно проводятся профильные оздоровительные лагеря дневного пребывания летние, зимние, осенние, весенние. Особенно запоминающимися для детей являются летние оздоровительные лагеря, которые охватывают до 160 человек. Детям предоставляется возможность заниматься в творческих объединениях:

- изостудия «Волшебная кисточка»;
- «Музыкальный час» (хореография);
- студия «Гобелен»;
- студия «Рукодельница»;
- «Окружающий мир»;
- студия «Театральное искусство»;
- «Спортивный час»;
- «Национальные танцы»;
- «Современные танцы»;
- «Литературная гостиная» и т. д.

Для того чтобы наиболее полно охватить все элементы лагерной программы в рамках летней смены весь коллектив работал по четко определенному режиму. Также был подготовлен план организационно-массовых и выездных мероприятий, направления психологического сопровождения по дням.

В рамках оздоровительно-досуговой работы были проведены:

- спортивно-игровые мероприятия с последующим проведением награждений и выдачей призов отдельным участникам и целым командам «День рождения лагеря», «Мисс лагеря», «А ну-ка, мальчишки», «День Нептуна», «День именинника», «День творчества и фантазии», конкурс «Лето – это праздник!», «Страна Спортландия!», «Заккрытие лагерной смены» и т. д.;
- анкетирование по экспресс-опроснику «Индекс толерантности» на выявление уровня толерантности;
- анкетирование-рисунок на тему «Я в летнем оздоровительном лагере «Солнышко»;
- турниры по шашкам и шахматам;
- выходы в бассейн – 2 раза в неделю;
- выходы в парковую зону и на аттракционы;
- 2-х часовая экскурсия «Мой любимый город» по г. Нальчику, проведенная гидом РЭБЦ в сопровождении сотрудников 3-го УВД.

На протяжении всей лагерной смены проводилась совместная работа с другими организациями и ведомствами: Департаментом образования администрации г. Нальчика, МВД КБР, ГИБДД, 3-м УВД, Кабардино-Балкарским республиканским отделением Российского Красного Креста, Государственным музыкальным театром, Республиканским театром кукол,

КБ Государственной филармонией, Государственной противопожарной службой КБР, Республиканским эколого-биологическим центром, школами, НШДС, спортивно-оздоровительным комплексом «Кабарда», ГКЗ – кинотеатром «Форум», кинотеатром «Родина» и т.д. Некоторые мероприятия были освещены в средствах массовой информации – местное телевидение КБР и печатные издания.

На закрытии лагерной смены «Солнышко» директором ЦДТ «Эрудит» И. А. Куашевой в торжественной обстановке были вручены почетные грамоты педагогическому коллективу за активную работу и благодарности детям за творческий вклад в проведение данной программы. В заключение была проведена большая концертная программа с участием вожатых и воспитанников смены. В день закрытия лагерной смены также была организована выставка детских рисунков, поделок по некоторым направлениям: гобелен, рукоделие, изостудия.

Ценность проведения данной лагерной смены в том, что каждый ребенок окружен вниманием и заботой, учится сплоченной работе в группе сверстников, доверительному общению и проявляет искреннюю заинтересованность к новым направлениям и новым людям. Именно в таких формах взаимодействия с ребенком идет интенсивная подготовка личности к более активной и полноценной жизни в обществе.

После завершения лагерной смены руководство МОУ ДОД ЦДТ «Эрудит» и педагогический коллектив в целом получили ряд благодарностей от детей и их родителей за полноценный и незабываемый отдых.

Анзор МАРЕМУКОВ

В рамках направления приоритетного национального проекта «Образование» в 2007 году прошел конкурс «О мерах государственной поддержки подготовки рабочих кадров и специалистов для высокотехнологичных производств в государственных образовательных учреждениях начального профессионального и среднего профессионального образования».

Всего на участие в конкурсном отборе было подано 266 заявок.

В нашей республике в этом конкурсе участвовал Кабардино-Балкарский агропромышленный профессиональный лицей им. Б. Г. Хамдохова (КБАПЛ) и стал победителем.

Грант, полученный образовательным учреждением, немалый. Сейчас лицей использует эти средства для существенных перемен в своей системе образования. Об участии в конкурсе и в целом о работе КБАПЛ рассказывает директор лицея, доктор технических наук, профессор А. Х. Сохроков.

– Анатолий Хазритович, ознакомьте, пожалуйста, с историей становления лицея.

– Первоначально на этом месте располагалась сельскохозяйственная школа. В 1954 году на ее базе открыли училище механизации, переименованное затем в профессиональное техническое училище № 1. Через некоторое время училище дважды меняло свое название – профессиональное техническое училище № 14 им. Б. Г. Хамдохова и профессиональное училище № 14 им. Б. Г. Хамдохова.

В 2000 году училище получило статус лицея.

– Каковы основные профили?

– Главный профиль – подготовка механизаторских кадров. Но в последнее время мы стали готовить и других специалистов, востребованных временем, таких, как портные, сварщики, автомеханики; экономика и бухгалтерский учет в АПК; механизация сельского хозяйства; хранение и переработка сельскохозяйственной продукции и другие.

– Сколько учащихся ежегодно поступает в лицей, и все ли они заканчивают его? На какой основе предоставляются образовательные услуги?

– Ежегодно мы принимаем более 500 учащихся на дневное обучение и 90 на вечернее отделение. Отток учащихся минимальный, особенно в последние годы.

Образовательные услуги предоставляются исключительно на бесплатной основе. Более того, всем учащимся, независимо от уровня успеваемости, выдается стипендия, они обеспечиваются двухразовым бесплатным питанием.

Кроме этого, постоянно действующая комиссия выявляет наиболее нуждающихся

**Сохроков Анатолий
Хазритович,**

директор агропромышленно-
го профессионального лицея

учащихся, которым выдаются обувь, одежда. В настоящее время бесплатным проездом пользуются 46 человек.

Несколько слов о сотрудничестве с Кабардино-Балкарской государственной сельскохозяйственной академией.

Уже четвертый год в лицее действует центр интегрированного образования. За это время более 200 выпускников стали студентами КБГСХА. Многие уже окончили ее. Технология такова. Одновременно наиболее успевающие учащиеся, обучаясь в этом центре, получают дополнительное образование, которое позволяет им поступить в академию и параллельно обучаться в ней. По окончании лицея они уже являются студентами 2 или 3 курса и имеют возможность продолжить образование в высшем учебном заведении. Как правило, они показывают хорошие знания и значатся в числе лучших студентов.

Именно предоставление такой формы образовательной услуги привлекает в последние годы к нам выпускников школ с довольно-таки высокими знаниями.

– Известно, что в образовательные учреждения НПО и СПО приходят дети из так называемых неблагополучных семей. Как вы выстраиваете воспитательную работу с ними?

– Я бы сказал, что бытующее мнение о якобы сплошных «трудных» детях, поступающих в образовательные учреждения НПО и СПО, ушло в прошлое. К нам поступают типичные учащиеся с обыкновенным детским мировоззрением, с теми же проблемами, что и у учащихся общеобразовательных учреждений. Другой вопрос, как они себя чувствуют в нашем образовательном учреждении, где от них не требуют глубоких знаний математики или же иностранного языка, но зато предоставляется возможность, скажем, прокатиться на тракторе, о чем мечтали давно.

Бывают, безусловно, проблемы, как с отдельным учеником, так и с целым курсом. Но в каждом случае педагогический коллектив находит подход. Приведу совершенно свежий пример. У нас была группа, с которой были проблемы с посещаемостью. Мы испробовали много вариантов, которые никак не повлияли на искоренение этой проблемы. Пришла идея объявить по всему лицее конкурс на лучшую посещаемость. Победила именно эта группа и выиграла главный приз – отдых на Черноморском побережье на базе НПО «Смена». Так получилось, что чисто случайно в эти дни там проходили съемки детской телепрограммы «Ералаш», присутствовал и художественный руководитель программы Борис Грачевский, который объявил конкурс на лучший сюжет, героями которого должны были стать и сами же авторы. Наши ребята не только стали участниками, но и заняли первое место в этом необычном конкурсе.

– Да, действительно, этого примера достаточно, чтобы убедиться в особом воспитательном подходе к учащимся вашего лицея. А теперь, Анатолий Хазритович, о другой, более глобальной победе в приоритетном национальном проекте «Образование».

– В 2006 году, когда заговорили о новом проекте в образовании, мы, работники образовательных учреждений НПО и СПО, безусловно, с белой завистью следили за участием в объявленных конкурсах наших коллег по

системе образования, и были уверены, что такое звено, как наше, тоже может быть задействовано на каком-то этапе. Ждать пришлось недолго. Уже на второй год реализации ПНПО включено еще одно направление – «О мерах государственной поддержки подготовки рабочих кадров и специалистов для высокотехнологичных производств в государственных образовательных учреждениях начального профессионального и среднего профессионального образования».

Не могу сказать, что было легко решиться на участие в этом конкурсе и мне, как руководителю, и всему коллективу, как главному участнику. Но едины были в одном: надо попробовать, у нас есть, что представить, есть прекрасная действующая программа «Подготовка квалифицированных рабочих, специалистов для малого предпринимательства в сфере высокотехнологичных направлений растениеводства Кабардино-Балкарской республики», наработаны основные требуемые критерии участия. А для поправки некоторых штрихов у нас оставалось немного времени. Хочу выразить признательность всем, кто проявил участие и понимание и поддержал нас в дни подготовки к конкурсу.

По условиям нацпроекта софинансирование должно составлять равную пропорцию как из федерального бюджета, так и регионального. А если сказать точнее, то вторая часть софинансирования составляет в сумме из республиканского бюджета, из заработанных самим лицеем средств и вложений от предприятий. Процедура не из самых легких и сиюминутно разрешимых. Но во всяком деле есть пути их разрешения. В нашем случае они преодолены.

Мы получили из федерального бюджета 21,5 млн. рублей, а сумма софинансирования даже превысила требуемую планку. Она составляет 21 млн. 908 тысяч рублей.

– Вы говорили о вложениях предприятий. Если можно, назовите, пожалуйста, те предприятия, организации, которые являются вашими социальными партнерами?

– Лицей сотрудничает в течение ряда лет со многими предприятиями и организациями. Наиболее тесные связи имеем с ООО «Агро+», Пищекомбинатом «Докшукино», ООО «Агро-Инвест», ЗАО р НП «Морзох», ООО «Криптон», ООО «Черек-Агро», ООО «Черек-МТС». Все они являются нашими социальными партнерами и участвовали в софинансировании в рамках нацпроекта, за что еще раз выражаю им благодарность.

В рамках реализации инновационных программ мы заключаем с этими предприятиями договора, где оговариваем пункт по трудоустройству. Немаловажным является предоставление ими возможности прохождения нашими учащимися трудовой практики.

Социальные партнеры участвуют в разработке учебных программ, итоговой аттестации выпускников. Безусловно, такое участие в учебно-воспитательной жизни лицея положительно влияет на весь процесс обучения и воспитания учащихся и процент трудоустройства выпускников.

К сожалению, не всегда все наши выпускники сразу трудоустраиваются, тому препятствуют призыв в ряды вооруженных сил и другие

причины. Но в основном большинстве они находят применение своих знаний и профессиональных навыков, полученных в стенах лицея.

– Обозначьте, пожалуйста, те направления, на что направлены полученные средства в рамках нацпроекта.

– Инициатор приоритетного национального проекта «Образование» Владимир Владимирович Путин первоначально отметил, что этот проект не может стать панацеей от всех накопившихся на сегодня в системе образования проблем. Если посмотреть, на что направлены средства, полученные нами, то с полной уверенностью можно сказать, что они довольно ощутимые. По условиям нацпроекта выигранные деньги можно использовать по нескольким направлениям. Это закупка учебно-лабораторного и учебно-производственного оборудования, приобретение учебно-методических материалов, повышение квалификации преподавателей. Мы распределили средства по всем этим направлениям. У нас значительно пополнился технопарк, оборудован еще один компьютерный кабинет, приобретены очень важные технологические приборы для лаборатории по хранению и переработке сельскохозяйственной продукции. В целом, все средства, как федеральные, так и региональные, потрачены на общее пополнение материально-технической базы лицея, которое непременно будет способствовать повышению качества образования наших учащихся, а самое главное – повлияет на подготовку рабочих кадров и специалистов для высокотехнологичных производств.

– Анатолий Хазритович, каков планируемый результат реализации проекта в вашем случае?

– Все четыре приоритетных национальных проекта, реализуемых в стране, безусловно, направлены на значительные позитивные результаты.

В нашем конкретном случае они направлены на:

– формирование материально-технического и нормативно-правового обеспечения функционирования Ресурсного центра подготовки рабочих и специалистов высокотехнологичных направлений растениеводства;

– разработку содержания интегрированной широкопрофильной профессии НПО;

– введение в учебный процесс лицея современных образовательных технологий;

– обеспечение участия работодателей как основных заказчиков кадров во всех звеньях образовательного процесса;

– организацию повышения квалификации педагогического корпуса лицея;

– проведение стажировок по современным производственным технологиям в растениеводстве, а также и еще на ряд мероприятий, направленных на качество профессионального образования.

Р.С. Кабардино-Балкарский агропромышленный профессиональный лицей им. Б. Г. Хамдохова обладает высоким интеллектуально-кадровым потенциалом учреждения, в нем работают один доктор технических наук, пять кандидатов сельскохозяйственных наук, семь почетных работников НПО РФ, двенадцать отличников ПТО РСФСР, заслуженные мастера и работники образования.

Зурида КОКОВА,

учитель английского языка

Воспитание толерантности средствами английского языка

*If we are to teach real peace in this world,
and if we are to carry on a real war against war,
we shall have to begin with the children.*

Mohandas Gandhi

Воспитание в духе толерантности рассматривается Российским правительством в качестве безотлагательного императива. «В сфере образования воспитание подрастающего поколения в духе миролюбия, терпимости должно стать нравственно-философской основой, важнейшей задачей для всех преподавателей», – подчеркивается в Общероссийской федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе».

Когда же и с чего начинать воспитание толерантности? Как научить детей быть толерантными? Считаю, чем раньше учитель (воспитатель, родитель) поможет ребенку осознать неповторимость своей личности, а также личности его сверстников, тем проще будет ребенку в дальнейшем успешно адаптироваться к окружающему его миру. Как сформировать у детей навыки толерантных отношений? Ответ, думаю, однозначный: только через *деятельность*. Деятельность может быть и речевая, и практическая, в зависимости от возрастных особенностей детей, их интересов и склонностей.

Воспитание толерантности на своих уроках я начинаю уже со 2-го класса, когда дети впервые начинают изучать иностранный язык. В ноябре, в связи с Международным днем толерантности, во всех классах, где я работаю, проводятся уроки толерантности, стремлюсь при этом использовать активные формы уроков, чтобы вовлечь всех учащихся в практическую деятельность. Глубоко убеждена, что школьный предмет «Английский язык», как никакой другой, представляет огромные возможности для всестороннего развития личности, формирования гуманистического мировоззрения, терпимости, миролюбия. Процессу «обучения иностранным языкам» в настоящее время противопоставляется «обучение иноязычной культуре» (Кузовлев В. П., Сафонова В. В), которое принципиально отлично и по цели, и по содержанию.

Целью «обучения иноязычной культуре» является формирование человека не столько как носителя знаний, сколько как человека культуры, развитие его духовных сил, способностей, воспитание его морально ответственным и социально полезным человеком; а содержанием образования является культура как система духовных и материальных ценностей, накопленных обществом во всех сферах – от быта до философии. Общение на английском языке – это межкультурное взаимодействие. Можно ли достичь взаимопонимания, если мы не знаем (а иногда и не хотим знать), что наш собеседник отличается от нас уже потому, что родился

и вырос в другой стране, в другой культуре? Очень важно донести до ребенка, что чужая культура – не хуже и не лучше нашей – она просто другая, и нужно терпимо и с пониманием относиться к этим различиям. Считаю, что использование технологии диалога культур является одним из важнейших средств воспитания толерантности. Культура – это диалог, обмен мнениями и опытом, постижение ценностей и традиций других; в изоляции она увядает и погибает.

Обучение иноязычному общению в контексте диалога культур предполагает взаимосвязанное решение следующих коммуникативных, воспитательных, общеобразовательных и развивающих задач, а именно:

1. Познавательный (культурологический) аспект:

- активизация имеющихся в опыте учащихся знаний о культуре англоязычных стран;
- знакомство с культурой страны изучаемого языка путем сравнения имевшихся ранее знаний и понятий с вновь полученными, со знаниями о своей стране, своей области, о себе самих;
- развитие у школьников способностей представлять свою страну и культуру в условиях иноязычного и межкультурного общения.

2. Учебный аспект:

- формирование и развитие коммуникативной культуры школьников, развитие культуры устных выступлений и письменной речи на английском языке;
- развитие умения читать аутентичные тексты лингвострановедческого содержания с различными учебными стратегиями;
- развитие умения переводить и пользоваться словарем.

3. Развивающий аспект:

- развитие у школьников способностей использовать английский язык как инструмент общения в диалоге культур и цивилизации современного мира;
- развитие интеллектуальных умений и творческих способностей учащихся при сборе, обработке и интерпретации различных видов культуроведческой информации;
- развитие лингвострановедческой и речевой наблюдательности, творческого воображения, ассоциативного и логического мышления в условиях иноязычного учебного общения;
- развитие коммуникабельности, самостоятельности, умения сотрудничать.

4. Воспитательный аспект:

- формирование у учащихся представлений о диалоге культур как сознательно избираемой жизненной философии, требующей от его участников уважения к другим культурам, языковой, этнической и расовой терпимости, готовности к изучению культурного наследия мира, к духовному обогащению достижениями других культур, более глубокое осознание своей родной культуры через контекст культуры англоязычных стран;
- воспитание чувства патриотизма, чувство гордости за свою культуру, свою страну;

– воспитание потребности и способности к сотрудничеству и взаимопомощи.

Межкультурная коммуникация, как диалог культур может быть реализована исключительно на наследии собственного народа, национальной культуре, культуре родного края. Включая в материал урока национально-региональный компонент, я стремлюсь развить у учащихся умение представлять не только свою страну, но и свою малую родину в условиях межкультурного общения.

На уроках мы изучаем такие темы, как:

1. Географическое положение, климат, природные ресурсы республики.
2. Нальчик – мой родной город.
3. Промышленность и сельское хозяйство. Экология.
4. Образование и культура. Религия.
5. Традиции и обычаи народов, живущих в республике.
6. Национальные виды спорта.
7. Выдающиеся люди моего родного края.

Но это не значит, что эти темы изучаются изолированно. Все они включены в соответствующие разделы учебника. Так, например, изучая символику Великобритании, мы одновременно изучаем и символику России, и символику нашей республики. Национально-региональный компонент в процессе обучения английскому языку и культуре выступает в роли связующего элемента, способствующего проникновению в изучаемую культуру: каждый аспект культуры подвергается кросс-культурной оценке путем сравнения или контрастирования.

Диалог культур является прекрасным средством борьбы против национальной неприязни, если он не ограничивается простым сопоставлением фактов родной и иностранной культуры. *Подлинный диалог культур* предполагает учет следующих условий: во-первых, необходимо знать чужую культуру. Но «знать» не в смысле примитивно «запомнить и уметь воспроизвести». Чтобы *знать*, надо: **воспринять, проанализировать, оценить, сопоставить со своим, включить в систему своих знаний, действовать соответственно новому желанию.**

Если учащийся не прошел все эти *ступени присвоения знаний*, они вряд ли будут действенными, ибо нет другого пути к овладению иноязычной культурой, как через *деятельность*. Очень важно научить учащихся умению самостоятельно выяснять, узнавать, интерпретировать культурные ценности, соотносить существующие стереотипы с собственным опытом и делать адекватные выводы, а не пассивно получать информацию от учителя. Принцип обучения в контексте диалога культур создает условия изучения культуры стран изучаемого языка с опорой на мировую культуру и переосмысление отечественной культуры в зеркале мировой культуры, результатом которого является взаимопонимание.

Значение религии в воспитании нравственности и духовности сегодня никто оспаривать не станет. С целью воспитания уважения к взглядам и убеждениям людей различных вероисповеданий, осознания общечеловеческих ценностей христианской, мусульманской и буддисткой религий, освоения учащимися специальной лексики на тему различных религий

и развития навыков англоязычного общения в сфере темы «Религия», в старших классах проводятся цикл уроков по теме «Религия. Обычаи, традиции, праздники». На уроках учащиеся вовлекаются в различные виды стимулирующей деятельности: чтение текстов с различными учебными стратегиями (skimming, scanning, reading for detail), обсуждение и интерпретация текста, заполнение сравнительных таблиц (сопоставление с собственной культурой) и т. д., которые ведут к межкультурному сравнению, и достигаемое межкультурное общение организуется как двусторонний процесс, как диалог двух культур – иноязычной и национальной.

Важное место в воспитании учащихся занимают праздники. Праздники – это средство восстановления гармонии в нашей повседневной будничной жизни.

В своей работе широко применяю различные активные формы уроков, но особенно люблю готовить и проводить уроки-праздники с использованием технологии диалога культур. На уроках мы изучаем праздники как народов англоязычных стран, так и русские народные праздники (Рождество, Пасха, Масленица), знакомя ребятам с мусульманскими праздниками Курбан-Байрам и Ураза-Байрам, еврейскими – Рош-ха-шана, Ханука. При проведении уроков-праздников особое внимание уделяю сопоставлению культурных традиций народов различных стран, подчеркиваю, что народы создали свои праздники, прежде всего, для того, чтобы отдать дань уважения своим близким, своей стране, своим религиозным и культурным традициям, что сложившиеся веками обряды и ритуалы подчеркивают ценность человека и уважительное отношение к нему.

Все это способствует укреплению морально-психологической обстановки, приобщению детей к национальной и мировой культуре, способствует общению, дружбе, сближает учащихся, мобилизует их творческие возможности.

Преподавание английского языка в контексте диалога культур способствует воспитанию человека культуры, приверженного общечеловеческим ценностям, впитавшего в себя богатство культурного наследия прошлого своего народа и народов других стран, стремящегося к взаимопониманию с ними, способного и готового осуществлять межличностное и межкультурное общение, в том числе средствами английского языка. Осуществление обучения и воспитания в контексте культуры способствует лучшему усвоению учебного материала, повышению коммуникативно-познавательной мотивации, обеспечивает возможность одновременного обращения к языку и культуре, положительно воздействует на эмоциональное состояние учащихся, способствует формированию толерантности учеников к носителям любых культурных, религиозных, этнических традиций, воспитанию личности XI века.

Екатерина ЖАБОВА

«

»

Сама природа нашего края является источником творческого вдохновения. А Людмила Салиховна Созаева жительница нашего края – пропустила через душу и сердце высоту снежных вершин, стремительное течение горных рек, аромат садов, исцелительную силу лекарственных трав...

Известно, что стихи льются из сердца, и души поэта.

Я обратила внимание на фото Людмилы, оно меня как-то не отпустило: что-то завораживающее, вдохновенное, стремительное и в то же время печальное, какое-то конкретное своеобразие, знаменующее шаги от мечты к действительности. Чем же «живет» этот эмоционально-интимный и высоко поэтический взгляд? Перевернув страничку обратно, прочитала следующее: «Я не могу назвать себя поэтом, / И, может, главное не в этом, / А в том, что иногда в тиши / Ищу стихи я для души».

А после «ушла» в поэтические дали Людмилы и читала, читала, читала... Нет, Людмила, ты поэт и поэт не вне мира, а в реалиях жизни. Это лирика подлинная, где лирическое «Я» и так называемый лирический герой очень часто сливаются, образуя мир души Созаевой. Внутренняя выверенность каждой строфы почти во всех текстах определена: «Этот маленький, нежный росток / Очень долго был одинок. / Никого ни о чем не просил, / Не спеша, набирался сил».

Инструментовка стиха – это медленный, но верный рост, когда дух крепнет, набирается сил, «Незаметно так, день за днем, / Появлялись бутоны на нем, / Листья бархат зеленый покрыл, / Дивный облик росточек открыл».

Этот «дивный облик» крепнет, набирается сил; и тот напиток, который утоляет крепнущий организм поэтическим мышлением, высвечивает узоры дара. Вырисовывается узор ее, Людмилы Салиховны: она так видит, так чувствует, так дышит. Вы читали у кого-нибудь такое: «Я хочу одна побыть / В полной тишине. / Временно про все забыть, / Дать покой душе».

Если даже не читали – а должны похожее найти, – вы это состояние испытали: объективно существующая связь между человеком и окружающим его миром. Психологизм и тонкость поэтического чувства у женщины, на наш взгляд, отличается от мужских: и голос, и печаль, и радость, и любовь, и ненависть, и ирония – все чистое, все честное, гибкое, без притворства. Зрелость мысли, четкость поэтических находок, мастерство формы, абсолютная собранность, чистота языка... – все это приходит не сразу, это уже сильная поэтическая личность. Да и вообще поэзия – это удел любимцев Господа; надо полагать, это самый сложный, труднейший путь постижения сердечного и душевного шепота, тех импульсов, которые идут «оттуда». Великая Ахматова признается: «Когда б вы знали,

из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда, / Как желтый одуванчик у забора, / Как лопухи и лебеда».

Людмила Созаева оригинально выразила это явление в мир ее души – эту тонкую нить уловить и запечатлеть, не искать, не мучиться, а своевременно, вмиг «поймать»: «Вдохновенье, вдохновенье! / Это лишь одно мгновенье. / Ты успеи его поймать...».

Опыт каждой человеческой жизни бесценен, а выраженная индивидуальность поэтического мира Мастера – высокое понятие. Приблизиться к этому высокому хочется каждому пишущему. Но ведь для этого нужна учеба, которая предусматривает литературную преемственность, что является сложным и внутренне противоречивым.

Одно небольшое стихотворение Созаевой «На бескрайнем небесном просторе...» мне напомнило «Кавказ» Пушкина. Нет никакого словесного повтора, но взгляд с высоты! «Кавказ подо мною...» у Пушкина, а Созаева озирает Кавказ тоже с высоты: «А внизу – скалистые горы, / На вершинах блестят ледники / И куда ни направь свои взоры, / Всюду чистые родники».

Дочь Кавказа не может не любить свой край – он питает ее своим соком, ароматом. Лермонтов не сын Кавказа, но его слова «Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз: / Как сладкую песню отчизны моей, / Люблю я Кавказ» стали крылатыми.

Пространственное положение элементов пейзажа в двух указанных текстах (пушкинском и созаевском) приближены. Если четырехстопный амфибрахий «Кавказа» Пушкина текст делает спокойным, удобным для наблюдателя, созаевское «На бескрайнем небесном просторе» – трехдольная стопа, т. е. трехстопный анапест. Здесь наоборот – стремительность анапестического ритма обусловлено наличием двудольной анакрузы, что удобно переложить на музыку. Здесь тоже взор охватывает огромное пространство – от «бескрайних небесных просторов» до «птичьего гомона в чаще лесной».

Сборник «Шаг за шагом...» представлен немалым количеством пейзажных текстов – «сотрудничество» автора с атмосферой величия природы. Попытаемся вслушаться и увидеть картинно вот этот текст: «Небо тучами покрылось, / Все живое затаилось, / Стали молнии сверкать, / Громы ласточек пугать. / Шумный ветер поднялся, / Вскоре ливень начался. Пролился он на луга, / На речные берега, / Воды сильно замутил, / Землю влагой напоил. / И опять настал черед / Солнце пропустить вперед».

Каково будет видение описанного природного явления у школьника в чтении учителя-профессионала?! Вхождение в мир природы через живые словесные звуки ритмически организованного стиха позволит читателю-школьнику понять причинно-следственную обусловленность явлений. Об этом говорит и мелодика стиха, его содержательная наполненность.

Написанный самым популярным стихотворным размером – хореем – текст быстро заучивается наизусть; обилие действенных глаголов, их параллельное расположение «заставляют» размеренно выполнять свои природные обязанности и тучам, и молнии, и грому, и ветру, и ливню.

Тютчевское «Люблю грозу в начале мая...» рано входит в жизнь детей

своей чистотой, ясностью и красотой. А разве равно не войдет созаевское в мир детского восприятия? Я не ставлю на одну плоскость великого лирика-мыслителя с поэзией Созаевой. Нет поэта, который не писал бы о природе и, вероятно, мало кто не помнит – надеемся, и Созаева – слова Руссо: «Одна только книга открыта всем очам, это книга природы... она говорит всем людям и языком, понятным для всех умов» Эти слова отозвались в отчеканенных тютчевских строках о природе: «В ней есть душа, в ней есть свобода, / В ней есть любовь, в ней есть язык».

Своя «книга природы» есть и у Людмилы Салиховны. Назовем некоторые: «В этом уголке земном...», «Утро. Солнце высоко...», «Туман сгущается сильней...», «Мороз февральский захотел...», «Солнцем весенним согретый...», «У лесных тропинок и больших дорог...», «Сказочные горные долины...», «Над озерною водой...» и много других.

Известна безграничность вселенной, загадок много. Мы не касаемся научной стороны этого вопроса – не компетентны, а попытка определить меру раскрытия поэтической мысли через критерий художественности. Автор сборника «Шаг за шагом...» имеет о «бездне», о бесконечности мироздания свое представление, у нее свое представление о пространстве, ее взору открываются «ступени» этой высоты. Она хочет знать, «Где Млечный Путь проходит / Туманной полосой, / Звезда всегда восходит Полночною красой...». А «Что ищет во Вселенной, / Покрытой пеленой, / С холодной и надменной / Загадочной Луной?» Людмила ищет ответы «у природы ... на вопросы, что били ключом», чтобы «По-другому взглянуть на просторы, / На леса, на луга, на поля, / На озера, на реки, на горы / И понять, как прекрасна земля». Эмоциональное воздействие сонорных согласных огромно (особенно «н» и «р»), которые ассоциативно сопрягаются с пространственной ширью, и слова, несомые ими, несут основную смысловую нагрузку.

Людмила Салиховна раскрывает перед читателем разные стороны своей (или лирического героя?) биографии: это и дом, и семья, и друзья, и недруги, и любовь, и предательство, и разные жизненные ситуации... и пронзительная боль по потере близкого человека. Сердце сжимается и не отпускает надолго чтение стихотворения «Со дня, как тебя не стало...». Чтобы написать такое, через это надо пройти. Вероятно, потеря родного человека отозвалась такой неизмеримой болью в сердце поэта. Она не знает, «Как заново жить научиться, / Где выход найти, и какой?». Стихотворение монологично, но ведь и диалогично: разговор не только с самой собой, но и с тем, кто ушел: «Прости» ... повторяю я снова, что не смогли уберечь». Мир души израненного сердца обнажен: природная естественность столкнулась с тяжестью ее пережить, нерв внутренних переживаний обнажился, плачет душа, все стихотворение – сгусток боли: «Умом объяснить все не сложно, / Не властен никто над судьбой, / Но сердцем понять невозможно, / Как справиться с этой борьбой». Аналогичную боль, когда логика любящего сердца не может согласиться с размером потери, испытал и Олег Кочетков, лауреат Есенинской литературной премии и Всероссийской премии «Традиция». Его стихотворение «Памяти отца» – та же боль, то же страдание во всех четырех строфах. Прислушаемся к

двум последним строфам: «Я – себя половина теперь, / А другая тоскует в тебе. / Так жестоко захлопнулась дверь, / Отче мой, в нашей общей судьбе. / Ни полслова, и ни прости, / Ни прощенья, только – прощай! / Лишь свеча в онемевшей горсти / Точит слезы: «Христос – воскресай!»

Психологический параллелизм двух стихотворных текстов выражается в сопоставлении душевного состояния страдающих и естества природы. С ритмологической точки зрения амфибрахический стих предусматривает однодольную анакрузу, чем не наполнены указанные тексты. У авторов обоих текстов на дне души грусть, которая поражает в самое сердце и читателя. Полагаем, что развитию заложенного природой Созаевой не мешало, а способствовало творчество Блока, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кайсына Кулиева. О сложности и противоречивости литературной преемственности, усвоении и отталкивании немало сказано учеными-литературоведами. Энциклопедичность и многогранность вышеназванных поэтов общеизвестна, и Людмила Салиховна знает их поэзию и учится у них – а без диалектики преемственности нет движения вперед, нет модернизации.

Реминисценции обязательны не только для начинающих творить: учились и Пушкин, и Лермонтов, и Тютчев, и Фет, и Некрасов, и Блок... Знаменательны переключки, единение мотивов. Эта духовная «учеба» молодого поэта Созаевой у известных баснописцев очевидна.

Обнажая лживость, низкопоклонство, лицемерие, развращенность, корысть, алчность, злоупотребление своей властью (журнал «Почта духов») и другие пороки, И. А. Крылов, поборник природных прав человека, продолжал традиции А. Суморокова, В. Майкова, М. Хераскова. Читатели становятся свидетелями, как басенный жанр от Эзопа (V–VI вв. до н. э.) до С. Михалкова постепенно меняется, развиваясь и приобретая поэтичность, новые художественные принципы, дидактическое задание, моральное назидание.

Наследуя мудрое отношение к явлениям действительности, Людмила Салиховна обнажает пороки своих современников, создавая обобщенные, типические образы. Жестокость, вероломство, хищничество и здоровое моральное чувство, человечность, высота нравственной позиции стоят по разные стороны. В басне «Однажды пир стоял горой» «разные собрались гости, / Блеснуть умом, расправить кости / За светской, праздною игрой», т. е. собрались на фиесту. Главные герои здесь Обман, Злость, Зависть, Предательство. Компания широко развлекается, поют песни, дурачатся, поверхностно – сама любезность. Но так как герои персонифицированы, каждый несет в себе то, чем наделен: обман, зло, завистливость, способность на предательство. И вот итог: «Но вот закончилась еда, / И что куда девалось? / Друг друга стали есть тогда, / А что им оставалось?..»

Автор не обогащает текст бытовыми подробностями, нет никаких абстракций поучительных, а есть реалистический жизненный итог.

Острота социальной критики у Созаевой находит место и в природных явлениях – словесный рисунок иной (басня «Под синим куполом небесным»): «... Катилась речка по камням / И радовалась ясным дням». Но светлую радость чью-то может омрачить некий бес: «Но как-то раз

промоглый ветер / Подул откуда-то под вечер / И захотел все изменить, / Себе ту речку подчинить».

Тут характеризуется само действие антипода речки, радостно несущейся в даль. Разве мало темных сил, завидующих чистоте: промоглый ветер студит все вокруг, у него миссия такая. Возможно, это эпизод из жизни автора, когда самоуверенные власть держащие ни с какой человеческой моралью не считаются, они «моральны» без морали.

А басня «Отбившись от стада, овца / В тумане брела без конца» – явная дань современной жизни. Сильные мира сего, чувствуя себя хозяевами всего, лишённые нравственности, уверенные в безнаказанности, могут не только унижать, оскорблять, но даже не замечать присутствия другого, скромного. Что до тонкой души овцы старому волку, знавшему, «от кого какой толк»?

Психологически-конкретный смысл комментариев не требует: в обычных кафе, ресторанах, в местах «общего отдыха» можно увидеть «свинью, танцующую на «бис», хитрого лиса, облезлого шакала, доступных для всех гиен – ритмика, движение басенной интонации, собственно – фонетическая сторона авторской речи не метафорически, а конкретно представляет картину нашего времени. Тут особая экспрессия, убедительность, свойственная художественному мышлению.

Живое пламя чувств Людмилы Салиховны, то вспыхивая, то теряя надежду на спасение, а то основательно полагаясь на возрождение, является магистральным. «Я хочу одна побыть / В полной тишине. / Временно про все забыть, / Дать покой душе... / Не пытаться угадать, / Впереди что ждет, / Лишь желанье загадать, / Что мой час придет» – это не лирический герой, это сам автор, его душевное состояние, это желание освободиться от пут одиночества.

Перечитываю стихотворение «Одиночество, тоска и боль души...», пытаюсь измерить всю глубину отчаяния, почти безысходности, из чьей души вырываются эти мучительные, иссушающие дух слова. Стихотворение вылилось изнутри в минуты мучительных раздумий о жизни, возможно, чьего-то предательства, измены: «Одиночество, тоска и боль души, / Словно нахожусь в большой глуши, / И со мною рядом нет людей, / Нет и многочисленных друзей...»

Хореический размер в ритмологическом плане будто и не предусматривает внутренней боли (от греч. «пляска», «хоровод»), однако в пятистопном хорее отсутствие безударных стоп в конце каждого стиха как бы усиливает боль, это сильные ударные слоги. Эта боль заложена в ритмический процесс, в динамическую меру. Чтобы излить душу, вынести на поверхность даже такое, когда «не видишь больше смысла жить», вероятно, необходима моральная смелость, необходимость быть верным художественной действительности – вот в этом и проявляется нравственная основа дарованного природой мастерства.

Через слово как средства художественной выразительности Созаева выдает высший смысл веры в торжество справедливости, в возможность счастья – ведь человек рожден для счастья: «Я знаю и верю, что будет весна / На лице жизни моей...»

Не страшась откровенности, Людмила Салиховна то прямолинейно, то в несколько «смущенной» форме, как бы из личного опыта, саморазоблачается. Мы не отсылаем эти наши видения в счет лирического героя, хотя и это исключить нельзя: «Я устала убирать / Камни на пути. / Сердце стало замирать, / Тишину б найти...». Истомленной душе требуется обновление, освобождение от натянутых нервных узлов растворением в природе: «Я хочу в тумане раствориться, / Оказаться утренней росой, / Дождиком серебряным пролиться / Над лесной зеленой полосой. / Бабочкою пестрой нарядиться, / Утонуть среди луговых цветов, / Запахом фиалки обратиться, / Ароматом розовых кустов. / Птицей пролететь над океаном, / На волнах русалкою сидеть, / Маленьким невидимым обманом / Душу снова в радугу одеть».

Удивительно живое стихотворение! Пятистопный хореический стих в стремительном полете. Даже целая стопа с безударным пиррихием не ослабляет, а дает лишь передышку. Тут душа открыта ощущениям, поэтическим наслаждениям – дорогого стоящее состояние! Какая параллель глаголов, художественно предельно убедительных, разных по смысловой значимости и близких эмоционально: «в тумане раствориться», «оказаться росой», «дождиком пролиться», «бабочкою нарядиться», «утонуть среди луговых цветов», «запахом обратиться, ароматом», «птицей пролететь», «на волнах русалкою сидеть», «душу в радугу одеть». Каждая ритмическая единица – стих – это самостоятельное интонационное целое, даже существительные в творительном падеже «регулируют» композиционную структуру миниатюры – такова крепь, спаянность желаний автора (не лирического героя!).

Не миновала Созаева и предельную лаконичность, отточенность мыслей: «Нельзя сказать тупице: «Дурак и тугодум», – / От этого не станет яснее его ум. / Попробуй по-другому взглянуть на сей недуг / И помоги тупому, хоть он тебе не друг».

Из этой позиции, философии жизни вырисовывается отчетливо «Я» Людмилы Созаевой.

Ибрагим ГУКЕМУХ,
кандидат исторических наук

Черкесы и Золотая Орда в XIII–XIV вв.

(Из истории взаимоотношений)

Проблема взаимоотношений черкесов и Золотой Орды уже давно обращает на себя внимание кавказоведов и медиевистов. С середины XX в. она затрагивается в работах Г. А. Кокиева, Л. И. Лаврова, Э. В. Ртвеладзе, В. П. Алексеева, А. В. Гадло и др. [1]. Однако все перечисленные авторы обращались к ней лишь в контексте этногенеза адыгов и вопроса о заселении кабардинцами новых территорий. Специальных работ по данной теме до сих пор нет. Проблема эта обширна и, безусловно, представляет большой интерес для современной исторической науки, но отрывочный характер письменных источников и их односторонность всегда становились камнем преткновения в попытках исследователей восстановить достоверную картину. Другим существенным препятствием является отсутствие у адыгов в XIII–XIV вв. своей письменности, и о событиях, происходивших в этот период на обширных территориях от устья Дона до дельты Волги, можно судить лишь по хроникам летописцев, находившихся при золотоордынских ханах, заметкам восточных и европейских дипломатов и путешественников и отрывочному фольклорному материалу, дошедшему до нас в виде эпических песен и преданий. Археологический материал, добытый в этом субрегионе, не поддается четкой идентификации, видимо, из-за интенсивного взаимовлияния местных и пришлых культур.

В связи со всем вышесказанным, воссоздать более или менее достоверную картину происходивших в указанный период событий невероятно трудно. Тем не менее мы решили сделать это, опираясь на имеющиеся источники и литературу.

Первые контакты

До первых столкновений с монголами, в начале 20-х гг. XIII в., черкесские племена населяли обширные пространства, включавшие предгорья и горы Северо-Западного Кавказа, равнины нижнего течения р. Кубань и восточные побережья Черного и Азовского морей – от Абхазии до устья р. Дон. В некоторых источниках говорится о том, что черкесы в этот период времени населяли также и восточную оконечность Крымского полуострова [2].

Ко времени появления в регионе монголов черкесские племена уже выступили на историческую арену как единый этнос. Об этом говорит факт употребления в письменных источниках нового этнонима – «черкесы», которым начинают пользоваться восточные авторы для обозначения адыгов. Показателем высокой степени консолидации черкесов является и бытующее в их среде общее самоназвание – «адыгэ». Именно в это

время (нач. XIII в.) на кавказской авансцене появляются монголы. Тридцатитысячный конный корпус Джэбэ и Субудая в ряде сражений громит кипчакские, аланские и черкесские отряды. Затем, стремительно пройдя по Предкавказью, монголы достигают северного побережья Азовского моря и, уничтожив на р. Калке русско-кипчакское войско, возвращаются в Монголию. Этот поход носил разведывательный характер и не преследовал цели захвата территорий. Лишь в 1237 г., после раздела наследия умершего Чингисхана, монголы приступают к планомерному завоеванию Северного Кавказа и Предкавказья. Одновременно предпринимается и поход на Русь. Инициатором западного похода является внук Чингисхана – Бату-хан (рус. Батый). Монгольскими войсками, действующими на Кавказе, командуют опытные военачальники – Менгу-каан, Кадан, а также двоюродные братья Бату-хана. Кипчаки, так и не сумевшие оправиться от поражений, нанесенных им еще в 1222–1223 гг., частью оставляют свои кочевья и уходят из Дешт-и-Кипчака, а частью вливаются в монгольские отряды. Защита Северного Кавказа и Предкавказья целиком ложится на плечи алан и адыгов. Несмотря на ожесточенное сопротивление, длившееся около трех лет, их основные силы потерпели неудачу, и уже в 1240 г. значительная часть Северного Кавказа оказалась в руках завоевателей. Однако сопротивление не прекращалось, и до политического обладания этими областями монголам было еще далеко. Возможно, от полного подчинения края монголов отвлекали честолюбивые устремления хана Бату, стремившегося подчинить страны Европы. Земли черкесов так и остались не до конца покоренными. Несмотря на военные успехи монголов в Европе их положение усложнялось с каждым днем. Причиной тому, помимо естественной убыли в войсках и боевых потерь, по-видимому, явился приказ Великого кагана Угедэя (сына Чингисхана, возглавившего после смерти отца Монгольскую империю). Приказ содержал требование о возвращении в Монголию сына кагана – Гуюка и племянника – Мункэ (тюркский вариант – Менгу). Бату-хан не посмел ослушаться верховного правителя, и ему пришлось отпустить Гуюка и Мункэ вместе с их туменами. Рашид ад-Дин сообщает, что они покинули армию Бату и в 1242 г. пришли в Монголию, «где расположились в своих ордах» [4]. Недовольство кагана было вызвано, скорее всего, тем, что поход на Европу был предпринят по личной инициативе Бату без согласования с Угедэем. Известно, что на курултае 1235 г. этот поход не планировался. Рашид ад-Дин свидетельствует, что объединенная армия под командованием Бату была послана на завоевание территорий Сибири, Волжской Булгарии, Дешт-и-Кипчака, Башкирии, Руси и Черкесии до Дербента [5]. Надо полагать, что другой объективной причиной столь быстрого возвращения монголов из европейского похода являлась постоянная угроза их сильно растянутым коммуникациям со стороны покоренных, но не замиренных алан и адыгов. Наличие такой угрозы косвенно подтверждается сообщениями Гильома Рубрука о том, что даже в 50-е гг. XIII в. черкесы и аланы еще не были подчинены монголами. Более того, они постоянно совершали нападения на близлежащие золотоордынские улусы, что вынудило монголов установить особые караулы у выходов из ущелий [6].

В конце 1242 – начале 1243 гг. монголы, вернувшиеся из Европы во главе с Бату, расположились в причерноморских и прикаспийских степях, известных восточным авторам под названием Дешт-и-Кипчак. Это событие отмечено в Ипатьевской летописи. Политическим центром этого нового и еще достаточно аморфного полукочевого конгломерата стал г. Сарай, основанный Бату-ханом в районе нижнего течения Волги (между Волгой и Ахтубой). Все эти факты позволяют считать, что возникновение нового государства, получившего название Золотая Орда (первоначально этот улус именовался Белой Ордой), можно отнести к началу 1243 г. С этого момента народы Северного Кавказа, и в первую голову аланы и адыги, вступают в полосу непрерывных военных столкновений с тюрко-монголами и с переменным успехом ведут борьбу за свою независимость. Борьба эта будет длиться до конца 70-х гг. XIII в. и завершится окончательным поражением алан и взятием их главного города Дедякова. В. Л. Егоров в своей монографии «Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.» пишет: «Небольшое увеличение золотоордынской территории произошло лишь на Северном Кавказе после похода Менгу-Тимура в 1277 г., когда были разгромлены аланы и, по-видимому, другие горские народы» [7]. Наверное, этот год и следует считать переломным в противостоянии завоевателей и народов Северного Кавказа. Во всех более или менее крупных городах и населенных пунктах отныне размещаются регулярные монгольские гарнизоны. Нойоны и эмиры этих гарнизонов имеют целью сбор дани с местного населения, а в случае необходимости выполняют и карательные функции. С определенной уверенностью можно говорить, что с конца XIII в. на всей плоскостной территории Северного Кавказа завоеватели устанавливают привычную для них военно-административную систему. В этот период Золотая Орда начинает приобретать более или менее постоянные территориальные очертания. На западном берегу Каспийского моря самым южным пограничным городом ее стал Дербент, или, как называют его восточные историки – Демиркапу (с тюркского – Железные ворота). От Дербента граница тянулась вдоль отрогов Кавказского хребта к побережью Черного моря. В XIII в. северокавказские степи уже полностью находились во власти Золотой Орды, чего нельзя сказать о предгорьях Кавказа. Паоло Карпини и Рубрук свидетельствуют о том, что несмотря на обладание монголами Таманским полуостровом, пределы государства в это время не могли распространяться далеко на юг по берегу Черного моря из-за борьбы с черкесами [8]. Владения обитавших по побережью непокоренных белых черкесов простирались до окрестностей современного города Туапсе (Краснодарский край). По-видимому, именно белые черкесы мешали золотоордынцам окончательно утвердить свое владычество в районе Западного Прикубанья и Восточного побережья Азовского моря. Их частые набеги на уже занятые монголами равнинные черкесские земли и стычки с завоевателями вынуждали последних держать здесь значительные силы. Золотоордынцы, конечно, не ограничивались только лишь обороной занятых ими земель. Ситуация заставляла их совершать ответные карательные и даже превентивные походы в области беспокойных племен. Ордынские ханы со временем

приходят к пониманию шаткости своего положения в этих землях и все чаще политике «кнута» предпочитают политику «пряника». Они начинают вербовать себе сторонников из числа местной знати и предлагать им посты эмиров и наместников [9]. Например, Г. Закиров упоминает о некоем черкесе Табуко, являвшимся наместником Крыма во времена хана Берке. Нужно сказать, что такие перемены во взаимоотношениях между золотоордынцами и черкесами объясняются не только активным сопротивлением последних. Существуют и другие серьезные причины. Уже в начале XIV в. в Золотой Орде усиливаются центробежные тенденции. Многочисленные потомки Чингисхана в своей борьбе за единоличную власть сильно ослабляют некогда могущественную империю постоянными распрями. Первым «тревожным звонком» для ордынцев явилось неповиновение усилившегося временщика Ногая своему сюзеру – хану Токте. Улусбек (наместник улуса) Ногай стремился отложиться от Токта-хана и единолично управлять своим улусом. Хотя это противостояние не было длительным (Токта-хан довольно быстро ликвидировал этот мятеж. Разгромив войско Ногая и умертвив его самого, он восстановил свою власть над его улусом), проблема сепаратизма осталась нерешенной. Более того, на протяжении всей последующей истории Золотой Орды так никогда и не был решен вопрос о «нормальном престолонаследии». Редкий хан покидал престол, не оказавшись жертвой заговора. Так, уже в 1312 г. сам Токта-хан был умерщвлен своим племянником Узбеком. Многие источники косвенно указывают на то, что в тот момент Узбека активно поддерживали черкесские эмиры. Еще со времен правления в Орде Токта-хана источники постоянно упоминают о присутствии в монгольском войске черкесских отрядов. «По имеющимся сведениям, – пишет Б. Керефов, – Токта-хан в свое время отдал на воспитание черкесским князьям малолетнего племянника – царевича Узбека... традиция аталычества приблизила черкесов к Узбеку, и они активно помогали ему в его восхождении на ханский трон» [10]. Однако часть приближенных Токта-ханом черкесов все же осталась верна своему благодетелю и отказалась признать Узбека ханом. Это обстоятельство, по вой видимости, и привело к целому ряду набегов, предпринятых Узбеком на земли не признавших его черкесских эмиров. Именно в этих набеггах погибает один из ордынских военачальников – Хасан. Все эти события происходят одновременно с непрекращающейся войной ордынцев против Хулагуидов. «После гибели эмира Чупана (военачальника Хулагуидов) в мухарреме 728 г. (1326–1327) старший сын эмира Чупана Хасан и сын его Талыш убежали от Чупана в Хорезм, а оттуда прибыли к Узбек-хану. У него они нашли высокое положение и сан и для него отправились на войну с черкесами. В этой войне Хасан получил рану и от нее умер. Талыш умер естественной смертью», – сообщает персидский автор Хамдаллах Казвини в своей «Избранной истории» [11]. В период правления хана Узбека (1312–1342) черкесские эмиры со своими отрядами уже довольно прочно обосновываются в столице Золотой Орды – Сарае. К этому времени относятся сведения о существовании в Сарае черкесского квартала. «В нем (Сарае) живут разные народы, как то Монголы – это (настоящие жители) страны и владыки (ея); некоторые из них мусульмане; Асы, которые му-

сультане; Кипчаки; Черкесы; Русские и Византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их», – пишет арабский путешественник Ибн Батута [12]. Из сказанного следует, что в столице Орды помимо черкесских воинов проживали и черкесские купцы. Упоминание о «базарах их» не оставляет в этом никаких сомнений. Факт существования в Сарае черкесского квартала, косвенно подтверждается и кабардинскими историческими преданиями, в которых есть сведения о пребывании адыгов в золотоордынской столице [12].

Таким образом, можно с большой долей уверенности отметить, что уже с начала XIV в. черкесы, наряду с другими покоренными этносами, начинают играть заметную роль в политической и экономической жизни Золотой Орды. Их роль в контексте исторических событий, вызванных к жизни монголо-тюркской экспансией на Запад, неоднозначна. С одной стороны, населяющие устье Кубани и побережье Черного моря черкесы продолжают оказывать завоевателям упорное сопротивление. В то же время вожди уже покорившихся ордынцам племен все чаще переходят на службу к новым хозяевам евразийских степей и довольно быстро добиваются высоких должностей у престола ханов Золотой Орды.

Росту авторитета черкесских эмиров при ханском дворе способствовали не только боевые качества их национальных дружин, но и становившиеся все более тесными родственные связи – результат брачных союзов между семьями черкесской и тюрко-монгольской знати. Б. М. Керевф справедливо отмечает, что «положительная этническая комплиментарность, установившаяся между татаро-монголами и черкесами, позволила последним обрести свою нишу в политической системе Золотой Орды» [14].

Наибольшего могущества Золотая Орда достигает в период правления хана Узбека (1312–1342). Узурпатор Узбек проявил себя дальновидным правителем, сумевшим на протяжении всего своего царствования установить в государстве относительный мир и прекратить распри и усобицы между представителями царствующего в Орде дома Джучидов. Исключением можно считать лишь постоянные военные столкновения с персидскими ильханами-хулагуидами, которые, впрочем, никогда не приносили решительной победы ни одной из противоборствующих сторон. Эта война с хулагуистским Ираном, развязанная еще при хане Берке, уже давно перешла в тлеющее состояние. Исторический военный союз с мамлюками Египта, заключенный Берке и укрепленный Узбеком, навсегда обезопасил южные границы Золотой Орды от посягательств ильханов: хулагуиды не могли позволить себе вести войну на два фронта. Вообще правление Узбека характеризуется расширением и укреплением дипломатических связей со многими странами Востока. Укреплению контактов с мусульманскими народами немало способствовал факт объявления Узбеком ислама государственной религией Золотой Орды. Благодаря этому шагу в восточной летописной традиции Узбек обрел ореол мудреца и защитника веры. Самое упоминание об отравлении им своего дяди Токта-хана и последующей узурпации власти напрочь исчезает со страниц восточных летописей. Ярким примером, демонстрирующим авторитет Узбека, является выдержка из «Истории Вассафа», в которой говорится: «Благочестивый царевич Узбек, сын Тоглука, сына Токтая, сына Менгу-

Тимура, обладающий божественною верою и царским блеском, лаптою права угнал мяч царства и теперь знамя ханства поднимает до горнего неба, как хоругвь ислама» [15].

В целом, как уже было отмечено выше, в период своего тридцатилетнего правления Узбеку удалось поднять международный авторитет Золотой Орды и укрепить ее изнутри. При этом успехи Узбека во внутренней политике, на наш взгляд, определялись интенсивным привлечением представителей покоренных народностей к делу непосредственного управления государством. Будучи дальновидным правителем, Узбек не мог не понимать того, что относительно небольшая по численности ордынская элита, опирающаяся лишь на военную силу своих соплеменников, не будет в состоянии долго удерживать в повиновении враждебные народы; населяющие обширные пространства. Традиционная политика ограбления завоеванных земель, унаследованная золотоордынцами от первых чингизидов, уже давно не отвечала складывавшейся на территории Орды ситуации. Узбек, понимая это, приложил все усилия к тому, чтобы посредством установления дипломатических контактов с богатыми державами мусульманского Востока наладить и развивать с ними постоянные экономические связи. Однако никакие усилия не могли уже спасти Золотую Орду от стремительно надвигавшегося глубокого политического кризиса. Все меры, предпринятые Узбеком с целью уберечь государство от губительных смут, оказались запоздалыми. С его смертью рухнули и последние надежды ордынцев на возрождение своего, когда-то могущественного государства. История сыграла с Золотой Ордой злую шутку, и нововведения, которые, казалось бы, должны спасти ее от развала, таили в себе катастрофические для ордынцев последствия. Преемники Узбека на ханском троне не стали продолжателями его преобразований. Они были озабочены, главным образом, охранением своей власти от посягательств сородичей. При этом и царствующие, и претендующие на престол особы все чаще прибегают к помощи некогда вассальных правителей и военачальников – выходцев из чуждой ордынцам этнической среды. Постоянные заговоры и распри настолько ослабили центральную ханскую власть и экономику государства, что почти все ханы, правившие после Узбека, вынуждены были вернуться к политике грабежа подвластных, которая была лишь исторической инерцией и не могла уже стать сколько-нибудь серьезной экономической базой для нормального функционального существования государства.

Усилившиеся в этот период эмиры-иноземцы из числа черкесов, алан, русских и других ранее покоренных монголами народов, в конце концов стали могильщиками Великой империи Чингисхана. Подобно атабекам сельджукских султанов или мамлюкам Айюбидов, эти эмиры-временщики все чаще берут бразды правления в свои руки; а кровные ханы из династии Джучидов все чаще становятся послушными марионетками. «Как мы видим, – пишет А. Массэ, – все династии, одну за другой, губит одна и та же болезнь – преторианство» [16]. Можно вполне согласиться с таким выводом, добавив лишь, что династию Джучидов сгубило не только преторианство.

После Узбека

Итак, дальнейшее развитие золотоордынской истории принимает столь резкий поворот, что государство оказывается на грани полного политического краха и территориального развала. «Спасли его от этого лишь щедрая помощь Тимура и энергичные действия Тохтамыша, занявшего престол в 1380 г.», – пишет В. Егоров [17]. Однако это «спасение» было только отсрочкой. После смерти Узбека в 1340 г. и вплоть до воцарения в Орде Тохтамыша на сарайском престоле происходит невообразимая «чехарда». Персидский автор Низам ад-Дин Шами в своей «Книге побед» свидетельствует о том, что в этот промежуток времени, т. е. приблизительно за сорок лет в Золотой Орде сменилось 15 (!) ханов [18]. Причем Шами упоминает лишь тех ханов, которые царствовали в Дешт-и-Кипчаке. Следовательно, можно предположить, что он говорит только о потомках Бату-хана. В то же время многие источники, упоминая известного Мамайя, указывают на тот факт, что Мамай усилился при хане Абдуллахе, которого Шами не упоминает. И, наконец, главный аргумент, говорящий в пользу наших сомнений, состоит в том, что в Золотой Орде к концу 50-х гг. XIV в. не осталось ни одного представителя ветви Джучидов, ведущего свое родство по прямой линии от хана Бату [19]. Поэтому на сарайский престол начинают претендовать Джучиды так называемой «кок-ордынской» ветви, ведущие свое происхождение от старшего брата Бату – Орда-Ичена. Последний хан из ветви Бату – Бердибек умер в 1359 г., не оставив взрослых наследников. Его смерть и явилась сигналом к началу распри между сарайской верхушкой и кок-ордынцами, стремившимися посадить в Золотой Орде своего хана и объединить под своей властью оба улуса.

Эмиры-узурпаторы

В этой сложной обстановке весной 1361 г. на политической арене Золотой Орды появляется фигура Мамайя. О его происхождении в источниках нет практически никаких сведений. Известно лишь, что он не являлся членом правящего дома ни по джучидской, ни по кок-ордынской линиям. Однако некоторые современные историки склонны считать, что Мамай был одним из иноземных эмиров, поступивших на службу к ордынским ханам. Русские летописи сообщают, что Мамай являлся «темником», т. е. военачальником, стоявшим во главе десятитысячного отряда – «тьмы» (тюрк. – «тумен»). Можно предположить, что возвышению Мамайя способствовала его женитьба на дочери хана Бердибека. Арабский летописец Ибн Хальдун в своей «Истории» сообщает: «По смерти Бердибека ему наследовал сын его Тохтамыш, малолетний ребенок. Сестра его, Ханум, дочь Бердибека, была замужем за одним из старших монгольских эмиров, по имени Мамай, который в его (Бердибека) царствование управлял всеми делами» [20]. Как уже отмечалось, Мамай не принадлежал к царствующему дому и поэтому не спешил провозгласить себя ханом. Он предпочел, не вызывая излишних страстей вокруг вопроса о престолонаследии, укрыться за спиной марионетки, не имевшей никакой фактической власти.

Используя свое влияние при дворе и авторитет в войске, Мамай добился титула беклярибека (тюрк. – «бек беков»), что соответствовало званию главнокомандующего всеми вооруженными силами). Таким образом, он формально стал вторым лицом в золотоордынской государственной иерархии, а фактически – сосредоточил в своих руках всю реальную власть. Первым марионеточным ханом при всесильном беклярибеке стал Абдуллах (1361–1369). Прикрываясь его именем, Мамай весной 1361 г. выступил против Тимур-Ходжи, захватившего сарайский престол. После свержения и убийства Тимур-Ходжи, он со своей ордой и Абдуллахом переправился на правый берег Волги и ушел в принадлежавший ему улус – Крым. Как уже отмечалось, вопрос о порядке наследования и времени пребывания на престоле того или иного хана в рассматриваемый период времени представляется чрезвычайно запутанным. Существует много неясностей и «белых пятен». Не совсем ясны мотивы ухода Мамай в Крым. Был ли это рассчитанный политический маневр или вынужденный уход? Неясно также, к какой ветви Джучидов принадлежал Абдуллах? Что послужило причиной бегства законного наследника Тохтамыша? Известно лишь, что последний вынужден был удалиться во владения набирающего силу хорезмийского владыки Тимурленга (Тимура) и искать его покровительства.

Основываясь на данных известных источников, трудно дать исчерпывающие ответы на возникшие вопросы. Тем не менее можно сделать некоторые предположения.

Известно, что после смерти Бердибека в Орде началась очередная смута. Возвысившийся при Бердибеке Мамай, естественно, вынужден был вступить в борьбу за власть с другими претендентами на ханский престол. И хотя эти претенденты были из кок-ордынской династии, в отсутствие наследников по линии Бату (за исключением малолетнего Тохтамыша), только они имели право занять золотоордынский трон, так как являлись прямыми наследниками Орда-Ичена – старшего сына Джучи. В этой ситуации Мамай мог добиться власти только путем выдвижения на сарайский трон своего ставленника. Такой марионеткой и стал Абдуллах. Возникает вопрос: являлся ли Абдуллах джучидом по крови? Указаний на это нет, но можно предположить, что Абдуллах принадлежал к роду Джучи по боковой линии. Иначе Мамаю он был бы не нужен.

Видимо, почувствовав в какой-то момент превосходство кок-ордынцев, Мамай сделал единственно верный шаг. Он не стал открыто противостоять им, так как не имел под рукой достаточного войска, но и не признал за ними права на престол. Взяв с собой Абдуллаха, Мамай просто удалился в свой улус, то есть в Крым. Таким образом, Абдуллах был для него лишь козырной картой в этой опасной игре. Но почему в удел Мамаю, простому темнику, в свое время достался этот богатый (надо полагать, самый богатый улус Орды). На это, на наш взгляд, было две причины, одна – явная, другая – скрытая. Явная заключалась в том, что, как упоминалось, Мамай был женат на дочери Бердибека. Отрытая же в том, что, по-видимому; Мамай являлся уроженцем Крымского улуса, либо был выходцем с Западного Кавказа, который частично в этот

улус входил. По мнению некоторых исследователей, он был природным черкесом. В частности, С. Х. Хотко пишет: «Золотоордынский диктатор Мамай, скорее всего, был черкесского происхождения... после разгрома на Куликовом поле Мамай пытался скрыться у Жануко Джаркаса (в европейских источниках – Жанкасиус Зих) – правителя крымского г. Солхата и фактического наместника Крыма» [21]. Теперь самое время вспомнить о том, что именно период правления Узбека и следующих за ним ханов был ознаменован ростом влияния кавказских эмиров. Напомним, что Крымский улус – это не только собственно полуостров, но и значительные территории севернее (Таврия) и восточнее (Северо-Западный Кавказ). Адыги еще в XIII в. прочно обосновались на полуострове. Сведений об этом достаточно. С. Бронеvский пишет: «Сии (черкесы) удержали за собой восточный берег Азовского моря до Дона, овладели Керчью в Крыму, делали частые набеги, как в сем полуострове, так и в других странах Европы» [22]. С. Хотко, говоря о происхождении мамлюков династии Бурджи, указывает: «...бурдж – одно из черкесских племен XIII в. Место его расселения, согласно данным Николаса Витсена, Туннмана и ал-Айни – восточный Крым и восточный берег Азовского моря. Этот регион, населенный адыгами, поставил Египту первых мамлюков» [23]. Эти районы Крыма поставляли воинов не только в мамлюкскую гвардию египетских султанов, но и в золотоордынское войско. Если же учесть тот исторический факт, что в эпоху упадка Золотой Орды сарайские ханы предпочитали управлять своими улусами руками местных феодалов и вождей, то становится понятным, почему в управление Мамаю достался Крымский улус. С достаточной долей вероятности можно предположить, что в 1361 г. Мамай удалялся не только в свою «сатрапию». Он удалялся на родину, служившую ему тылом и крепостью. Здесь Мамай приступил к вербовке воинов из числа своих соотечественников и соседей – черкесов и алан (ассов), которые позднее примут активное участие в сражении на Куликовом поле. Известно, что в ряды его войска вливались и генуэзские наемники – жители Каффы, и татары, незадолго до описываемых событий обосновавшиеся в степной части Крыма.

Возникает еще один вопрос: почему в качестве марионетки Мамай избрал Абдуллаха, а не юного Тохтамыша – прямого наследника престола, истинного Джучида и своего родственника. Ответ, скорее всего, состоит в том, что Тохтамыш еще раньше попал под влияние кок-ордынской группировки и пользовался ее представителями в той же мере, в какой Мамай стал использовать Абдуллаха. Бегство же Тохтамыша, видимо, напрямую связано с очередным усилением «партии» Мамаю и реальной угрозой жизни законного наследника со стороны ее представителей.

За год – с весны 1361-го по лето 1362 гг., пока Мамай в Крыму копил силы для решительной схватки, на сарайском престоле сменилось три (!) хана: Ордумелик, Кельдибек и Мюрид. Надо полагать, эти ханы были представителями кок-ордынской ветви Джучидов. Последний из них, разбив войска Кельдибека и уничтожив его самого летом 1362 г., уже торжествовал победу. Однако не успел Мюрид воссесть на ханский трон, как из своего улуса во главе отборного войска появился Мамай. В намерениях его

уже никто не сомневался: войско направлялось к столице Золотой Орды – Сарая аль-Джадид. Захватив Сарай, Мамай по неизвестным причинам не стал сажать на престол Абдуллаха. По крайней мере, ни в Полном собрании русских летописей, ни в «Книге побед» Низам ад-Дина Шами, где перечисляются все правившие после Мюрида ханы, имени Абдуллаха нет. Вообще в трудах восточных летописцев, посвященных родословной золотоордынских ханов, царит путаница, особенно в той части, которая касается порядка престолонаследования в 60–70-х гг. XIV в. Видимо, такая неразбериха является следствием двух причин. Во-первых, необычайная чехарда на ханском троне; во-вторых, в условиях существования двух, а то и более «партий», претендующих на власть, вполне объясним факт наличия в каждой из них «карманных» летописцев. Они-то и трактуют ордынскую генеалогию по усмотрению своих хозяев. Если же добавить сюда традицию некритического переписывания трудов предшественников, укоренившуюся во многих (не только восточных) летописных школах, то мы и получаем искомое объяснение этой неразберихи в дошедших до нас текстах.

За время пребывания Мамаю в столице на престоле сменилось несколько ханов-марионеток. Однако укрепить центральную власть Мамаю так и не удалось. Напротив, его попытки объединить ордынские улусы встретили ожесточенное сопротивление со стороны таких же, как и он сам, «выскочек» из числа эмиров. Наиболее сильные в военно-политическом отношении группировки возглавляли иноземцы Хаджи-Черкес и Урусхан. Эти имена красноречиво говорят об этнической принадлежности их хозяев. Ситуация, сложившаяся в результате мятежа Мамаю, поразительно похожа на ту, которая возникла в Египте в период кризиса мамлюкского правления. В Золотой Орде сложились военно-политические корпорации, которые вели между собой непримиримую борьбу. Арабские историки сообщают, что несколько крупных эмиров, перессорившись, самостоятельно управляли своими владениями в окрестностях Сарая аль-Джадид. Ибн Хальдун в своей «Истории» пишет: «...они были несогласны между собою и правили своими владениями самостоятельно. Так; Хаджи-Черкес завладел окрестностями Астрахани (Хаджитархана), Урусхан своими уделами, Айбекхан таким же образом. Все они назывались походными эмирами» [24].

В середине 70-х гг. XIV в. Хаджи-Черкес (в некоторых источниках Черкес или Черкес-хан) значительно укрепил свою власть в Хаджитархане и усилил войско. На короткий срок ему удалось объединить под своей властью левобережные районы Нижнего Поволжья и изгнать Мамаю из столицы. Это произошло либо в 1374-м, либо в 1375 гг., так как Хаджи-Черкес правил Хаджитарханом в течение этих двух лет. Упоминания о действиях этого эмира и его соперников содержатся в той же «Истории» Ибн Хальдуна: «...потом, перессорились эмиры, которые овладели областями сарайскими. Хаджичеркес, владетель астраханских уделов, пошел на Мамаю, победил его и отнял у него Сарай. Мамай отправился в Крым и стал править им независимо. Когда Хаджичеркес ушел из своего владения, то Урусхан послал войска свои из горной страны Хорезмской,

которые осадили Астрахань. Хаджи послал свои войска против них во главе с одним из эмиров своих, который прибегнул к хитрости, успел отогнать их (войска Урусхана) от Астрахани, потом внезапно напал на них и на эмира, предводительствовавшего ими. Хаджичеркес был очень озабочен этой враждой. Против него выступил Айбекхан, отнял у него Сарай и несколько лет самовластно правил им» [25].

Итак, можно сделать некоторые выводы. Перед нами картина развала во всех государственных институтах Золотой Орды. В той части летописей, которые посвящены событиям 60–70-х гг. XIV в., имена номинально правивших ханов практически не упоминаются. В государстве действуют четыре враждующих между собой группировки, возглавляемые эмирами иноземного происхождения: адыгом Хаджи-Черкесом, славянином Урусханом, кипчаком или туркменом Айбеком и адыгом или метисом с примесью адыгской крови – Мамаем. По понятным причинам наибольший интерес для нас представляет личность Хаджи-Черкеса. Известно, что черкесский эмир не только правил Хаджитарханским улусом (1374–1375), но и, захватив Сарай аль-Джадид, стал чеканить свою монету [26]. По мнению некоторых исследователей, за недолгий период правления Хаджи-Черкес распространил свою власть не только на левобережье Волги – от Хаджитархана до Сарая аль-Джадид, но и на другие территории. А. К. Насонов, например, предполагает, что владения Хаджи-Черкеса включали в себя два улуса – Мохши и Хорезм [27]. В качестве доказательства он приводит сведения (правда, без ссылки на источник) о монетах с именем Черкеса, чеканенных в этих центрах [28]. Основываясь на своих данных, А. Насонов сделал вывод о том, что владения Хаджи-Черкеса врезались клином между русскими княжествами и улусом Мамаея. Земли, находившиеся под властью Хаджи-Черкеса, не только отделяли Русь от мамаевой орды, но и прерывали сообщения Мамаея с территорией Среднего Поволжья, то есть с бывшей Волжской Булгарией (г. Мохши, находился у современного г. Наровчата в Пензенской области). Однако, по мнению В. Егорова, версию А. Насонова нельзя принимать во внимание, так как она не подтверждена источниками. Более того, В. Егоров считает, что в этот период сарайские ханы придерживались исключительно оборонительной тактики и не пытались организовать нападение на утвердившегося в своем улусе Мамаея. На наш взгляд, В. Егоров во многом прав. В означенный период времени положение Хаджи-Черкеса было и без того довольно шатким и не позволяло ему предпринимать такие дальние походы. Речь может идти только о скоротечных набегах с целью грабежа, но отнюдь не о захвате соседних улусов. «Что касается Хорезма, – пишет В. Егоров, – то здесь в эти годы правила династия Суфи» [29].

В результате междоусобицы, спровоцированной Мамаем и усугубленной другими эмирами, территория Золотой Орды в 60–70-е гг. раскололась на две враждующие части, границей между которыми была Волга. И если ханы и узурпаторы Левобережья продолжали враждовать друг с другом, то Мамаю удалось на некоторое время создать на территории подвластных ему улусов довольно монолитное государственное объединение. «Районы между Волгой, Доном и Днепром, Северный Кавказ и Крым, –

пишет В. Егоров, – находились под властью Мамаю и марионеточных ханов» [30].

Итак, в 60–80-е гг. XIV в. Золотая Орда как единое государство практически перестала существовать. На ее территории возникло сразу несколько центров, борющихся между собой за политическую гегемонию. Однако их экономический, а следовательно и военный потенциал был далеко не равнозначным. В то время как ханы и эмиры Левобережья продолжали изнурительное соперничество за власть, ушедший за Волгу Мамаю получил возможность основательно подготовиться к предстоящей борьбе. Сама география Мамаева улуса – наличие развитой сети коммуникаций и крупных городов – представляла много выгод. С Дальнего Востока в Крым пролегла крупнейшая торговая артерия средневековья. К торговым центрам Каффе, Солдаюе (г. Судак), Солхату (п. Ст. Крым) свозились предметы роскоши – дорогие ткани, драгоценные камни, металлические изделия, пряности. Сюда же стекались товары из северных областей Руси и Приуралья, наибольшую ценность из которых представляли меха, особой выделки болгарские кожи, мед, воск, льняные ткани. Северный Кавказ и Предкавказье являлись основными поставщиками зерна, лошадей, рыбы и рабов. Все категории экспорта пользовались неослабевающим спросом в странах Ближнего Востока и Европы. Портовые города Крыма являлись важнейшими пунктами международной транзитной торговли на протяжении XIII–XIV вв. Взимаемые ордынцами пошлины и другие поборы регулярно поступали в казну Мамаю и шли на нужды его войска. С появлением в устье Дона крупного перевалочного пункта Азак (итал. Тана) «золотой поток», текущий в ордынскую казну, увеличился. Благодаря предприимчивости генуэзцев в торговые отношения были вовлечены и черкесские племена, жившие по левому берегу Дона, в Восточном Приазовье, Крыму и на черноморском побережье. Крупнейший знаток мировой торговли XIV в. Франческо Бальдуччи Пеголетти приводит в своем трактате обширнейший список товаров, в числе которых пшеница, рожь, просо, соленая рыба, икра и рабы. Причем пшеница и рожь грузились не только в Азаке, но и в нескольких мелких портах, располагавшихся на азовском побережье, то есть непосредственно на черкесских землях. По мнению В. Егорова, это может служить надежным свидетельством в пользу местного происхождения экспортируемого зерна [31]. Следует сказать, что города Крыма и Приазовья были не единственным источником богатства Мамаева улуса. Важными, как в экономическом, так и в военном плане, оставались такие пункты, как Демиркапу (Дербент) и Булгар. В последнем Мамаю, при помощи русских князей, посадил своего наместника – Махмат-Солтана (Мухаммед-Султана).

Таким образом, в руках Мамаю оказались ключевые в стратегическом отношении центры, связанные между собой сетью караванных путей. Наличие развитых коммуникаций с рядом опорных пунктов на всем их протяжении позволяло Мамаю, в случае необходимости, быстро перемещать войска в любую часть своего улуса без проблем со снабжением. Основываясь на сведениях известных нам источников, можно с уверенностью сказать, что к началу 80-х гг. XIV в. Мамаю основательно подготовился к

решающей схватке за ханский престол, но поражение на Куликовом поле и неожиданное появление на исторической арене Тохтамыша разрушило все планы могущественного темника.

На протяжении всего существования Золотая Орда оказывала огромное влияние на подвластные ей народы. Это влияние оставило глубокие следы в их истории и культуре. Не стали в этом смысле исключением и народы Северного Кавказа, в частности черкесы. Сохранившиеся до нашего времени топонимические названия и изменения (правда, незначительные) в антропологическом типе адыгов красноречиво об этом свидетельствуют. Вопреки установившемуся в отечественной и зарубежной исторической литературе мнению, тюрко-монгольская экспансия не всегда и не везде имела отрицательные для покоренных народов последствия. Она, безусловно, была губительна для многих этносов (кипчаки, аланы) и национально-политических образований (русские княжества). Однако в отношении адыгов такое утверждение, по нашему мнению, не совсем верно. Трудно полностью согласиться с тем, что нашествие татаро-монголов крайне отрицательно отразилось на всей дальнейшей истории черкесов. Авторам этого распространенного утверждения следует вспомнить о том, что именно благодаря практически полному уничтожению кипчакского и аланского населения, в Центральном Предкавказье и Кавказе образовалась огромная территориальная ниша, которая стала быстро заполняться адыгскими племенами. Эти территории стали экономическим фундаментом для формирования новой ветви черкесского этноса – кабардинцев. Подобные процессы, как показывает исторический опыт, почти всегда сопровождались стремительным ростом численности населения занятых областей. Таким образом, татаро-монголы если и прервали, временно, процесс консолидации адыгов, то параллельно, желая того или нет, создали условия для увеличения их этнической территории и численности, а следовательно, подготовили базу для возобновления этого процесса в скором будущем. Да, объединения адыгов в рамках единой нации так и не произошло, но на это были уже совсем другие объективные и субъективные причины.

Условно историю взаимоотношений черкесов и Золотой Орды можно разделить на четыре периода:

1-й период (1243 г. – конец XIII в.) характеризуется рядом военных столкновений, в ходе которых практически все (за исключением причерноморских) черкесские племена были покорены татаро-монголами;

2-й период (конец XIII – 1-я четверть XIV вв.) – это время начала интеграции населения Черкесии в государственные структуры Золотой Орды;

3-й период (1-я четверть – 60-е гг. XIV в.) примечателен возрастанием роли черкесских предводителей, поступивших на службу к ордынским ханам;

4-й период можно назвать временем узурпаторов. Он отмечен ожесточенной борьбой за центральную власть в Орде между ханскими сановниками и военачальниками. Результатом центростремительных тенденций

становится фактический развал Золотой Орды как единого государства. Во многих обособившихся улусах к власти приходят эмиры-черкесы.

История показывает, что сарайские ханы и их наместники быстро поняли все выгоды, вытекающие из дружественного отношения к покори́вшимся черкесам. Об этом говорит тот факт, что за исключением нескольких эпизодов (в период завоевания Северного Кавказа и в правление Токта-хана, Узбека и Тохтамыша) золотоордынцы не предпринимали против адыгов серьезных военных акций, направленных на уничтожение населения. Более того, прекрасно понимая геополитическое значение завоеванного региона, ордынцы предпочитали иметь в лице местных феодалов лояльных вассалов, нежели непримиримых врагов. Такая политика по отношению к покоренным племенам (и не только на Западном Кавказе) достаточно четко обозначилась в период правления Токта-хана, а затем и Узбека. При этих ханах практика принятия на службу черкесских вождей стала традиционной. Черкесские нойоны и эмиры довольно быстро проникли в высшую военную элиту государства и, оказывая «услуги» ханам, получили возможность влиять на политику Золотой Орды. Можно сказать, что здесь политическая ситуация развивалась по такому же сценарию, по какому ранее был образован мамлюкский султанат, где рабы заняли место хозяев. Лишь вторжение среднеазиатского владыки Тимура нарушило этот процесс.

Примечания

1. *Кокиев Г. А.* Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев). Нальчик, 1946.; *Ртведадзе Э. В.* К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в Центральные районы Северного Кавказа (Тезисы докладов и сообщения). Грозный, 1973.; *Лавров Л. И.* Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории. Советская этнография, 1956. № 1.; *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. н. э. Л., 1979.; *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа; Краниологическое исследование. М., 1974.

2. *Кокиев В. Г.* Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев). Нальчик, 1946. С. 19–36.; *Закиров Салих.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом, XII–XIV вв. М., 1966. С. 57, 58.

3. *Керефов Б. М.* Рукопись статьи «Адыги в XIII–XV вв.». С. 3.

4. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. М., Л., 1960. С. 40, 71, 72.

5. Там же.

6. *Паоло Карпини, Рубрук.* Путешествия в восточные страны. М., 1957.

7. *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М, 1985. С. 47.

8. *Паоло Карпини, Рубрук.* Путешествия в восточные страны. М., 1957. С. 89.

9. *Хотко С. Х.* Черкесские мамлюки. Майкоп, 1993. С. 57.

10. *Керефов Б. М.* Указанная рукопись. С. 2.

15. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 92.

12. Там же. С. 307.

13. Адыгэ ӀуэрыӀуатӕхэр. Т. 2. Нальчик, 1970. С. 75.

14. *Керефов Б. М.* Указ. рук. С. 2.

15. *Тизенгаузен В. Г.* Указ. сб. С. 86.

16. *Массэ А.* Ислам. М., 1962. С. 177.
17. *Егоров В. Л.* Указанная монография. С. 47, 48.
18. *Тизенгаузен В. Г.* Указанный сборник. С. 105.
19. Там же. Т. 2. С. 129.
20. Там же. С. 391.
21. *Хотко С. Х.* Указ. моногр. С. 115.
22. Там же. С. 62, 63.
23. Там же. С. 51.
24. *Тизенгаузен В. Г.* Указ. сб. Т. 1. С. 391.
25. Там же.
26. *Федоров-Давыдов Г. А.* Находки джучидских монет. В кн.: Нумизматика и эпиграфика. Т. 4. М., 1963. С. 186.
27. *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.: Л. 1940. С. 131.
28. *Егоров В. Л.* Указ. моногр. С. 61, 62.
29. Там же. С. 62.
30. Там же. С. 59.
31. Там же. С. 93.

Далхат ТЕММОЕВ,
доктор медицинских наук, профессор,
зав. кафедрой психиатрии, наркологии и неврологии КБГУ

Психическое здоровье и социальные перемены в обществе

Общепризнанное понятие о биопсихосоциальной сущности природы человека указывает на важность социальных факторов в формировании личности, ее нравственного и интеллектуального потенциала, своеобразного баланса основных психических функций, определяющих состояние психического здоровья. Повсеместно считается, что именно психическое здоровье является основой здоровья человека. Еще в тридцатых годах академик И. П. Павлов подчеркивал: «Нас в жизни интересует только одно – наше психическое содержание...» (в актовой речи при вручении ему Нобелевской премии по медицине). Отдавая должное неповторимой индивидуальности каждой конкретной личности, следует заметить, что любое общество в реальный исторический отрезок времени приобретает некие общие ментальные параметры, позволяющие судить о психическом здоровье нации. Недаром Фридрих Ницше в своей работе «По ту сторону добра и зла» отметил, что «безумие редко поражает отдельных индивидуумов, зато правит целыми группами, нациями и эпохами».

Исследования последних лет показали, что в нашей стране наблюдается значительный рост социально-детерминированных заболеваний – пограничных нервно-психических расстройств (15–20 %), алкоголизма, наркомании. Одновременно можно заметить, что там, где социальные перемены носили наиболее выраженный характер, наблюдается резкий скачок определенных психических расстройств, таких, например, как посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и др. Неврозы (Чечня, Ингушетия и др. зоны боевых действий, терактов). Характерные симптомы этих болезней: нарушение сна, социальная отгороженность, злоупотребление алкоголем и наркотиками, а также антисоциальное поведение, повторное переживание событий и др. Неврозы и другие социальнострессовые расстройства в настоящее время весьма распространены как у нас, так и за рубежом. Неспециалисту трудно понять причинную связь этих болезней со стрессами, социальными переменами в обществе. Для понимания таких невротических расстройств приведу концепцию известного немецкого психиатра и психоаналитика Гюнтера Амона о принципах социальной энергии и социально-энергетического поля. Здесь сразу же надо оговорить, что приведенные дефиниции не представляют собой ничего мистического, не имеют никакого отношения к пресловутым «биополям», а отражают совокупность и групповую динамику межличностных отношений. Согласно этой теории, развитие личности, как гармоническое, так и патологическое, зависит от социальной энергии, возникающей и передающейся в результате межличностных контактов. Эта энергия может быть конструктивной, деструктивной и дефицитарной,

причем энергетическое поле каждой личности содержит в тех или иных соотношениях все три данных элемента групповой динамики. К примеру, отцы и деды дореволюционного периода (до 1917 г.) физически и духовно были более гармоничными. Они с завидной стойкостью преодолевали социальные трудности перемен, т.к. были заряжены конструктивной социальной энергией. Человек тогда оценивался по фактическим достоинствам. Поэтому они доживали до глубокой старости, сохранив мудрость и здоровье для будущих поколений. Поколения периода тоталитарного режима (1917–1985) сформировались под влиянием другой социальной энергии (деструктивной), детерминировавшей в последующем «уровненного» и безличного человека.

Период перестройки с 1985 г. и по настоящее время характеризуется крутой ломкой длительно формировавшихся социально-психологических стереотипов. Он также не может служить основой для нормального развития человека. Новая обстановка ведет большинство людей в совершенно иную, незнакомую и тревожную, не имеющую четких ориентиров жизнь, что является чрезвычайно стрессогенным. Если к этому добавить шквал шокирующей социальной информации в СМИ, то неизбежен факт значительной деформации в психологии людей. Вследствие этого у большей части населения развился особый психологический феномен – «кризис идентичности». В американской психиатрии это понятие обозначает потерю чувства самого себя, т. е. затруднение или невозможность приспособления к собственной роли в изменившемся обществе. Кризис идентичности в наших условиях определяется разрывом между требованиями стремительно меняющихся общественных и экономических отношений и вполне объяснимой ригидностью личностных установок, стереотипов поведения. В результате возникновения этого феномена (как следствие неспособности сознания адекватно реагировать на ситуацию) резко повышается роль бессознательного инстинктивного, начинающего определять поведенческие реакции человека.

Можно выделить три основных вида кризиса идентичности – «апатический», который проявляется своеобразным пассивным уходом в себя, утратой жизненного тонуса, прежних интересов, активности и целеустремленности. Настроение приобретает тревожно-депрессивный характер, преобладает ощущение своей незначимости, неверие в собственные силы и возможности. Такие люди как бы плывут по бурным волнам жизни, смиренно и безвольно ожидая исхода этого плавания.

Второй вариант – «агрессивно-деструктивный», характеризуется активизацией инстинктов агрессии, разрушения. Такие личности формируют маргинальные слои нашего сообщества. Часть из них примыкает к наиболее экстремистски настроенным политическим группам и объединениям. Преобладающим в настроении становится аффект злобы, нетерпимость к иным точкам зрения, мышление становится сверхценным, а порою и параноидным. Именно такие люди становятся активными участниками митингов, демонстраций, других акций, придавая им деструктивный характер.

И, наконец, третий вариант кризиса идентичности можно условно

назвать «негативистическим». Для него характерно скептически-пессимистическое настроение, сопровождающееся негативной оценкой происходящего. Что бы ни предпринималось, ни делалось – такими людьми воспринимается отрицательно, при этом собственная активность либо резко снижается, либо извращается.

Таким образом, если вернуться к понятиям Г. Амона, то в нашем современном обществе продолжает доминировать деструктивная и дефицитарная социальная энергия, а описанный выше феномен кризиса идентичности является ее болезненным проявлением.

Вполне естественно, что в условиях социальных перемен (социального стресса) возрастает роль бессознательных защитных механизмов, оберегающих психическое здоровье людей, в той или иной степени освобождающих их от тревоги, эмоциональной напряженности. Выделим наиболее распространенные формы психологической защиты от социального стресса, которые в значительной мере определяют поведение как группы, так и отдельных индивидуумов. Причем одни защитные механизмы приносят облегчение конкретной личности, другие же вызывают не вполне адекватные поведенческие реакции, а то и болезни. К первым относятся «интеллектуализация», «отрицание», «репрессия», «сублимация», вытесняющие неприятные переживания и тревогу без ущерба для функционирования человека. Следует пояснить, что «интеллектуализация», как предсознательный защитный механизм, переключает ход мыслей на не связанные со сложной социальной жизнью события. «Репрессия» – перемещение отрицательных эмоций в сферу подсознательного, «отрицание» – непризнание реально тяжелых факторов внешней действительности, «сублимация» – переключение энергии на те или иные виды социально полезной деятельности (спорт, искусство и др.).

Наряду с этим, некоторые формы защитных механизмов, такие, например, как «обесценивание», оберегая личность, приводят к социально неблагоприятным формам поведения (бессознательное присвоение негативных свойств другим людям, как правило, добивающимся материального благополучия, ко всякого рода чужим успехам и др.), в которые данная личность желает, но не может интегрироваться. Возникающие при этом собственные социально неприемлемые помыслы и желания бессознательно переносятся по механизму проекции на других.

Сюда же относятся и такие защитные механизмы, как реактивные образования типа утаиваемого поведения. Так, подавляемое желание собственного обогащения ведет к бескомпромиссному отстаиванию так называемых социалистических ценностей; неудовлетворенные сексуальные инстинкты – к морализаторски-пуриганским тенденциям; неосознаваемое желание властвовать – к утрированным понятиям равенства и справедливости. Есть еще один интересный психологический механизм – это магическое мышление, проявляющееся бурным всплеском интереса ко всему иррациональному, необъяснимому. В последние годы страна буквально наводнилась астрологами, экстрасенсами, колдунами, ясновидящими, гадалками, – словом, происходит невиданный по размерам десант средневековья в действительность конца XX и начала XXI в. Можно до

бесконечности критиковать и обличать это явление, а также СМИ, вносящие немалую лепту в его распространение, и подчеркивать наносимый вред обществу (хотя бы взять события Беслановской трагедии и судебный процесс над ясновидящими по этому делу). Но нельзя не учитывать объективные предпосылки «магической пораженности» общества. Это связано с сочетанием присущего людям архаического желания чуда в экстремальной социальной ситуации с наличием низкой или примитивной психологической культуры населения. В то же время, следует отметить, что при всей своей негативности магическое мышление выполняет для ряда людей характер защитного механизма, позволяющего в какой-то мере облегчить переживания трудностей.

В случае разрушения механизмов психологической защиты происходит разрушение барьера психологической адаптации, ведущее к нарушениям психического здоровья. Возникающие при этом невротические и психосоматические расстройства (неврозы, гипертония и др.) имеют особые механизмы развития, связанные с устойчивой, социально обусловленной, психогенно травмирующей ситуацией. В этом плане представляется весьма точным и удачным выдвинутое известным ученым Ю. А. Александровским понятие «социально-стрессовые расстройства». По мнению этого автора, сама наша действительность стала естественной экспериментальной моделью клинической группы нарушений психического здоровья, требующих специальных углубленных исследований и поиска путей эффективной помощи. Именно в этом направлении ведется ряд исследований определенных профессиональных групп (водителей автотранспорта, педагогов, военнослужащих, студентов), подвергшихся воздействию социальных стрессоров с последующим нарушением психического здоровья и их лечением (работы сотрудников кафедры психиатрии, наркологии и неврологии медицинского факультета КБГУ под руководством профессора Д. Ч. Теммоева). Учитывая зависимость общественного и психического здоровья от социальных условий, к сожалению, наши профессиональные возможности в этом отношении ограничены. Лишь стабилизация и улучшение обстановки в регионах страны позволит освободиться от массивного психологического прессинга, создать благоприятные предпосылки для нормального развития и функционирования личности. В то же время это не означает, что ученые, психиатры должны пассивно следовать в фарватере событий. Сейчас назрела необходимость кардинальных перемен в существующей системе психиатрической помощи, в подготовке современно обученных психиатров, психотерапевтов, медицинских психологов; в принципиально новой организации психогигиенического просвещения населения. Проведение этих преобразований в нынешних экономических условиях крайне сложно, однако недооценка проблем психического здоровья может привести к катастрофическим социальным проблемам.

Саньят БОЛАТОВА,
аспирантка филологического
факультета КазНПУ им. Абая

От автора

Здравствуйте, уважаемые сотрудники «Литературной Кабардино-Балкарии»! Мы, балкарцы, живущие в Казахстане, всегда живо интересуемся жизнью и делами нашей родной республики. Радуемся вашим успехам на трудном пути преобразований, от души желая процветания прекрасному горному краю, его мудрым и мужественным людям.

Сочту за честь, если моя скромная работа увидит свет в журнале, отображающем на своих страницах все разнообразие литературного процесса – в произведениях моих дорогих земляков.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ В КОМПОЗИЦИИ РАССКАЗА

В основе стремления создавать произведения искусства лежит интерес к человеку. Но каждый человек – это и личность, характер, индивидуальность; и особая, только ему присущая внешность; и среда, в которой он существует; и его дом; и мир вещей, его окружающих, и еще многое другое... Идя по жизни, человек взаимодействует с собой, с близкими и далекими для него людьми, со временем, с природой... И поэтому, создавая образ человека в искусстве, писатель смотрит на него с разных сторон, воссоздавая и описывая его по-разному. В человеке художнику интересно все – лицо и одежда, привычки и мысли, его жилище и место службы, его друзья и недруги, его отношения с миром людей и миром природы. В литературе такой интерес принимает особую художественную форму, и чем глубже вы сможете изучить особенности этой формы, тем полнее откроется вам содержание образа человека в искусстве слова, тем ближе станет вам писатель и его взгляд на человека.

Картина изображаемого мира, образ героев произведения литературы в неповторимой индивидуальности складывается из отдельных художественных деталей. Неспроста в литературоведении и стилистике давно утвердилось мнение о том, что широкое использование художественной детали может служить важным показателем индивидуального стиля. Деталь функционирует в целом тексте. Она необходима для экономного стиля, без нее невозможно было бы емко и точно, несколькими фразами дать индивидуальную характеристику героям, показать авторское отношение к ним, создать и охарактеризовать изображаемый мир. Художественная деталь – это изобразительная или выразительная художественная подробность: элемент пейзажа, портрета, речи, психологизма, сюжета.

Художественная деталь – это особо содержательная подробность. Автор интересных работ о малом прозаическом жанре С. Антонов не раз подчеркивал большую смысловую и эмоциональную нагрузку, которая ложится на деталь. Она «как будто специально создана для произведения короткого жанра: она немногословна, портативна, а заменяет иногда целую главу» [1, с. 14].

Многие литераторы указывали на особую роль детали в рассказе, помогающей автору добиваться предельной сжатости изображения. Большинство авторов рассматривают деталь как характерную единичную черту или подробность, отличающуюся изобразительной силой. Исследователь детали Р. Цивин предлагает следующее определение детали: «Художественная деталь – специфическое средство обобщения, это конкретность, подробность, которая несет в себе общее, она обязана по замыслу автора в сюжете произведения превзойти, умножить самое себя» [2, с. 19].

С. Антонов раскрывает характерное свойство детали, чрезвычайно важное для жанра рассказа. Оно «заключается в том, что деталь способна передать уму и сердцу гораздо больше, чем голая словесно-смысловая ткань фразы, выражающая эту деталь» [1, с. 162], то есть теоретик малого жанра таким образом разграничивает форму и содержание детали, хотя по сути они взаимосвязаны. Нельзя не согласиться и с таким утверждением С. Антонова, что «деталь – сильнодействующее средство на читателя. Деталь, поставленная в подходящем месте, вызывает в сознании читателя массу ассоциаций» [1, с. 162, 165]. Конечно, было бы неверным недооценивать значение художественной детали в произведениях других жанров. Однако в рассказе деталь характеризуется чрезвычайной экономичностью, большой смысловой нагрузкой и нередко глубоким подтекстом. В выборе детали большое значение имеет глубокое знание жизни автором, изучение психологии людей. Помимо прочего, деталь способна стимулировать или разрушать доверие читателя к рассказу. Даже при решении художественных задач рассказ остается сам собой, то есть инструментом фиксации реальности. В этом смысле любая неудачная деталь способна разрушить формируемый художественный образ. И, наоборот, достоверная деталь, работающая на основную идею, способна отвлечь зрителя от некоторых технических и эстетических несовершенств. Значимую деталь имеет смысл не акцентировать, а сделать главным элементом. Бывает ведь и так, что красота отдельно взятой детали превосходит красоту целого. Акцент может играть и дополнительную информационную роль. В этом качестве акцентированная деталь меняет наше восприятие не за счет визуально-психологического эффекта, а за счет дополнительной информации, которую она в себе содержит. И в этом заключается значимость художественной детали. В тех случаях, когда деталь является значимым и сущностным элементом композиции, необходимо подумать, как сделать на ней акцент. Для того чтобы быть заметной, деталь должна выделяться цветом, яркостью, контрастом, формой и т. п.

Но наиболее полно информационная сущность деталей раскрывается в изображениях иного рода, а именно: в изображениях, предназначенных для внимательного рассматривания. Общая композиционная стройность по-прежнему продолжает играть для таких изображений довольно существенную роль. Но на первый план все же выходит информация, заложенная в многочисленные детали. Кроме того, акцент на предметный мир, на пейзаж, на портрет, на бытовую обстановку мотивируется тем, что человек как основной предмет искусства очень часто в своем содержании по существу сводится к этой предметной особенности жизни. Иначе говоря, сущность человека, причем именно психологическая сущность человека, очень нередко может быть сведена к этому миру вещей.

Функция предметной детали получила классическое определение

как непременно действенное, в том числе и в сюжетном отношении, эстетическое явление. Более ста лет назад сказано: если в одном из актов пьесы выставлено ружье, то оно должно выстрелить. А не просто быть убранным в антракте. Кстати, эти слова обычно приписывают Чехову, хотя в действительности они принадлежат режиссеру В. Немировичу-Данченко. Но не следует это утверждение понимать слишком прямолинейно: ружье может и не выстрелить, оно может функционировать иначе, но функционирует обязательно. Такая особенность художественного мира в рассказе привела к тому, что особое значение стали иметь художественные детали. Нужно выяснить точное значение термина «деталь», так как довольно часто в литературоведческих работах используются два похожих понятия: деталь и подробность.

В литературоведении нет однозначного толкования того, что такое художественная деталь. Одна точка зрения изложена в краткой литературной энциклопедии, где понятия художественной детали и подробности не разграничиваются. Авторы «Словаря литературоведческих терминов» под редакцией С. Тураева и Л. Тимофеева вообще не определяют эти понятия. Другая точка зрения высказана, например, в работах Е. Добина, Г. Бялого, А. Есина, по их мнению, деталь – это наименьшая самостоятельная значимая единица произведения, которая тяготеет к единичности, а подробность – наименьшая значимая единица произведения, которая тяготеет к подробности. Различие между деталью и подробностью не абсолютно, ряд подробностей заменяет деталь. В смысловом отношении детали делятся на портретные, бытовые, пейзажные и психологические. Говоря далее о художественной детали, мы придерживаемся именно такого понимания этого термина, но со следующим уточнением. В каких случаях автор использует деталь, а в каких подробность? Если автор по какой-либо причине желает конкретизировать большой и значимый образ в своем произведении, то он изображает его с необходимыми подробностями (таково, например, знаменитое описание щита Ахиллеса у Гомера), которые разъясняют и уточняют смысл целого образа, подробность можно определить как стилистический эквивалент синекдохи^{*}; если же автор используют отдельные «мелкие» образы, которые не складываются в единый общий образ, и имеют самостоятельное значение, то это и есть художественные детали. Итак, деталь характеризуется чрезвычайной экономностью, большой смысловой нагрузкой и нередко глубоким подтекстом.

Выделяются психологические детали: деталь-жест, деталь-штрих, деталь-действие, характеризующие особенности внешнего поведения и внутреннего самочувствия героя, речевые детали, бытовые детали, деталь одежды, портретные: портреты-описания и портреты-впечатления. Для того чтобы понять психологический портрет персонажа, важно наблюдать за его жестами, которые называются «безмолвными знаками мысли». Жесты повелительные, вопросительные, жесты отчаяния, беспомощности, грубые, нежные, детские, порывистые помогают проникнуть во внутреннюю жизнь человека. Портреты-описания передают читателю подробности облика человека, а портреты-впечатления передают мнение

---

* Синекдоха (*греч.* *synekdoche*, *букв.* – соотнесение), вид метонимии, название части (меньшего) вместо целого (большого) или наоборот («пропала моя головушка» вместо «я пропал»).

смотрящего, автора или другого персонажа, а также понять чувства того или иного героя. Художественные тексты поражают обилием разноречивых описаний глаз, волос, рук, талии, оттенков голоса и смеха, элементов костюма. Здесь писатели неизбежно останавливаются на изобразительных деталях. Это могут быть детали цветовые, телесные, мимические жесты, звуковые детали, детали поведения, тактильная деталь, пейзажная деталь. Например: поющий, плачущий, смеющийся голос; походка легкая, бесшумная, тяжелая; шумы, шорохи, шепот, шуршание. Одежда литературного персонажа всегда значима. В литературе выражение «по одежке встречают» имеет прямой смысл. Писатель всегда продумывает костюмы персонажей. Одежда выдает пол, возраст, национальность, профессию, общественное положение, вкус, отношение к моде и даже мировоззрение. Одежда часто и ситуативно значима: небрежность, неряшливость, отсутствие каких-либо компонентов (галстука, украшений) всегда мотивировано внутренним состоянием личности (спешка, волнение, забывчивость, равнодушие, эпатаж).

Если говорить о значимости деталей, то придется признать, что при желании всегда можно к чему-то придраться: мало деталей, много деталей, несущественные детали, не так показаны, не гармонируют между собой, не отражают замысел, не работают на общую идею, нарушают равновесие элементов изображения, на деталях не расставлены акценты, главные детали не отличаются от второстепенных и т. д., и т. п. Если же вникнуть в суть, то чаще всего за такой критикой стоит банальное «не нравится». В подобном случае разумно спросить у критика, насколько улучшится изображение, если учесть его критические замечания. И очень часто критик вынужден будет признать, что хотя его замечания в определенной мере справедливы, но по большому счету изображение просто безнадежно и надо что-то менять в корне (в замысле). Нравится ли нам или нет, но надо признать, что, увы, не соблюдение формальных правил делает произведение шедевром, а душа автора, вложенная в него. Ю. Лотман писал: «...значимый элемент – всегда нарушение некоторого ожидания...». В силу этого нет и не может быть никакого унифицированного единого подхода к отображению и трактовке деталей. Каждый художник должен решать подобные задачи сам. И еще одна мысль. Как-то раз, выступая в одной из телевизионных передач, режиссер Геннадий Полока сказал примерно такую фразу: «Все художники обладают большим самолюбием. Но вот когда забываешь о своем самолюбии и весь погружаешься в чье-то творение – то, значит, перед тобой настоящее искусство». Верная мысль! Точно так же, если мы стоим перед авторским творением и размышляем о композиции в целом и о деталях в частности, то это значит, что работа не зацепила нас, не тронула наши души. Если же мы стоим перед работой в немом восхищении, потрясенные ее сущностью и формой, и даже готовы простить автору многочисленные отдельные грехи, то, это значит, перед нами подлинное произведение искусства.

Литература

1. Антонов С. Письма о рассказе. М., 1973.
2. Цивин Р. Автореферат «Художественная деталь и ее идейно-эстетические функции в литературном произведении». К., 1970.
3. Словарь литературоведческих терминов.

В номере:

<i>К 90-летию со дня рождения З. П. Кардангушева</i>	3
<i>К юбилею С. М. Моттаевой</i>	5
<i>Борис Зумакулов. О времени и о себе. Глава из документально-художественной повести</i>	7
<i>Зарина Канукова. Огонь и лед. Стихи</i>	26
<i>К 85-летию со дня рождения Б. П. Черемисина</i>	33
<i>Людин Бозиев. Милосердный. Рассказ</i>	34
<i>Сафарби Хахов. Велга. Глава из повести</i>	38
<i>Эльдар Гуртуев. За морем – долина ветров. Рассказ</i>	55
<i>Хамзат Кубанов. Стихи</i>	67
<i>Борис Ашижеев. Стихи</i>	69
<i>Людмила Загаштокова. Стихи</i>	72
<i>Мусса Байдаев. Стихи</i>	74
<i>Роза Урусова. Стихи</i>	76
<i>Борис Кудаев. Ассоциации. Не друзья, а товарищи. Эссе. Новелла</i>	79
<i>Харитон Галачиев. Двустушия</i>	94
<i>Хайшат Кунижеева. Демкина. Голландские куры по старой цене. Рассказ</i>	95
<i>Светлана Алхасова. Лето в Псыгансу. Глава из повести</i>	97
<i>Анатолий Камбиков. Запах хлеба. Рассказ</i>	100
<i>Наш семинар: Альберт Конуков, Марьяна Кочесокова, Альбина Кярова, Анфиса Канукова, Азамат Дзагаштов, Залина Шомахова, Анжела Нартокова, Аслангери Бербекоев</i>	105
<i>Диана Проскурякова. Стихи</i>	121
<i>Динара Афаунова. Воспоминания об осени. Эссе</i>	123
<i>Жанна Кандорова. ЮТК – в авангарде перемен. Статья</i>	125
<i>Ирина Шадова. Проблема «Человек и война» в рассказах и очерках А. Т. Шортанова. Статья</i>	128
<i>Жаухар Аппаева. Ни минуты покоя. Очерк</i>	132
<i>Виктор Котляров. Валерка, которого помнят.. Очерк</i>	136
<i>Хыйса Османов. Свидетели старины былой. Очерк</i>	142
<i>Мухамед Кокоев. Верность долгу и чести. Очерк</i>	145
<i>Галина Калкова. Живительный «Родник». Статья</i>	149
<i>Рита Алокова. Центр «Эрудит». Статья</i>	158
<i>Анзор Маремуков. Лицей – победитель. Интервью</i>	162
<i>Зурида Кокова. Воспитание толерантности... Статья</i>	166
<i>Екатерина Жабоева. Читая книгу Людмилы Созаевой «Шаг за шагом». Статья</i>	170
<i>Ибрагим Гукемух. Черкесы и Золотая Орда в XIII–XIV веках. Статья</i> ..	176
<i>Далхат Теммоев. Психическое здоровье и социальные перемены в обществе. Статья</i>	191
<i>Саньят Болатова. Художественная деталь в композиции рассказа. Статья</i>	195

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
№ Н-0150 от 16.12.98
Подписной индекс 78452

Технический редактор, компьютерная верстка: *О. Ф. Малюга*

Подписано в печать 20.01.08. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman PS MT. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,5.
Уч.-изд. л. 13,75. Тираж 2220 экз. Заказ № 12.
36000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5. тел.: 47-74-02, 42-75-22.
Отпечатано ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года».
КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением дискеты и личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).
